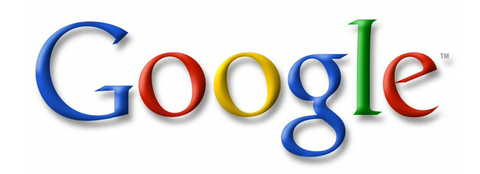
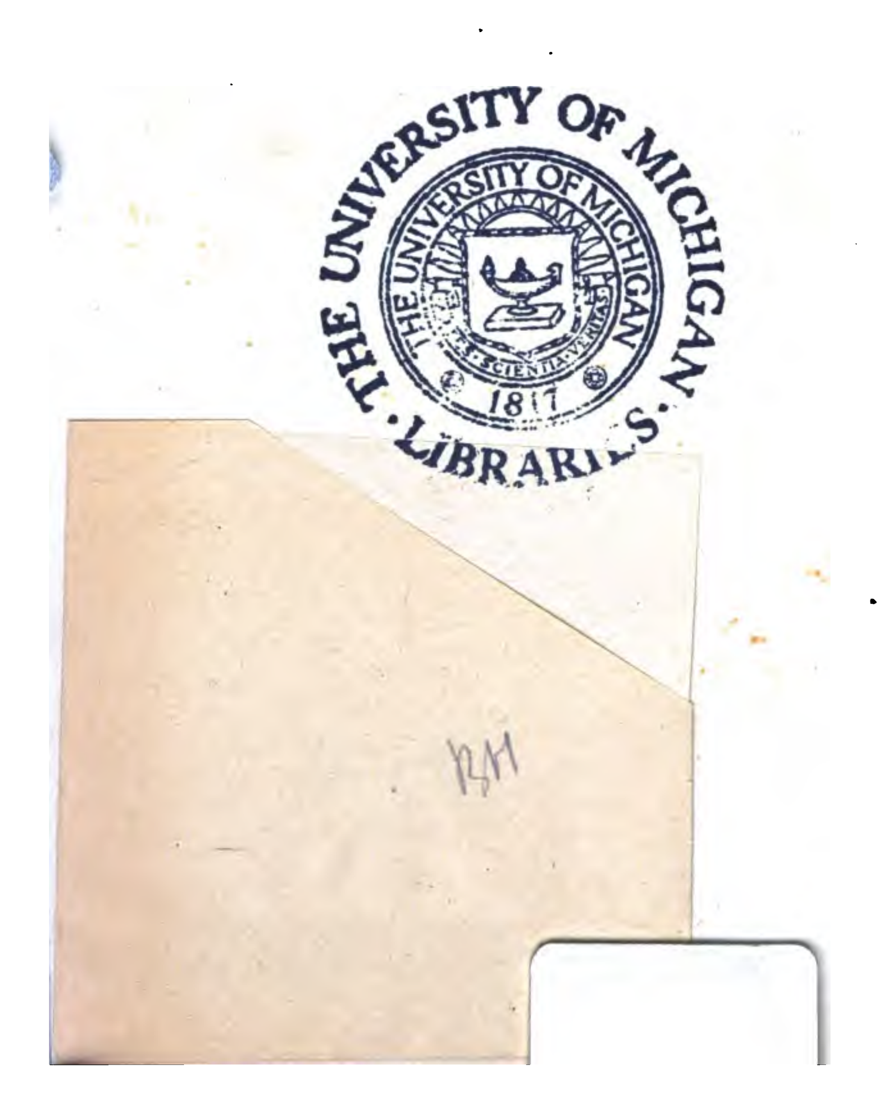
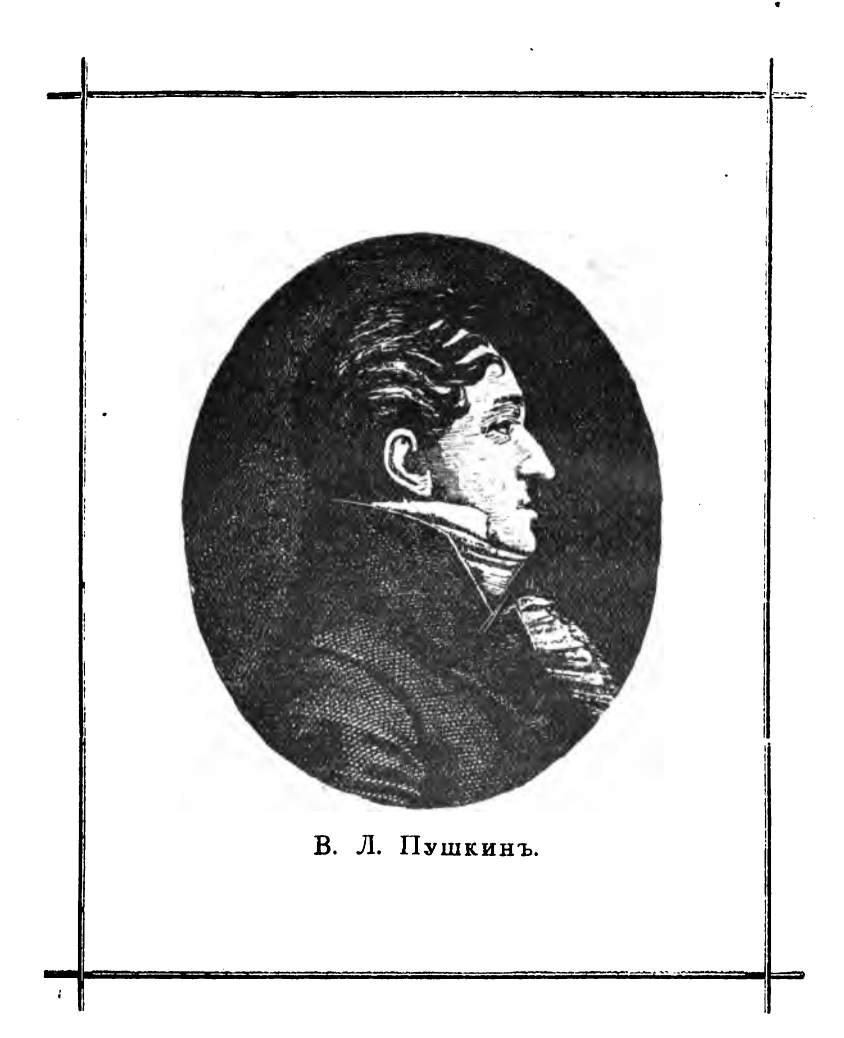

891.78
P992
1893
A 471414

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN · LIBRARIES ·
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
ARTES · SCIENTIA · VERITAS
1817

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
SCIENTIA VERITAS
1817

В. Л. Пушкинъ.

СОЧИНЕНІЯ

В. Л. ПУШКИНА,

ИЗДАННЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

В. И. Саитова.

Съ біографическимъ очеркомъ и примѣчаніями.

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

КЪ ЖУРНАЛУ

„СѢВЕРЪ“,

ЗА

ОКТЯБРЬ

1893 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Евг. Евдокимова.

1893.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 октября 1893 года.

Типографія Е. Евдокимова, Троицкая ул., № 18.

Первое собраніе стихотвореній В. Л. Пушкина, задуманное имъ еще въ 1812 году, во время пребыванія въ Нижнемъ-Новгородѣ, вышло въ Петербургѣ, въ 1822 году, съ портретомъ автора, гравированнымъ Галактіоновымъ. Это изданіе Пушкинъ печаталъ заочно, при участіи П. А. Плетнева, князя П. А. Вяземскаго и Карамзина. При печатаніи этого изданія не обошлось безъ затрудненій со стороны цензурнаго комитета, не соглашавшагося на пропускъ двухъ піесъ: второго посланія къ Дашкову, за выраженную авторомъ похвалу Вольтеровскому «Кандиду», и эпиграммы, начинающейся: «Лишился я жены, любовницы, коня». Посланіе отстоялъ Карамзинъ, но эпиграмма была исключена (Соч. Плетнева, т. III, стр. 382 — 385; Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 312, 332, 336 — 337).

Смирдинское изданіе 1855 г. представляетъ перепечатку предшествовавшаго, съ прибавленіемъ пяти піесъ. Настоящее собраніе сочиненій Пушкина заключаетъ въ себѣ всѣ прозаическія статьи, письма и стихотворенія Василія Львовича, печатавшіяся въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, альманахахъ, сборникахъ и вышедшія отдѣльно, за исключеніемъ «Опаснаго Сосѣда», не удовлетворяющаго цензурнымъ требованіямъ. Послѣднее по времени стихотвореніе Василія Львовича, посланіе къ А. С. Пушкину, печатается впервые по рукописи Императорской Публичной Библіотеки.

ОГЛАВЛЕНIЕ.

Разныя стихотворенія.

Проза.

Письма.

В. Л. ПУШКИНЪ.

(историко-литературный очеркъ).

Василій Львовичъ Пушкинъ родился въ Москвѣ 27-го апрѣля 1770 г. Отецъ его, Левъ Александровичъ, артиллерійскій подполковникъ, принадлежалъ къ числу преданныхъ слугъ Петра III и во время государственнаго переворота 1762 г. отказался присягать Екатеринѣ, за что и былъ посаженъ въ крѣпость, но черезъ два года выпущенъ на свободу. Разставшись навсегда со службою и владѣя большимъ состояніемъ, онъ жилъ въ Москвѣ открыто и роскошно, по временамъ удаляясь въ свои помѣстья, особенно въ село Болдино, Лукояновскаго уѣзда Нижегородской губерніи. Отличаясь пылкимъ, жестокимъ характеромъ, Пушкинъ-отецъ былъ совершеннымъ деспотомъ въ своей семьѣ. Первую жену, рожденную Воейкову, онъ уморилъ въ домашней тюрьмѣ за предполагаемую связь съ аббатомъ Николемъ, учителемъ своихъ сыновей, а самого аббата повѣсилъ у себя на дворѣ. Вторая жена Пушкина, Ольга Васильевна Чичерина, хотя и пережила Льва Александровича скончавшагося около 1790 г., но много отъ него натерпѣлась. [1]) Отъ брака съ Ольгой Васильевной Пушкинъ имѣлъ двухъ сыновей: Василія и Сергѣя, родившагося 1771 году, а также двухъ дочерей: Анну, оставшуюся въ дѣвицахъ, и Елизавету, вышедшую впослѣдствіи замужъ за камергера Матвѣя Михайловича Солнцева. Сыновья Пушкина, съ малолѣтства записанные на службу въ Измайловскій полкъ, получили блестящее домашнее образованіе. Главнымъ предметомъ ихъ обученія былъ, конечно, французскій языкъ, которымъ братья Пушкины владѣли въ совершенствѣ. Василій Львовичъ, кромѣ французскаго, изучалъ нѣмецкій, англійскій, итальянскій и латинскій языки. По окончаніи домашняго курса наукъ, В. Л. Пушкинъ сталъ появляться въ обществѣ. Благодаря свѣтскому образованію въ соединеніи съ природнымъ остроуміемъ и веселымъ, общительнымъ характеромъ, онъ скоро сдѣлался любимцемъ московскихъ салоновъ. Обладая сценическимъ дарованіемъ и искусствомъ декламаціи, Василій Львовичъ, будучи еще восемнадцати-лѣтнимъ юношей, участвовалъ на всѣхъ почти любительскихъ спектакляхъ, отличался на званыхъ вечерахъ чтеніемъ монологовъ изъ французскихъ трагедій и съ необыкновенною легкостью сочинялъ французскіе куплеты. [2])

---

[1]) Соч. А. С. Пушкина, изд. Литературнаго фонда, т. V, 117, 149; VII, 329

[2]) Записки Вигеля. М. 1891, ч. I, стр. 186.

Явившись на дѣйствительную службу въ Петербургъ, Пушкинъ весь отдался удовольствіямъ столичной жизни, которая вполнѣ соотвѣтствовала наклонностямъ молодого, легкомысленнаго гвардейца. Въ это время существовало въ столицѣ дружеское общество «Галера», членами котораго состояли представители золотой молодежи, ставившей себѣ цѣлью жить не только весело, но и разгульно. Пушкинъ, не замедлившій примкнуть къ этому кружку, былъ въ немъ запѣвалой. Въ бумагахъ князя П. А. Вяземскаго сохранился первый куплетъ пѣсни, распѣваемой Пушкинымъ на масляницѣ:

«Плыви, Галера, веселися,
Къ Ліону въ маскарадъ пустися,
Одинъ остался вечеръ намъ!
Тамъ ждутъ насъ фрау-баронесса
И сумасшедшая повѣса,
И Лиза Карловна ужъ тамъ. [1])

Ко времени пребыванія Пушкина въ Петербургѣ относится и знакомство его съ И. И. Дмитріевымъ, который тогда находился на службѣ въ Семеновскомъ полку.

Дослужившись до чина поручика, Василій Львовичъ въ 1797 году вышелъ въ отставку и поселился на житье въ Москвѣ. [2]) Вигель, познакомившійся съ нимъ 1801 году въ селѣ Марфинѣ, у гр. И. П. Салтыкова, такъ описываетъ наружность Пушкина: «Онъ былъ весьма некрасивъ. Рыхлое, толстѣющее туловище на жидкихъ ногахъ, косое брюхо, кривой носъ, лицо треугольникомъ, ротъ и подбородокъ à la Charles-Quint, а болѣе всего рѣдѣющіе волосы не съ большимъ въ тридцать лѣтъ его старообразили. Къ тому же беззубіе увлаживало разговоръ его, и друзья внимали ему хотя съ удовольствіемъ, но въ нѣкоторомъ отъ него отдаленіи. Вообще, дурнота его не имѣла ничего отвратительнаго, а была только забавна». [3])

Къ этому приблизительно времени относится и женитьба Пушкина на извѣстной тогда красавицѣ, Капитолинѣ Михайловнѣ Вышеславцовой, [4]) вѣроятно дочери Мих. Мих. Вышеславцова, также бывшаго гвардейца, а потомъ преподавателя французскаго и нѣмецкаго языковъ въ Троице-Сергіевской семинаріи. Вышеславцовъ занимался литературой, преимущественно переводами, и издалъ, между прочимъ, сборникъ духовныхъ стихотвореній русскихъ писателей подъ заглавіемъ «Приношеніе религіи», въ которомъ участвовалъ и Пушкинъ. Бракъ Василія Львовича оказался неудачнымъ, и уже въ 1802 году онъ принужденъ былъ развестись съ своею женою

---

[1]) Соч. кн. Вяземскаго, т. VIII, стр. 492, 505.
[2]) Гречъ. Опытъ краткой исторіи русской литературы. С.-Пб. 1822, стр. 333.
[3]) Записки, ч. I, стр. 187.
[4]) Русскій Архивъ 1879 г., кн. I, стр. 509.

По семейнымъ преданіямъ Пушкиныхъ, виною разрыва была сама Капитолина Михайловна.. [1])

Издавна лелѣя мечту о посѣщеніи Парижа, Василій Львовичъ въ концѣ апрѣля 1803 г. отправился въ заграничное путешествіе [2]) и въ теченіе 1803—1804 гг. посѣтилъ Германію, Францію и Англію. Во все время своего путешествія онъ велъ переписку съ друзьями, [3]) но къ сожалѣнію изъ этой переписки дошли до насъ только два его письма къ Карамзину, напечатанныя въ Вѣстникѣ Европы 1803 г. Въ этихъ письмахъ Пушкинъ является просвѣщеннымъ, любознательнымъ путешественникомъ, интересы котораго преимущественно сосредоточивались на литературѣ и театрѣ. Какъ въ Берлинѣ, такъ въ особенности въ Парижѣ Пушкинъ сходился съ различными литературными знаменитостями того времени и усердно посѣщалъ спектакли. Желая, познакомить Французовъ съ нашею народною поэзіей, Пушкинъ перевелъ на французскій языкъ нѣсколько старинныхъ русскихъ пѣсенъ, которыя тогда же и были напечатаны въ журналѣ графа Сегюра «Archives littèraires». Въ Парижѣ Пушкинъ познакомился, между прочимъ, съ знаменитымъ трагикомъ Тальмою, у котораго Василій Львовичъ бралъ уроки декламаціи. [4]) О пребываніи Пушкина въ Англіи не сохранилось никакихъ извѣстій, кромѣ указаній И. И. Дмитріева и М. Н. Макарова, коротко знавшихъ Василія Львовича. Во время своего путешествія Пушкинъ собралъ драгоцѣнную библіотеку изъ лучшихъ изданій латинскихъ, французскихъ и англійскихъ писателей; многія изъ книгъ его собранія принадлежали королевской и другимъ богатымъ до революціи французскимъ библіотекамъ, такъ что извѣстный библіоманъ того времени, гр. Д. П. Бутурлинъ, завидовалъ сокровищамъ Пушкина, а самъ владѣлецъ ихъ очень гордился своимъ пріобрѣтеніемъ. [5])

По возвращеніи изъ-за границы, Пушкинъ зажилъ веселою, беззаботною жизнью еще не стараго холостяка, вполнѣ обезпеченнаго съ матеріальной стороны. Князь Вяземскій, познакомившійся въ это самое время съ Василіемъ Львовичемъ, говоритъ, что «Парижемъ отъ него такъ и вѣяло. Одѣтъ онъ былъ съ парижской иголочки съ головы до ногъ; прическа à la Titus, углаженная, умащенная huile antique. Въ простодушномъ самохвальствѣ давалъ онъ дамамъ обнюхивать голову свою» [6]). Отличаясь радушіемъ и гостепріимствомъ, Василій Львовичъ устраивалъ у себя званые

[1]) Л. Н. Павлищевъ. Изъ семейной хроники. М. 1890, стр. 11, 200.
[2]) Московскія Вѣдомости 1803 г., стр. 552.
[3]) Дамскій Журналъ 1830 г., ч. XX XI, № 28, стр. 168.
[4]) Соч. кн. Вяземскаго, т. I, стр. 309
[5]) Дамскій Журналъ 1830 г., ч. XXXI, № 28, стр. 168--169.
[6]) Соч. кн. Вяземскаго, т. I, стр. XXIX.

обѣды, пріятельскія пирушки и литературные вечера, которые охотно посѣщались московскими литераторами. Какъ и въ дни своей юности, онъ усердно ѣздилъ въ театры, собранія, участвовалъ въ любительскихъ спектакляхъ и увеселялъ общество фарсами, провербами, шарадами, французскими куплетами своего сочиненія и экспромптами, иногда заимствованными изъ французскихъ альманаховъ. Но ни въ чемъ такъ не отличался Василій Львовичъ, какъ въ стихахъ на заданныя риѳмы: въ мастерствѣ и проворствѣ писать bouts-rimés никто не могъ съ нимъ сравняться. Въ такомъ родѣ было написано имъ «Разсужденіе о жизни, смерти и любви», которое онъ прочелъ однажды на вечерѣ у старика Хераскова, чѣмъ привелъ въ совершенное недоумѣніе и даже разсердилъ русскаго Гомера [1]).

Послѣ заграничной поѣздки, Пушкинъ съ особеннымъ рвеніемъ сталъ заниматься литературой, начавъ дѣятельно сотрудничать въ различныхъ московскихъ и петербургскихъ журналахъ и альманахахъ. Склонность къ литературнымъ занятіямъ проявилась у Василія Львовича очень рано. Онъ съ юныхъ лѣтъ, еще будучи въ отцовскомъ домѣ, удѣлялъ свободныя минуты «поэзіи святой»; знакомство же съ Карамзинымъ, Дмитріевымъ и одобреніе послѣдняго окончательно побудили Пушкина открыто выступить на литературное поприще. Въ 1793 году, въ «С.-Петербургскомъ Меркуріѣ», который издавался Крыловымъ и Клушинымъ, появилось первое его печатное стихотвореніе: «Къ камину», безъ имени автора, и, по словамъ С. Н. Глинки, имѣло въ то время большой успѣхъ [2]). Съ прекращеніемъ этого журнала стихотворные опыты Пушкина стали появляться въ «Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени», которое редактировалось Подшиваловымъ и Сохацкимъ, а затѣмъ въ «Аонидахъ» Карамзина, въ «Вѣстникѣ Европы» и во многихъ другихъ періодическихъ изданіяхъ.

Будучи сторонникомъ Карамзина, какъ по личнымъ отношеніямъ, такъ и по литературнымъ убѣжденіямъ, Василій Львовичъ принялъ дѣятельное участіе въ спорѣ, возникшемъ между послѣдователями новой школы писателей, представителемъ которой былъ Карамзинъ, и старой, защитникомъ которой явился Шишковъ, напечатавшій въ 1803 году свое «Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка». Съ появленіемъ этого сочиненія между двумя враждующими сторонами завязалась оживленная полемика, продолжавшаяся до 1810 года, когда, наконецъ, въ защиту карамзинистовъ выступилъ Д. В. Дашковъ, который, благодаря своимъ знаніямъ, таланту и замѣчательному остроумію, явился однимъ изъ

---

[1]) М. А. Дмитріевъ. Мелочи, стр. 30—31, 91.—Соч. К. Н. Батюшкова, т. III, стр. 152.

[2]) Русскій Вѣстникъ 1863 г., № 4, стр. 795.

опаснѣйшихъ противниковъ Шишкова. Разборомъ «Перевода двухъ статей изъ Лагарпа» («Цвѣтникъ» 1810 г., №№ 11 и12) и брошюрой «О легчайшемъ способѣ отвѣчать на критики» (1811) Дашковъ окончательно разбилъ Шишкова, прекративъ съ нимъ дальнѣйшую полемику. Въ это же время и Пушкинъ, находясь въ Петербургѣ, напечаталъ въ декабрьской книжкѣ «Цвѣтника» за 1810 г. посланіе къ Жуковскому, въ которомъ, осмѣявъ «весь соборъ безграмотныхъ Славянъ», проводилъ ту мысль, что живой языкъ, какъ и всякій живой организмъ, долженъ подвергаться измѣненіямъ. Отвѣтомъ Дашкову и Пушкину явилось «Разсужденіе о краснорѣчіи Священнаго Писанія», напечатанное Шишковымъ въ 1811 году, но предварительно читанное въ годичномъ собраніи Россійской Академіи 3-го декабря 1810 г. Это разсужденіе, доказывающее тожество языковъ славянскаго и русскаго, заключало въ себѣ и личные намеки на Пушкина, котораго Шишковъ выставлялъ человѣкомъ сомнительной нравственности и обвинялъ въ безбожіи. Но въ то время какъ глава «безграмотныхъ Славянъ» громилъ Василія Львовича въ стѣнахъ Россійской Академіи, послѣдній уже уѣхалъ въ Москву; лѣтомъ же слѣдующаго года возвратился въ сѣверную столицу вмѣстѣ съ племянникомъ своимъ Александромъ Сергѣевичемъ, котораго привезъ для опредѣленія въ лицей. По пріѣздѣ въ Петербургъ, Пушкинъ не замедлилъ отвѣтомъ на грубую, неприличную выходку Шишкова и издалъ отдѣльной брошюрой «Два посланія» съ предувѣдомленіемъ, въ которомъ объяснилъ мотивы ихъ появленія. Одно изъ посланій, къ Жуковскому, было уже прежде напечатано въ «Цвѣтникѣ»; другое,—къ Дашкову, являлось впервые. Въ послѣднемъ изъ нихъ авторъ съ достоинствомъ оправдывается отъ взводимыхъ на него обвиненій и въ свою очередь уличаетъ всѣхъ вообще «раскольниковъ-Славянъ», а въ частности и Шишкова, въ невѣжествѣ, ханжествѣ и въ стремленіи заглушить сѣмена науки въ своемъ отечествѣ, стать тормазомъ истиннаго просвѣщенія.

Въ 1811 году Пушкинъ написалъ и своего «Опаснаго Сосѣда», живую, остроумную сатиру во вкусѣ извѣстнаго французскаго писателя Ренье, въ которой осмѣялъ, между прочимъ, и ненавистныхъ ему славянофиловъ: Шишкова, кн. С. А. Шихматова и кн. Шаховскаго. Сатира Пушкина доставила ему литературную извѣстность и между современниками, и въ потомствѣ. Появленіе «Опаснаго Сосѣда» вызвало удивленіе и оживленные толки среди пріятельскаго кружка, къ которому принадлежалъ авторъ. Такъ, Батюшковъ, имѣвшій вообще невысокое мнѣніе о талантѣ Пушкина, находилъ его сатиру изящнымъ, оригинальнымъ поэтическимъ произведеніемъ, не имѣющимъ ничего общаго съ «вялою музою» Ва-

силія Львовича [1]). Такое же мнѣніе о сатирѣ дяди высказалъ впослѣдствіи и его знаменитый племянникъ [2]). Даже Воейковъ, въ своемъ «Парнасскомъ Адресъ-Календарѣ», опредѣляя мѣсто служенія Пушкина «при водяной коммуникаціи», замѣтилъ: «Имѣетъ въ петлицѣ листочекъ лавра, съ надписью: «За Буянова» [3]).

С. Д. Полторацкій, въ предисловіи ко второму изданію «Опаснаго Сосѣда», напечатаннаго въ Лейпцигѣ въ 1855 году, разсказываетъ, что въ маѣ 1830 г., предъ своимъ отъѣздомъ за границу, онъ въ послѣдній разъ видѣлся съ Пушкинымъ въ домѣ его на Басманной. Находясь въ обыкновенномъ своемъ веселомъ расположеніи духа, Василій Львовичъ обратился къ нему съ слѣдующими словами: «Милый мой, ты, вѣроятно, будешь въ Берлинѣ, въ Лейпцигѣ, Парижѣ; тамъ есть русскія типографіи. Потѣшь меня, пожалуйста: напечатай моего «Опаснаго Сосѣда», лучшее и удачнѣйшее изъ моихъ стихотвореній. Оно извѣстно въ Россіи только въ рукописи, и жаль если пропадетъ и не дойдетъ до потомства. Вотъ тебѣ исправный списокъ: тисни его и тѣмъ порадуй меня». Всѣ присутствующіе разсмѣялись, услышавъ просьбу хозяина дома. Полторацій однако не далъ обѣщанія исполнить желаніе автора, полагая, что это окажется невозможнымъ. Только черезъ 25 лѣтъ по смерти Пушкина, узнавъ, что «Опасный Сосѣдъ» былъ еще въ 1815 году налитографированъ въ Мюнхенѣ при главной квартирѣ русской арміи, Полторацкій исполнилъ просьбу покойнаго, который и самъ не зналъ о существованіи изданія 1815 г.

Наступилъ двѣнадцатый годъ. Извѣстіе о вступленіи Наполеона въ предѣлы Россіи и дальнѣйшіе его успѣхи въ связи съ опасностью, грозившей древней столицѣ произвели удручающее впечатлѣніе на Москвичей. Всеобщій упадокъ духа невольно отразился и на беззаботномъ Василіѣ Львовичѣ. Онъ на время какъ-то затихъ, присмирѣлъ и уже не рѣшался высказывать свои симпатіи къ Франціи и вспоминать то счастливое время, когда, находясь въ Парижѣ, представлялся первому консулу.

Съ приближеніемъ Наполеона къ Москвѣ Пушкинъ удалился въ Нижній-Новгородъ, гдѣ собралось тогда все лучшее московское общество. Въ пожарѣ Москвы Василій Львовичъ потерялъ всю свою движимость, въ томъ числѣ и драгоцѣнную библіотеку. Находясь въ самомъ критическомъ положеніи, лишенный даже необходимаго, Пушкинъ не оставлялъ своихъ любимыхъ занятій стихотворствомъ и тогда же успѣлъ сочинить посланіе къ жителямъ Нижняго-Новгорода, впослѣдствіи осмѣянное Дмитріевымъ. Не упуская случая развлечься, Василій Львовичъ часто посѣщалъ Архаровыхъ и ниже-

1) Сочиненія, т. III, стр. 118, 128, 132, 255.
2) Соч. А. С. Пушкина, т. VII, стр. 28.
3) Главное дѣйствующее лицо въ «Опасномъ Сосѣдѣ».

городскаго вице-губернатора Крюкова, къ которымъ время отъ времени собиралось все многолюдное общество московскихъ аристократовъ. Обѣды, ужины, балы, маскарады совершенно успокоили легкомысленнаго бѣглеца, который, среди каламбуровъ, комическихъ препирательствъ съ А. М. Пушкинымъ, своимъ четвероюроднымъ братомъ, и горячихъ споровъ съ И. М. Муравьевымъ о превосходствахъ французской литературы, позабылъ и о народныхъ бѣдствіяхъ, и о своихъ личныхъ невзгодахъ [1]). Побывавъ въ Петербургѣ, Пушкинъ въ концѣ февраля 1813 г. выѣхалъ въ Москву, какъ-разъ на канунѣ чтенія «Расхищенныхъ Шубъ» въ засѣданіи Бесѣды любителей русскаго слова. [2]) Этой комической поэмой, игравшей забавную роль въ полемикѣ карамзинистовъ съ шишковистами, князь Шаховской отмстилъ Василію Львовичу за «Опаснаго Сосѣда», заставивъ нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ своей піесы пародировать стихи Пушкина. Расплатившись съ Пушкинымъ, авторъ «Расхищенныхъ Шубъ» выступилъ противъ Жуковскаго, котораго и осмѣялъ въ «Липецкихъ Водахъ», какъ нѣкогда осмѣялъ Карамзина въ «Новомъ Стернѣ». Комедія Шаховскаго, представленная 23-го сентября 1815 г., вызвала цѣлую бурю негодованія среди того кружка, къ которому принадлежалъ Жуковскій. На Шаховскаго посыпался градъ ѣдкихъ эпиграммъ и было написано много полемическихъ статей, между которыми особенно выдѣлялось «Письмо къ новѣйшему Аристофану», принадлежащее перу Д. В. Дашкова. Авторъ выставилъ кн. Шаховскаго недоброжелателемъ всѣхъ возникающихъ талантовъ, интриганомъ, завистникомъ и прямо указалъ на него, какъ на виновника погибели Озерова. Пушкинъ также присоединился къ общему хору обвинителей Шаховскаго и написалъ посланіе къ кн. Вяземскому, въ которомъ сѣтовалъ на злую критику «завистниковъ невѣждъ», всѣми силами старающихся унизить истинный талантъ. Говоря о враждѣ къ Карамзину, онъ вспоминаетъ и Озерова, печальная судьба котораго была тѣсно связана съ именемъ Шаховскаго. Затѣмъ, обращаясь къ своей «безвѣстной долѣ», указываетъ на собственныхъ зоиловъ, между которыми оказался и Каченовскій, встрѣтившій неблагопріятнымъ отзывомъ брошюру Пушкина «О каруселяхъ», напечатанную еще въ 1811 году. Вяземскій и Жуковскій отвѣчали Пушкину также посланіями, при чемъ въ одномъ изъ нихъ Жуковскій говоритъ:

Послушай, Пушкинъ-другъ, твой слогъ отмѣнно чистъ;
Грамматика тебя угодникомъ считаетъ,
И никогда твой слогъ не ковыляетъ.
Но, кажется, что ты подъ-часъ многорѣчистъ,
Что стихотворный жаръ твой могъ бы быть живѣе,
А выраженія короче и сильнѣе.
Еще же есть и то, что ты, мой другъ, подъ-часъ

[1]) Соч. К. Н. Батюшкова, т. II, стр. 517.
[2]) Соч. К. Н. Батюшкова, т. III, стр. 216.

Предметъ свой забываешь:
Твое посланье въ томъ живой примѣръ для насъ.

Другое же посланіе Жуковскаго начиналось такъ:

Ты, Вяземскій—прямой поэтъ!
Ты, Пушкинъ—стихотворецъ-горе!

на что Василій Львовичъ, конечно, обидѣлся, и потому въ печати стихи эти были замѣнены другими [1]).

Выходка кн. Шаховскаго противъ Жуковскаго послужила внѣшнимъ поводомъ къ основанію Арзамасскаго общества, членами котораго сдѣлались талантливѣйшіе, передовые люди своего времени, сочувствовавшіе карамзинской реформѣ и задавшіеся цѣлью образовать изъ своего кружка противовѣсъ Бесѣдѣ любителей русскаго слова.

Въ началѣ 1816 г. Василій Львовичъ пріѣхалъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ Карамзинымъ и кн. Вяземскимъ, а въ концѣ марта съ ними же воротился въ Москву [2]). Ко времени пребыванія Пушкина въ Петербургѣ относится и избраніе его въ члены Арзамаса. По словамъ кн. Вяземскаго, Василія Львовича увѣрили, что это общество — родъ литературнаго масонства, и что при вступленіи въ него необходимо подвергнуться нѣкоторымъ, довольно тяжелымъ испытаніямъ. Пушкинъ, который еще съ 1810 г. былъ настоящимъ масономъ [3]), охотно согласился. Принятіе его въ Арзамасъ происходило въ домѣ С. С. Уварова и сопровождалось торжественнымъ и смѣшнымъ церемоніаломъ, главнымъ изобрѣтателемъ котораго былъ Жуковскій. Пушкина ввели въ одну изъ комнатъ верхняго этажа, положили на диванъ и накрыли шубами всѣхъ присутствующихъ членовъ общества — намекъ на «Расхищенныя Шубы» кн. Шаховскаго. Потомъ его нарядили въ хитонъ, украшенный раковинами, надѣли на голову шляпу съ широкими полями, дали въ руку посохъ и съ завязанными глазами долго водили съ лѣстницы на лѣстницу, бросая подъ ноги хлопушки, пока, наконецъ, не привели его въ нижній этажъ и помѣстили въ комнату, находящуюся передъ самымъ кабинетомъ ихъ превосходительствъ геніевъ Арзамаса. Кабинетъ былъ ярко освѣщенъ, а комната, гдѣ стоялъ Пушкинъ, оставалась темною и отдѣлялась отъ него аркою съ занавѣскою огненнаго цвѣта. Когда Василію Львовичу развязали глаза, ему представилось на вѣшалкѣ, покрытой холстомъ, огромное, безобразное чучело, означающее дурной литературный вкусъ или Шишкова. Пушкину подали лукъ, стрѣлы и велѣли поразить чудовище. на груди котораго красовался ярлыкъ съ надписью изъ «Телема-

[1]) Соч. кн. Вяземскаго, т. III, стр. 73—74; Соч. Жуковскаго, изд. 8-е, т. I, стр. 433—434.
[2]) П. Загаринъ. В. А. Жуковскій и его произведенія. М. 1883, стр. 199.
[3]) Соч. Батюшкова, т. II, стр. 519.

хиды» Тредіаковскаго: «Чудище обло, озорно, огромно, стозѣвно и лаяй». Василій Львовичъ пустилъ стрѣлу и упалъ отъ страха, потому что въ тотъ же моментъ выстрѣлилъ изъ пистолета мальчикъ, скрытый за холстомъ, и повалилъ чучело. Послѣ этого Пушкина ввели за занавѣску и дали въ руки эмблему Арзамаса — мерзлаго гуся, котораго онъ долженъ былъ держать во все время, пока ему говорили привѣтственныя рѣчи: Жуковскій, Сѣверинъ, Дашковъ, Блудовъ и кн. Вяземскій. Полныя остроумія, рѣчи Арзамасцевъ были посвящены осмѣянію Бесѣды любителей русскаго слова и Московскаго общества любителей словесности. Наконецъ, послѣ цѣлованія лиры и изображенія совы, вѣрной спутницы арзамасскаго гуся, Пушкину поднесли серебряный тазъ съ рукомойникомъ и велѣли умыться, объяснивъ что это прообразуетъ «Липецкія Воды» кн. Шаховского. Послѣ этого Пушкинъ, какъ членъ Московскаго общества любителей словесности, которое у Арзамасцевъ отожествлялось съ петербургской Бесѣдой, долженъ былъ самому себѣ произнести надгробное слово, но, считая себя воскресшимъ, Василій Львовичъ «отпѣлъ» на этотъ разъ бесѣдчика кн. С. А. Шихматова. Съ окончаніемъ обряда посвященія Пушкинъ, согласно принятому обычаю, получилъ особое прозвище, ставъ именоваться членомъ «Вотъ». Впослѣдствіи же, съ полученіемъ титула старосты Арзамаса, Василій Львовичъ назывался «Вотъ я васъ» [1]).

Вскорѣ послѣ своего избранія въ члены Арзамаса Василій Львовичъ отправился въ Москву, откуда и прислалъ въ общество сочиненные имъ въ дорогѣ стихи на заданныя риѳмы, нѣсколько эпиграммъ и посланіе къ Устиньѣ [2]). По этому поводу, въ маѣ 1816 г., состоялось чрезвычайное собраніе Арзамаса, на которомъ присутствовали: Сѣверинъ, Уваровъ, Полетика, А. И. Тургеневъ, Жихаревъ, Вигель и Блудовъ. Присланныя стихотворенія Пушкина были найдены «безстыдными» и «свиноподобными» произведеніями, годными для Бесѣды и Академіи, но позорящими весь Арзамасъ. По юмористическому приговору собравшагося судилища Пушкинъ признавался достойнымъ «конечнаго изверженія изъ нѣдръ Арзамаса», но въ виду прежнихъ заслугъ оставленъ въ немъ, съ лишеніемъ однако званія старосты и своего прозвища, въ замѣнъ котораго нареченъ «Ватрушкой». Опальному члену «Ватрушкѣ» сверхъ того вмѣнялось въ обязанность принести покаяніе хорошими стихами [3]).

---

[1]) Записки Вигеля, ч. V, стр. 41—43; Соч. кн. Вяземскаго, т. VIII, стр. 416—426; М. А. Дмитріевъ. Мелочи, стр. 88-89.

[2]) Изъ всѣхъ этихъ стихотвореній сохранилась только эпиграмма на Шихматова, которую Василій Львовичъ сообщилъ А. С. Пушкину въ письмѣ къ нему отъ 17-го апрѣля 1817 г.

[3]) Приложенія къ отчету И. П. Библіотеки за 1887 г., стр. 68—82.

Василій Львовичъ, обиженный приговоромъ Арзамасцевъ, отвѣчалъ имъ посланіемъ. Упрекнувъ сочленовъ въ неблагодарности къ его литературнымъ заслугамъ, онъ обвинялъ ихъ въ легкомысленномъ отношеніи къ задачамъ Арзамаса, который, въ видахъ общественной пользы, долженъ былъ вести открытую и серьозную борьбу съ невѣжествомъ, а не исключительно заниматься шутками и пародіями среди замкнутаго кружка своихъ-же единомышленниковъ. Впослѣдствіи мысль Пушкина, гораздо опредѣленнѣе и шире, была высказана Н. И. Тургеневымъ и въ особенности М. Ѳ. Орловымъ, позднѣйшими и болѣе авторитетными сравнительно съ Пушкинымъ членами Арзамаса, но по силѣ сложившихся обстоятельствъ осталась безъ примѣненія.

16-го августа 1816 г. посланіе Пушкина было разсмотрѣно въ засѣданіи Арзамаса и найдено хорошимъ; нѣкоторые же стихи въ отдѣльности—сильными и прекрасными. По единогласному приговору всѣхъ членовъ Василію Львовичу было возвращено званіе старосты и прозвище «Вотъ я васъ», съ прибавленіемъ слова «опять». Добродушный Василій Львовичъ былъ въ такомъ восхищеніи, что ѣздилъ по Москвѣ и разсказывалъ всѣмъ о своемъ примиреніи съ Арзамасцами [1].

Хотя по своимъ литературнымъ понятіямъ Пушкинъ былъ классикомъ и не сочувствовалъ возникшему на его глазахъ романтическому направленію, но одно время невольно увлекся Байрономъ и, подчиняясь могучему вліянію послѣдняго, занимался даже переводомъ одной изъ его поэмъ, вѣроятно «Паризины», отрывокъ изъ которой и былъ напечатанъ въ «Литературномъ Музеумѣ» на 1827 г. Симпатіи же свои къ старому французскому классицизму Пушкинъ вполнѣ опредѣленно выразилъ въ статьѣ: «Замѣчанія о людяхъ и обществѣ». Нѣсколько позднѣе онъ предпринялъ цѣлый литературный походъ противъ «модныхъ романтиковъ», начавъ печатать поэму «Капитанъ Храбровъ», въ которой осмѣивалъ англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ представителей новой школы, а также и подражавшихъ имъ русскихъ поэтовъ. Пушкинъ и началъ свою повѣсть съ того, что пародировалъ Козлова, который въ 1828 году издалъ поэму «Княгиня Н. Б. Долгорукая».

В. Л. Пушкинъ былъ однимъ изъ второстепенныхъ представителей такъ называемой легкой поэзіи и, какъ поклонникъ совершенства формы, старался подражать Дмитріеву. Дѣйствительно, по характеру своей литературной дѣятельности онъ близко подходитъ къ Дмитріеву, который цѣнилъ въ поэзіи одну только плавность стиха и богатую риѳму. Со стороны же идеи произведенія Пушкина отличаются безсодержательностью, которой не отрицали и современники Василія Львовича, цѣнившіе въ немъ только правильность и плавность стиха.

[1] М. А. Дмитріевъ. Мелочи, стр. 90.

Обладая лишь въ незначительной степени даромъ оригинальнаго творчества и преклоняясь предъ l'Art poêtique — этимъ кодексомъ французскаго классицизма, Пушкинъ преимущественно занимался переводами и подражаніями древне-римскимъ классикамъ, французскимъ и частію итальянскимъ поэтамъ. Чуждаясь торжественной лирики, онъ писалъ сатиры, пѣсни, басни, сказки, элегіи, эпиграммы, мадригалы и модныя въ его время посланія, перешедшія въ Россію изъ Франціи въ началѣ XIX вѣка. Кромѣ русскихъ стиховъ, Пушкинъ писалъ и французскіе, о которыхъ кн. Вяземскій отзывается съ похвалою [1]). Въ «Bulletin du Nord» 1828 г., № 1, напечатанъ, между прочимъ, «Le Schâle noir» — вольный переводъ стихами извѣстной піесы А. С. Пушкина. Находясь подъ гнетомъ господствовавшей теоріи, Пушкинъ только однажды освободился отъ нея, написавъ «Опаснаго Сосѣда» — остроумную, живую сатиру, отличающуюся картиннымъ, но уже слишкомъ реальнымъ изображеніемъ выбранной темы. Но, говоря вообще о безсодержательности пушкинскихъ произведеній, не должно забывать его посланій къ Жуковскому, Дашкову, Вяземскому и къ Арзамасцамъ, посланій, въ которыхъ онъ является горячимъ поборникомъ карамзинской реформы, вполнѣ сознающимъ, что борьба послѣдователей стараго и новаго слога въ сущности была борьбою обскурантизма съ цивилизацiей. Хотя въ полемикѣ, возникшей между двумя враждебными лагерями голосъ Пушкина и не имѣлъ рѣшающаго значенія, но Василій Львовичъ заявилъ себя въ этой полемикѣ просвѣщеннымъ, передовымъ человѣкомъ, твердо убѣжденнымъ въ правотѣ дѣла, которое открыто взялся защищать.

Вообще, Пушкинъ принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ Москвичей своего времени, но отчасти по легкомыслію, отчасти по своей простотѣ и необыкновенному добродушію не сумѣлъ пріобрѣсти должнаго авторитета въ глазахъ современниковъ. Крайне легковѣрный и довѣрчивый къ людямъ, Пушкинъ часто подвергался разнымъ мистификаціямъ со стороны своихъ пріятелей, на которыхъ иногда обижался, но не могъ сердиться. Особенно частыя ссоры, обыкновенно кончавшіяся примиреніемъ, происходили у него съ А. М. Пушкинымъ, котораго Василій Львовичъ никакъ не хотѣлъ признать поэтомъ, а послѣдній въ свою очередь осмѣивалъ стихи Василія Львовича, называя ихъ жиденью. «Твои басни», говорилъ онъ, — «такъ пусты содержаніемъ своимъ, что скоро будешь ты ограничиваться одними заглавіями и писать, и печатать: Оселъ и Корова, басня; Попугай и Левъ, басня и т. д.». [2]) Но однажды Василій Львовичъ серьозно обидѣлся на Алексѣя Михай-

---

[1]) Соч. кн. Вяземскаго, т. VIII, стр. 489.
[2]) Соч. кн. Вяземскаго, т. VIII, стр. 176, 488.

ловича, распустившаго слухъ о его смерти, и отвѣчалъ ему укоризненнымъ посланіемъ.

Добродушіе Пушкина вполнѣ выразилось и въ посланіи къ Арзамасцамъ. Таковъ онъ является и въ отзывахъ современниковъ, которые, сверхъ того, отмѣтили и нѣкоторыя слабыя и смѣшныя стороны его характера, какъ напримѣръ страсть къ щегольству и чтенію своихъ и чужихъ стиховъ. Къ такого рода отзывамъ принадлежитъ и извѣстное шуточное стихотвореніе И. И. Дмитріева («Путешествіе въ Парижъ и Лондонъ, писанное за три дня до путешествія»), въ которомъ, выражаясь словами А. С. Пушкина, «съ удивительною точностію изображенъ весь Василій Львовичъ» [1]). Тотъ же Дмитріевъ подмѣтилъ и разные маневры Пушкина при чтеніи стиховъ: «Онъ то восторженно прочтетъ стихотвореніе, то нѣсколькими тонами понизитъ свое чтеніе, то ухватится за первый попавшійся предлогъ и прочтетъ стихи свои какъ будто случайно». [2]) Пушкинъ въ особенности отличался мастерскимъ чтеніемъ басенъ, такъ что на засѣданія въ Обществѣ любителей россійской словесности съѣзжались многіе Москвичи именно затѣмъ, чтобы послушать Василія Львовича. Что касается его щегольства, то оно дѣйствительно доходило до смѣшного. Вигель, описывая свое знакомство съ Василіемъ Львовичемъ, разсказываетъ, что послѣдній, узнавъ о пріѣздѣ въ Петербургъ французскаго дипломатическаго агента Дюрока, представлявшаго изъ себя картинку моднаго журнала, немедленно туда поскакалъ, единственно для того, чтобы позаимствоваться послѣдними новостями французскаго туалета. Возвратившись изъ Петербурга, онъ изумилъ всѣхъ толстымъ и длиннымъ жабо, короткимъ фрачкомъ и головою въ мелкихъ, курчавыхъ завиткахъ, какъ баранья шерсть, что называлось тогда à la Дюрокъ [3]).

Друзья Пушкина, хотя и посмѣивались надъ нимъ, однако искренно любили Василія Львовича, въ особенности Арзамасцы, величавшіе его своимъ старостой и арзамасскимъ прокуроромъ. Плохой знатокъ практической жизни, но безконечно добрый, готовый, по выраженію Дмитріева, «обнять, любить весь свѣтъ», Василій Львовичъ, удачно прозванный другомъ юности и всякихъ лѣтъ, до конца жизни сохранилъ свѣжесть, молодость чувствъ, почему и тяготѣлъ постоянно къ юному поколѣнію. Не нарушая старинныхъ дружескихъ связей съ Карамзинымъ и Дмитріевымъ, Пушкинъ сдѣлался пріятелемъ Жуковскаго, Батюшкова, Блудова, Дашкова, братьевъ Тургеневыхъ и другихъ, болѣе молодыхъ Арзамасцевъ. Князя Вяземскаго, который былъ моложе его 22 годами, Пушкинъ

[1]) Соч. А. С. Пушкина, изд. Литературнаго фонда, т. V, стр. 212.
[2]) Соч. кн. Вяземскаго, т. VIII, стр. 71.
[3]) Записки Вигеля, ч. I. М. 1891, стр. 188.

любилъ съ особенною нѣжностію, былъ съ нимъ на ты и находился въ самыхъ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ. Зять Пушкина, Солнцевъ, подшучивая надъ Василіемъ Львовичемъ, говорилъ, что сердечныя привязанности его дѣлятся на три степени: первая — сестра Анна Львовна, вторая — Вяземскій, третья — однобортный фракъ, который выкроилъ онъ изъ стараго сюртука по новомодному покрою фрака, привезеннаго въ Москву Павломъ Ржевскимъ. Иронизируя надъ Василіемъ Львовичемъ за его пристрастіе къ молодежи, чопорный И. И. Дмитріевъ замѣчалъ, что въ концѣ концовъ Пушкинъ будетъ выбирать себѣ друзей между грудными младенцами, потому что, чѣмъ болѣе старѣетъ, тѣмъ все болѣе сближается съ новѣйшими поколѣніями [1]).

Между сверстниками своими Пушкинъ особенно отличалъ князя П. И. Шаликова, съ которымъ находился въ тѣсныхъ пріятельскихъ отношеніяхъ. Дружба съ нимъ объясняется чисто личной симпатіей. Что же касается литературной дѣятельности Шаликова, то Василій Львовичъ не могъ ей сочувствовать, такъ какъ вообще не одобрялъ «слезливыхъ стиходѣевъ» — неудачныхъ подражателей Карамзина, которыхъ еще въ 1796 году осмѣялъ въ «Письмѣ къ И. И. Дмитріеву».

Изъ всѣхъ своихъ родственниковъ мужскаго поколѣнія Василій Львовичъ особенно любилъ брата, Сергѣя Львовича, съ которымъ его соединяла, помимо кровныхъ узъ, и тѣсная дружба, основанная на сходствѣ характеровъ. Любовь къ брату перешла и на знаменитаго племянника, который росъ на глазахъ Василія Львовича и на его же глазахъ выступилъ на литературное поприще. Первые опыты Александра Сергѣевича были приняты дядею съ истиннымъ восхищеніемъ. Возлагая большія надежды на геніальнаго юношу, Василій Львовичъ внимательно слѣдилъ за развитіемъ его могучаго дарованія, и каждое новое произведеніе Александра Сергѣевича возбуждало неподдѣльный восторгъ въ дядѣ, который и выражалъ его въ своихъ посланіяхъ къ племяннику. Что касается Александра Сергѣевича, то онъ, хотя искренно любилъ своего дядю, но, скептически относясь къ его литературной дѣятельности, иногда посмѣивался надъ нимъ. Такъ, когда Василій Львовичъ, отвѣчая на стихотворное посланіе племянника, назвалъ его въ письмѣ братомъ по Аполлону, то молодой Пушкинъ иронически возражалъ ему:

Нѣтъ, нѣтъ, вы мнѣ совсѣмъ не братъ:
Вы дядя мой и на Парнассѣ.

Но благодушіе Василія Львовича не имѣло границъ, и добрыя родственныя отношенія между племянникомъ и дядею сохранились до конца жизни Василія Львовича.

[1]) Соч. кн. Вяземскаго, т. I, стр. XXIX

XXI

Послѣдніе годы своей жизни Пушкинъ безвыѣздно провелъ въ Москвѣ. Не смотря на разстройство денежныхъ дѣлъ, онъ по прежнему жилъ на широкую ногу, устраивая у себя на Басманной литературные вечера, пріятельскія пирушки и обѣды; самъ же, страдая подагрою, рѣдко выѣзжалъ изъ дому. За годъ до смерти Пушкина съ нимъ познакомился А. А. Кононовъ, который въ своихъ любопытныхъ запискахъ такъ отзывается о немъ: «Старикъ, чуть движущійся отъ подагры, его мучившей, небольшой ростомъ, съ открытой физіономіей, съ сѣдыми, немногими остававшимися еще на головѣ волосами, очень веселый балагуръ — вотъ что видѣлъ я въ немъ при первомъ свиданіи. При дальнѣйшемъ знакомствѣ я нашелъ въ немъ любезнаго, добраго, откровеннаго и почтеннаго человѣка; не генія, какимъ былъ его племянникъ, даже не безъ предразсудковъ, но человѣка, какихъ немного, человѣка, о которомъ всегда буду вспоминать съ уваженіемъ и признательностью» [1]).

И во время своей тяжкой болѣзни Василій Львовичъ не переставалъ интересоваться литературой; еще на канунѣ смерти онъ говорилъ Александру Сергѣевичу: «Какъ скучны статьи Катенина», разумѣя подъ ними «Размышленія и разборы», печатавшіеся въ «Литературной Газетѣ» 1830 г. Современники разсказываютъ, что услышавъ эти слова, Александръ Сергѣевичъ тихо удалился изъ комнаты умирающаго дяди, сказавъ окружающимъ: «Господа, выйдемте; пусть это будутъ его послѣднія слова» [2]). Въ письмѣ къ П. А. Плетневу, описывая смерть дяди, Александръ Сергѣевичъ прибавляетъ: «Вотъ что значитъ умереть честнымъ воиномъ на щитѣ, le cri de guerre à la bouche» [3]). Въ самый день кончины, 20-го августа 1830 г., посѣтилъ Василія Львовича его любимецъ, кн. Вяземскій, котораго онъ узналъ и радостно привѣтствовалъ, а чрезъ нѣсколько часовъ тихо скончался, во время чтенія молитвъ при соборованіи масломъ [4]).

23-го августа происходили похороны В. Л. Пушкина въ Донскомъ монастырѣ. Кромѣ Александра Сергѣевича, другихъ родственниковъ и ближайшихъ друзей, покойнаго провожала вся литературная Москва, безъ различія партій, съ И. И. Дмитріевымъ во главѣ.

---

[1]) Библіографическія Записки 1859 г., ст. 306—307.

[2]) Р. Архивъ 1870 г., ст. 1369.

[3]) Соч. А. С. Пушкина, изд. Литературнаго фонда, т. VII, стр. 236.

[4]) Соч. кн. Вяземскаго, т. IX, стр. 137.—Л. Н. Павлищевъ. Изъ семейной хроники, стр. 223—224.

БАСНИ и СКАЗКИ.

I.

МИРЗА И СОЛОВЕЙ.

Мирза, любимый сынъ великаго Могола,
Однажды въ рощицѣ съ наставникомъ гулялъ;
Отъ скуки дѣлать что, незналъ,
А скука, говорятъ, живетъ и у престола;
Вельможи и князья зѣваютъ чаще насъ,
И вѣкомъ кажется иной вельможамъ часъ.
Но дѣло не о томъ. Мирза гулялъ въ лѣсочкѣ;
Тамъ, сидя на кусточкѣ,
Лѣсныхъ пѣвцовъ Моголъ пѣлъ громко и свисталъ
И пѣніемъ своимъ дивилъ и восхищалъ.
Мирза, какъ царскій сынъ, и въ клѣточку скорѣе
Пернатаго пѣвца желалъ бы посадить.
Въ чертогахъ, думалъ онъ, жить птичкѣ веселѣе —
И ну ее ловить.
Но только лишь Мирза пошевелился,
Пѣвецъ въ дубравѣ скрылся.
Сынокъ Могола осердился.
«Какъ можно», онъ сказалъ, «что здѣсь, въ лѣсу густомъ,
«Такъ свищутъ соловьи и пѣньемъ восхищаютъ,
«А у меня передъ дворцомъ
«Одни грачи и воробьи летаютъ?» —
«Дивиться этому не должно никогда»,
Ему наставникъ отвѣчаетъ:
«Глупцовъ встрѣчаемъ мы и видимъ ихъ всегда,
«Но мудрый кроется и пышность презираетъ.
«Блаженъ тотъ государь, кто мудрыхъ обрѣтаетъ!»

Аониды 1798 г., кн. III. Флоріанъ: «Le rossignol et le prince».

II.

ЛЕВЪ БОЛЬНОЙ И ЛИСИЦА.

Однажды левъ былъ болѣнъ
И подданнымъ своимъ послалъ такой указъ,
Что будетъ царь звѣрей отмѣнно тѣмъ доволенъ,
Кто посѣтитъ его болѣзни въ лютый часъ.

Животныя повиновались,
Нейдетъ Лисица лишь одна.
Лисица, знаютъ всѣ, догадлива, умна
И, видя, что ея друзья не возвращались,
«Пещера львиная», сказала, «сущій адъ:
«Никто нейдетъ назадъ».
Намъ Лафонтенъ твердитъ неложно:
Тотъ счастливъ, кто живетъ на свѣтѣ осторожно.

Аониды 1798 г., кн. III. Лафонтенъ: «Le lion malade et le renard».

III.

ЛЕВЪ И ЕГО ЛЮБИМЕЦЪ.

Собачку левъ любилъ,
И всѣ тогда ее ласкали:
Лисицы въ гости звали,
Медвѣди кланялись и тигры уважали;
Спѣсивый даже слонъ сабачкѣ другомъ былъ,
И хоботомъ своимъ огромнымъ
То на спину сажалъ, то гладилъ онъ ее.
Надѣяться нельзя на счастіе свое!
Врагамъ угодно было злобнымъ,
Чтобъ царь звѣрей сослалъ любимца своего.
Любимецъ изгнанный не стоитъ ничего!
Всѣ стали клеветать на счетъ сабачки бѣдной,
Что умъ она имѣетъ вредной;
Лисица голосъ подала,
Что будто такъ собака зла,
Что гнуеную на льва сатиру сочинила;
Медвѣдь всѣхъ увѣрялъ,
Что двѣ сатиры онъ читалъ,
И что всю истину лисица говорила;
А заяцъ побѣжалъ
(Въ томъ зайцевъ вся и сила),
Не выслушавъ конца, разсказывать вездѣ,
Что было, какъ и гдѣ.—
И мы какъ звѣри поступаемъ:
Нерѣдко зло ко злу нарочно прилагаемъ.

Вѣстникъ Европы 1802 г., ч. VI.

IV.

МУДРЕЦЪ И ФИЛИНЪ.

Людьми, судьбою угнетенный,
Безъ крова и друзей, печалью изнуренный,

Скитался Доримонъ.
Безумцамъ истину представить вздумалъ онъ,
И истина была всѣхъ бѣдъ его виною.
Терпѣнье, здравый умъ—сокровища свои—
Унесъ мудрецъ съ собою.
Однажды видитъ онъ, что галки, воробьи
На Филина напали.
«Онъ врагъ отечества, злодѣй», они кричали:
«Въ примѣръ и страхъ другимъ
«Ощиплемъ мы его, ощиплемъ, умертвимъ!»
Чего не дѣлаютъ безуміе и сила!
Уже смерть Филину грозила;
Но, тронутый его судьбой,
Мудрецъ махнулъ рукой,
И вмигъ глупцовъ изчезла стая!
«Чѣмъ такъ противъ себя ты ихъ ожесточилъ?»
Онъ Филина потомъ спросилъ.—
Повѣся голову и горестно вздыхая,
«Не знаю», отвѣчалъ, «что мнѣ тебѣ сказать?
«Къ согласью и любви хотѣлъ ихъ обращать,
«И правду говорилъ, но говорилъ напрасно:
«Моя вина вся въ томъ, что ночью вижу ясно».

Вѣстникъ Европы 1802 г., ч. V. Флоріанъ: «Le philosophe et le chat-huant».

V.

СТАРЫЙ ЛЕВЪ И ЗВѢРИ.

Всѣ звѣри на поклонъ пришли ко льву въ пещеру.
Левъ былъ и старъ, и дряхлъ: онъ шуму не любилъ;
Услужливыхъ гостей къ себѣ онъ не просилъ;
Не ко всему имѣлъ онъ вѣру,
Онъ былъ уменъ — и для него
Покой милѣе былъ всего.
Однако жъ принялъ левъ своихъ гостей учтиво.
Всѣ въ голосъ начали кричать,
Бранить другихъ, себя жъ, какъ можно, величать:
Такое общество и межъ людьми не диво!
Волкъ началъ говорить, что всѣхъ смѣлѣе онъ;
Лисица,—что она хитрѣе;
Медвѣдь,—что всѣхъ звѣрей, конечно, онъ сильнѣе
«Какіе дураки», ворчалъ тихонько слонъ:
«Хотятъ блеснуть въ глаза и удивить собою,
«А кто изъ нихъ въ умѣ равняется со мною?»—
И началъ слонъ болтать о подвигахъ своихъ.

«Что нужды мнѣ до нихъ?»
Левъ молвилъ, наконецъ, все потерявъ терпѣнье:
«Ступайте по домамъ!
«Вы очень всѣ умны, я знаю цѣну вамъ,
«Но для меня ума дороже снисхожденье.
«Овечка милая останется со мной:
«Она не хвалится своею остротой
«И вашихъ качествъ не имѣетъ;
«Но съ нею хорошо: она любить умѣетъ».
Читатель согласится самъ,
Что въ старости не умъ, а сердце нужно намъ.

Вѣстникъ Европы 1802 г., ч. V.

VI.

ГОЛУБКА и БАБОЧКА.

Однажды Бабочка Голубкѣ говорила:
«Ахъ, какъ ты счастлива! Твой голубокъ съ тобой.
«Какой онъ ласковый! Какъ онъ хорошъ собой!
«А мнѣ судьба опредѣлила
«Совсѣмъ иначе жить: невѣрный мотылекъ
«Все по лугамъ летаетъ;
«То незабудочку, то розу выбираетъ;
«А я одна сижу.»—«Послушай, мой дружокъ!»
Голубка отвѣчала,
«Напрасно, можетъ быть, пеняешь ты ему:
«Не ты ль причиною тому,
«Что счастья не сыскала?
«Я правду говорю: любимой нѣжно быть
«Здѣсь средство лишь одно—умѣй сама любить!»
Элиза милая, примѣръ передъ тобою:
Люби... и будешь вѣкъ довольна ты судьбою!
Супругъ твой добръ и милъ. Онъ сердца твоего,
Конечно, цѣну знаетъ;
Люби и почитай его!
Тамъ счастье, гдѣ любовь: оно васъ ожидаетъ.

Вѣстникъ Европы 1803 г., ч. VII.

VII.

СОЛОВЕЙ и ЧИЖЪ.

На зеленой сидя вѣткѣ,
Соловью Чижъ говорилъ:
«Въ золотой живешь ты клѣткѣ;

«А мнѣ кажешься унылъ».—
«Оттого я и тоскую»,—
Соловей въ отвѣтъ сказалъ,—
«Что свободу дорогую
«Я навѣки потерялъ.
«Здѣсь и кормятъ, и поятъ,
«Но летать мнѣ не велятъ».

Вѣстникъ Европы 1803 г., ч. X.

VIII.

ЯПОНЕЦЪ.

Одинъ Японецъ молодой
Былъ глухъ и слѣпъ, къ тому жъ нѣмой,
Но участью своей доволенъ:
Имѣлъ все нужное, покоенъ былъ и воленъ.
«Благодарю боговъ», нерѣдко мыслилъ онъ,
«Что я въ Японіи живу благословенной!
«Японцы такъ добры, чтутъ правду и законъ.
«И я, всѣхъ чувствъ почти лишенной,
«Еще блаженствую и ими не забытъ:
«Одѣтъ, обутъ и сытъ».—
Какой-то славный врачъ, въ Японіи извѣстный,
(Не худо бы и намъ такихъ врачей имѣть!)
Далъ бѣдному бальзамъ чудесный:
Онъ началъ говорить, и слышать, и глядѣть.
Какое счастіе—вы скажете конечно.
Но чтожъ Японецъ нашъ узналъ?
Товарищи его не стоили похвалъ:
Другъ друга грабили они безчеловѣчно,
Вездѣ безсильный былъ попранъ,
Въ судахъ коварство обитало,
На торжищахъ обманъ,
И словомъ—зло торжествовало.
«О ужасъ!» юноша вскричалъ
Съ прискорбіемъ души, съ сердечными слезами,
«Такихъ ли гнусныхъ дѣлъ отъ васъ я ожидалъ?
«Что сдѣлалось, Японцы, съ вами?
«Куда ни оглянусь: въ странѣ несчастной сей
«Или безумецъ, иль злодѣй!»
Слова его судьямъ пересказали,
И тотчасъ отданъ былъ приказъ,
Чтобъ изъ отечества на вѣкъ его изгнали.—
«Японцы», онъ сказалъ, «теперь я знаю васъ.

«И съ вами счастіе найти безъ спору можно,
«Но быть уродомъ должно
«Безъ языка, ушей и глазъ».

Московскій Зритель 1806 г., № 2.

ІХ.

ПАСТУХЪ и СОЛОВЕЙ.

«Пѣвецъ лѣсовъ, что сдѣлалось съ тобой?
«Скажи, гдѣ ты летаешь?
«Бывало, въ тишинѣ нощной
«Ты пѣньемъ слухъ мой услаждаешь,
«А нынѣ замолчалъ, солувушко, мой другъ!»
Такъ говорилъ Пастухъ.—
«Я здѣсь», пѣвецъ лѣсовъ уныло отвѣчаетъ,
«Но крикъ лягушекъ пѣть въ дубравѣ запрещаетъ».—
«Тебѣ-ль», сказалъ Пастухъ, «бояться крика ихъ?
«Не слышу я его при пѣсенкахъ твоихъ!»
Пусть истинный поэтъ на лирѣ воспѣваетъ:
Зоилова хула талантъ не помрачаетъ.

Московскій Зритель 1806 г., № 3. Флоріанъ: «Le berger et le rossignol».

X.

ГОЛУБКА.

Голубка, подъ кустомъ прижавшись, говорила:
«Ахъ, ястребъ пролетѣлъ! Какая злость и сила!
«Но, право, я должна судьбу благодарить,
«Что ястребомъ она меня не сотворила.
«Не лучше ль жертвою, а не злодѣемъ быть?»

Вѣстникъ Европы 1806 г., ч. XXV. Boisard: «La Colombe».

XI.

ВЯЗЪ и РЕПЕЙНИКЪ.

«Ты зацѣпляешь всѣхъ прохожихъ,
«Дурныхъ собою и пригожихъ»,
Кудрявый, толстый Вязъ Репейнику сказалъ;
«Какую прибыль въ томъ находишь,
«Что ты ихъ на сердце наводишь?» —
«Ахъ, право, никакой», Репейникъ отвѣчалъ;
«И если иногда я поступаю грубо,
«Причиною тому, что мнѣ царапать любо».

Вѣстникъ Европы 1807 г., ч. XXXV. Boisard: «Le Saule et le Busson».

XII.
СОЛОВЕЙ и МАЛИНОВКА.

Соловушка Малиновку любилъ
И гнѣздышко ей свилъ;
Малиновкой одной въ лѣсу онъ восхищался
И думалъ, что она
Соловушкѣ вѣрна:
Онъ съ нею никогда еще не разлучался.
Но отъ орла указъ, и должно Соловью
Оставить милую свою. —
«Послушай», онъ сказалъ Малиновкѣ съ слезами,
«Я отъ тебя лечу, и долго, можетъ быть,
«Не будемъ, нѣжный другъ, скрываясь подъ кустами,
«И пѣть, и счастіе другъ въ другѣ находить.
«Живи здѣсь въ гнѣздышкѣ; все для тебя готово:
«Пшено и мохъ; и дай мнѣ вѣрно слово,
«Что будешь вѣчно ты соловушку любить!
«Ахъ, еслибъ вѣдала, какъ тяжко разставаться!
«Я счастливъ былъ съ тобой!
«Что дѣлать? Долгъ велитъ орлу повиноваться:
«Прости, Малиновка, прости, дружочекъ мой»!—
Сказалъ соловушко и съ милою простился.
Она въ гнѣздѣ своемъ осталась горевать.
Но красный зобъ, снигирь, къ Малиновкѣ явился
Ее въ печали утѣшать;
Поплакалъ прежде съ ней, потомъ подсѣлъ поближе,
И, голосъ опустивъ свой ниже, ниже,
Шепнулъ ей на ушко, что онъ въ нее влюбленъ,
Что всѣхъ она прекраснѣе собою
И тѣломъ, и душою.
Подъ часъ кто не бывалъ коварствомъ ослѣпленъ?
Она хотѣла разсердиться;
Снигирь примолвилъ ей,
Что вѣтренный ея, невѣрный соловей
Изволилъ отлучиться
По волѣ лишь своей;
Что въ дальней рощицѣ онъ съ зяблицей летаетъ,
И ей, Малиновкѣ, конечно, измѣняетъ.
Малиновкамъ всегда пріятно отомстить,
И также нравиться пріятно!
Все сказанное ей казалось вѣроятно,
А время съ снигиремъ дѣлить
Почла Малиновка невинною отрадой.
Снигирь сначала ей казался только милъ,

Потомъ сталъ вѣрный другъ—потомъ и нуженъ былъ:
Пошла награда за наградой!
Соловушка забытъ, и въ сторонѣ чужой
Никакъ не помышлялъ онъ о такой измѣнѣ:
Увы, подвержено все въ свѣтѣ перемѣнѣ!
Насталъ свиданья часъ: онъ прилетѣлъ домой,
И что жъ нашелъ?...Несчастный!
Гнѣздо разорено... На деревѣ другомъ
Малиновка съ своимъ любезнымъ снигиремъ
Сидѣли на сучкѣ... И нашъ любовникъ страстный,
Пѣвецъ лѣсовъ, Орфей
Предъ Эвридикою прелестною своей
Вздохнулъ... еще вздохнулъ... и въ горести глубокой
Пошелъ жить одинокой.
О нѣжныя сердца! Любовь изъ ничего
Родится, умираетъ,
И басни сей творецъ нерѣдко повторяетъ:
Въ любви разлука намъ опаснѣе всего!

Вѣстникъ Европы 1807 г., ч. XXXV.

XIII.

МЕРКУРІЙ и УМЕРШІЕ.

Къ Плутону грозному, въ жилище страшныхъ фурій,
Умершихъ провожалъ Меркурій;
Ихъ было четверо: красавица, герой,
Старикъ и стиходѣй. Они тотчасъ дорогой
Вступили въ рѣчи межъ собой.
—«Ударъ судьбы несносный, строгой!»
Сказала дѣвушка. «Какъ въ юности такой
Оставить бѣлый свѣтъ, съ весельями проститься?
«Любовникъ нѣжный мой
«Навѣки осужденъ крушиться:
«Онъ счастіе во мнѣ лишь находилъ одной.
«Съ такою пылкою душой
«Онъ безъ меня и жить не будетъ;
«А если будетъ живъ, то вѣрно не забудетъ».
—«Что дѣлать?» говорилъ старикъ;
«Повѣрь, красавица, и мой уронъ великъ:
«Разстался я съ женою,
«Съ любезными дѣтьми; надъ гробовой доскою,
«Я знаю, что они теперь льютъ рѣки слезъ...
«Пошли отраду имъ Зевесъ!»—
«Что вы передо мною?»
Съ презрѣніемъ герой вскричалъ:

«Я именемъ моимъ вселенну наполнялъ,
«И ужасъ былъ враговъ. Въ исторіи, конечно,
«Великаго вождя жить будетъ имя вѣчно.
«Скажите, кто со мной равняется изъ васъ?»
—«Не обижайте насъ!»
Отвѣтствовалъ піитъ: «вы служите примѣромъ
«Всѣмъ полководцамъ... можетъ быть!
«Но въ памяти людей я долѣ буду жить:
«Что Ахиллесъ передъ Омеромъ?
«Всѣ будутъ наизусть стихи мои твердить,
«И, прославляя оды громки,
«Восплачутъ обо мнѣ, любимцѣ музъ, потомки»...
—«Вы ошибаетесь», крылатый богъ сказалъ:
«Любовникъ твой теперь другую увѣряетъ,
«Что ей онъ сердце посвящаетъ,
«И что прямой любви доселѣ онъ не зналъ.
«Въ твоемъ, старикъ, огромномъ домѣ
«Идетъ ужасная война:
«Въ судъ просьба на дѣтей женою подана;
«Она бъ хотѣла ихъ всѣхъ видѣть на соломѣ;
«Мѣшки разложены, и дѣтки—въ кладовой;
«Не слезы льются, дождь златой.
«О подвигахъ твоихъ, непобѣдимый воинъ,
«Никто не говоритъ;
«Лишь имя твоего преемника гремитъ:
«Онъ болѣе тебя всѣхъ почестей достоинъ;
«Онъ истинный герой, такъ носится молва.
«А ты, набитая стихами голова,
«Великій риѳмоткачь, слывешь пѣвцомъ нескладнымъ,
«И журналистамъ въ снѣдь остался непощаднымъ».
Меркурій точно правъ. Мы люди таковы:
Ближайшихъ къ сердцу забываемъ,
И съ ними навсегда—увы!
Любовь и горесть погребаемъ.

Аглая 1808 г., ч. II. De-la-Motte: «Mercure et les Ombres».

XIV.

ОЩИПАННЫЙ ПѢТУХЪ.

Лисица Пѣтуха поймала
И, по обычаю лисицъ,
Ему всѣ перья ощипала.
Лисицы страшныя охотницы до птицъ,
И въ этомъ сходны съ нами:
Не тотъ лишь хищный звѣрь, кто въ свѣтъ рожденъ съ когтями!

Плутовка за обѣдъ уже садилась свой,
Какъ вдругъ косматый песъ, съ широкой головой,
Домовый стражъ, Полканъ, залаялъ и пустился
Лисицу жадную ловить.
Пѣтухъ остался живъ, въ курятникъ возвратился.
Безъ перьевъ?—Какъ же быть!
«Не думалъ никогда увидѣться я съ вами,»
Бѣдняжка курицамъ сказалъ,
«Чортъ на меня бѣду ужасную послалъ;
«И если бъ не Полканъ съ зубами,
«Конечно бъ не былъ я въ живыхъ!»
—«Какое дѣло намъ до шалостей твоихъ?»
Всѣ куры въ голосъ закричали:
«Безъ перьевъ, голякамъ, не можемъ мы помочь;
«Бѣги отселѣ прочь,
«Пока не заклевали!»—
Ощипанный пѣтухъ, собравъ остатокъ силъ,
Отъ курицъ лыжи навострилъ.
Гонимые судьбой, не тратьте словъ напрасныхъ!
Вездѣ пріемъ таковъ бываетъ для несчастныхъ.

Вѣстникъ Европы 1808 г., ч. XXXVIII.

XV.

СУРОКЪ и ЩЕГЛЕНОКЪ.

Сурку Щегленокъ говорилъ:
«Какъ! Вѣчно спать? Какая скука!
«И вѣчно быть въ норѣ? Такъ жить, конечно, мука!
«Сонъ—та же смерть. Чтобъ я, лишенный силъ,
«Въ гнѣздѣ своемъ лежалъ, какъ ты, Сурокъ несчастной?
«Нѣтъ, я хочу летать по рощамъ, по лугамъ,
«По селамъ, городамъ,
«Все слышать, видѣть все. Свободою прекрасной
«Я пользуюсь своей.
«О бѣдненькой Сурокъ, объ участи твоей
«Я истинно жалѣю:
«Ты знаешь, я любить умѣю!»
—«Что жъ новаго? скажи скорѣй»,
Спросилъ Сурокъ разсказчика Щегленка.—
«Отъ старика и до ребенка
«Всѣ заняты умы въ столичныхъ городахъ:
«Тотъ проживается, тотъ копитъ, богатится
«И въ страшныхъ откупахъ;
«Другой надъ картами трудится;
«Заботы, происки о лентахъ, о чинахъ;

«Никто не думаетъ о ближнихъ, о друзьяхъ;
«Жена предъ мужемъ лицемѣритъ,
«А мужъ передъ женой—и до того дошло,
«Что брату братъ не вѣритъ».
—«Какой развратъ, какое зло!»
Вскричалъ Сурокъ съ презрѣньемъ;
«Не говори съ такимъ, пожалуй, сожалѣньемъ!
«Чтобъ ужасовъ такихъ не слышать и не знать,
«По моему, не лучше ль спать?»

Вѣстникъ Европы 1808 г., ч. XL.

XVI.

БЫЛЬ.

СКАЗКА.

На Лизѣ молодой богачъ-старикъ женился,
И участью своей онъ не доволенъ былъ.
«Что ты задумалась?» женѣ онъ говорилъ;
«Я право пищи всей лишился
«Съ тѣхъ поръ, какъ Богъ меня съ тобой соединилъ!
«Все ты сидишь въ углу; не слышу я ни слова;
«А если молвишь что, то вѣчно *вы* да *вы*.
«Дружочекъ, любушка, скажи мнѣ нѣжно: *ты*—
«И шаль турецкая готова.»
При словѣ *шаль* жена перемѣнила тонъ.
«Какъ *ты* догадливъ сталъ! Поди жъ скорѣе вонъ!»

Вѣстникъ Европы 1808 г., ч. XLI.

XVII.

ОВЦА, ЛИСИЦА и ВОЛКЪ.

Не знаю, какъ-то вечеркомъ
Лисица встрѣтилась съ Овцою,
И самымъ ласковымъ и нѣжнымъ голоскомъ
Она сказала ей: «Ты позднею порою
«Напрасно, мой дружокъ, проходишь здѣсь лѣскомъ:
«Повѣрь, что хищный Волкъ на караулѣ вѣчно;
«Бѣги, бѣги скорѣй: онъ съѣстъ тебя конечно».
Овца пришла домой.
«Что сдѣлалось съ тобой?»
Подруги въ голосъ закричали:
«Мы все придумали; день цѣлый тосковали;
«Ты Волка видѣла? Каковъ то онъ собой?
«Хвостъ длинный, носъ большой
«И зубы страшные! Какъ то могло случиться,
«Что ты умѣла къ намъ, подругамъ, возвратиться?»—

«Лисица добрая въ несчастьи помогла»,
Опомнившись, вздохнувъ, Овечка отвѣчала:
«Она ко стаду мнѣ дорогу показала,
«Отъ волка сберегла
«И васъ, друзей моихъ, избавила печали».—
Лисицу всѣ хвалили, величали,
И даже въ тѣсную и дружескую связь
Съ смиренницей такой онѣ войти желали.
Но Волкъ, ужасно разсердясь,
Куму свою бранилъ: «Злодѣйка, ты, взбѣсясь,
«Задумала Овцамъ показывать дорогу!
«Какая прибыль мнѣ, что я въ ладу съ тобой?»
—«Ты подлинно рожденъ съ дурацкой головой»,
Вскричала кумушка: «Хочу я по немногу
«Овечекъ приманить сюда.
«Одна спаслась, что за бѣда?
«Здѣсь лягутъ пятьдесятъ; я въ томъ могу увѣрить:
«Всего полезнѣе на свѣтѣ лицемѣрить».
Разсказа моего смыслъ, кажется, таковъ:
Лисицы хитрыя опаснѣе Волковъ.

Вѣстникъ Европы 1809 г., ч. XLVIII.

XVIII.

ВОЛКЪ и ЛИСИЦА.

Волкъ хищный занемогъ. Раскаянье съ недугомъ
Приходитъ часто и къ звѣрямъ.
«Нѣтъ», такъ онъ разсуждалъ съ кумой своей и другомъ,
«Нѣтъ, полно рыскать мнѣ по рощамъ и лугамъ!
«Довольно подушилъ овечекъ я невинныхъ;
«Не лучше ль смирно жить, питаться мнѣ травой?
«Мы, кумушка, съ тобой
«Забудемъ о дѣлахъ безчинныхъ!
«Ты грѣшнику повѣрь: въ прожорствѣ нѣтъ добра!
«И намъ опомниться пора!
«Совѣтую тебѣ оставить куръ въ покоѣ;
«Смиренье дѣло золотое.
«Увидишь, я во всемъ съ ягненкомъ буду схожъ—
«И если не лицомъ, обычаемъ хорошъ».
Лисица удивилась;
Волкъ, думала она, недаромъ слезы льетъ
И злость свою клянетъ;
Онъ вѣрно завтра же умретъ.—
Съ почтеньемъ, молча, поклонилась.
Но къ счастью, у волковъ

Не знаютъ докторовъ:
Больной оправился. Курятница-лисица
Въ политикѣ, какъ всѣмъ извѣстно, мастерица,
Пустилась Волка поздравлять:
Нехудо иногда зубастымъ угождать!
Итакъ, угодница является въ пещеру
Къ правоучителю, иль лучше лицемѣру.
Что жъ видитъ тамъ она? Покойно Волкъ сидитъ
И кушаетъ барана;
Овца несчастная полмертвая лежитъ,
Такой же участи ждетъ скоро отъ тирана.
— «Прекрасно, куманекъ», Лисица говоритъ:
«Ты каялся въ грѣхахъ и плакалъ, какъ ребенокъ,
«Но видно, что въ тебѣ гласъ совѣсти умолкъ!» —
«Такъ чтожъ?» вскричалъ злодѣй,—«въ болѣзни я—ягненокъ;
«Когда здоровъ, я—волкъ».

1811.
С.-Петербургскій Вѣстникъ 1812 г., № I.

XIX.

СЫЧИ.

Сіяніе златого Феба
Не можетъ нравиться Сычамъ.
Когда по тонкимъ облакамъ,
Средь свѣтлоголубаго неба,
Онъ, гордо шествуя, даритъ отраду намъ;
Враги его въ дуплахъ скрываются, стонаютъ
И Феба проклинаютъ. —
Межъ солнца и земли луна
Однажды проходила
И въ полдень темнотой вселенную покрыла:
Лунѣ такая власть дана,
И мы, знакомые съ небеснымъ симъ явленьемъ,
Зовемъ его затмѣньемъ;
Итакъ, затмился солнца свѣтъ...
Въ восторгѣ Сычь кричитъ: «Друзья, злодѣя нѣтъ!
«Свѣтильникъ пагубный не существуетъ болѣ;
«Нѣтъ, полно жить въ неволѣ!
«Глядѣть во всѣ глаза намъ велѣно судьбой;
«Тьма благотворная навѣки воцарилась;
«Летите въ слѣдъ за мной!»
Безумцевъ стая возгордилась,
И тучею они стремятся къ небесамъ.
Но вѣчно ль ликовать Сычамъ? —

Затмѣнье кончилось, и солнце возсіяло;
Въ величіи свой путь небесный воспріяло;
Возвеселился міръ; все оживилось вновь:
Долины, горы, рощи;
Воспѣли соловьи блаженство и любовь;
Одни любимцы темной нощи,
Прослыть орлами возмечтавъ,
Валятся на землю стремглавъ.
Какъ солнца свѣтлаго лучи,
Сіяютъ даръ, ученье.
Невѣжество—умовъ затмѣнье,
Невѣжды-авторы — Сычи.

С.-Петербургскій Вѣстникъ 1812 г., № 2.

XX.

ПАВЛИНЪ, ЗЯБЛИКЪ и СОРОКА.

Сорока сплетница и Зябликъ молчаливый
Къ Павлину залетѣли въ садъ.
Онъ былъ гостямъ сердечно радъ
И сдѣлалъ имъ пріемъ привѣтливый, учтивый.
Сорока начала болтать,
Бранитъ того, другова,
Лѣсовъ Орфея осуждать,
Смѣяться надъ орломъ, кукушку величать.
Всѣ слушали ее, не говоря ни слова.
Бесѣда кончилась, и, возвратясь домой,
Сорока своему товарищу сказала:
«Не кстати нашъ Павлинъ любуется собой;
«Такихъ ногъ скаредныхъ еще я не видала;
«Какъ онъ нескладенъ и хохлатъ,
«Ужасный голосъ, дикой.
«Къ тому-жъ, мнѣ кажется, онъ и гордецъ великой:
«Все хочетъ умничать, и вѣчно не въ попадъ».
— «Не соглашусь, кума, съ тобою»,
Ей Зябликъ отвѣчалъ: «Павлина красотою
«Я только восхищаться могъ.
«Какія перья, хвостъ, осанка, обхожденье!
«Вотъ что я видѣлъ въ немъ; я не примѣтилъ ногъ».
Такъ точно. Злыхъ людей въ томъ состоитъ умѣнье,
Чтобъ недостатки находить.
А добрый счастливъ тѣмъ, что можетъ онъ хвалить.

Труды Общества любителей росс. словесности 1812 г., ч. III.

XXI.

ВОЛКЪ и ПАСТУХИ.

Волкъ вздумалъ добрымъ, смирнымъ быть,
Злодѣямъ мудрено любить —
Не спорю, но прошу послушать
Съ терпѣньемъ мой разсказъ.
Какимъ-то случаемъ, въ какой-то добрый часъ,
Привыкшій Волкъ овецъ, ягнятъ невинныхъ кушать,
Задумался и говоритъ:
«Кому не сдѣлалъ я обидъ?
«Я общій врагъ; меня за дѣло проклинаютъ;
«Всѣ гибели моей желаютъ:
«Псари, собаки, пастухи.
«Давно за тяжкіе грѣхи
«Изгнали насъ изъ Альбіона.
«Жизнь волчья—сущій адъ. Не лучше-ль, наконецъ,
«Муравку мнѣ щипать и не душить овецъ?
«Утѣшно-ль быть виной несчастія и стона?»
— Сказалъ смиренникъ нашъ, и видитъ Пастуховъ,
Сидящихъ вкругъ огня подъ взрослыми дубами.
Волкъ тихими шагами
Подходитъ. — Ужинъ былъ готовъ.
Барашекъ жареный, растерзанный на части,
Пріятной пищею хозяевамъ служилъ. —
«И у людей такія-жъ страсти!»
Прожора закричалъ: «Напрасно я грустилъ,
«Напрасно въ постники хотѣлъ я записаться.
«Стадъ караульщики изволятъ забавляться
«Не хуже насъ Волковъ.
«Къ чему мнѣ быть смирнѣй и лучше Пастуховъ?
«Овечки милыя, я съ вами разставаться
«Теперь, повѣрьте мнѣ, не буду никогда;
«Прошу пожаловать сюда!»—
Волкъ правъ, и, не смотря на всѣ людскіе толки,
Мы точно тѣ же волки.

Труды Общества любителей росс. словесности 1812 г., ч. III. Лафонтенъ: «Le loup et les bergers».

XXII.

ВЕЛИКОДУШНЫЙ ЦАРЬ.

На смерть невольникъ осужденный,
Лишась надежды всей, монарха поносилъ.
«Что говоритъ несчастный?» вопросилъ
Чиновниками царь своими окруженный.

— «Онъ о тебѣ къ Творцу», любимецъ отвѣчалъ,
«Моленья возсылаетъ,
«И съ сокрушеніемъ, съ слезами умоляетъ,
«Чтобъ жизнь ему ты даровалъ!» —
«Свободенъ онъ! Прощать—для сердца утѣшенье!»
— «Напрасно, государь, даруешь ты прощенье»,
Завистливый одинъ придворный закричалъ:
«Неистовый злодѣй, въ ужасномъ иступленьѣ,
«Тебя, я слышалъ, проклиналъ».
— «Нѣтъ нужды: на него я милость обращаю.
«Къ добру меня влечетъ любимецъ вѣрный мой;
«Въ жестокой правдѣ нѣтъ отрады никакой, —
«И благотворну ложь я ей предпочитаю.»

Вѣстникъ Европы 1815 г., ч. LXXX. Guichard: «Le roi judicieux».

XXIII.

МЕДВѢДЬ и ЕГО ГОСТИ.

Медвѣдю вздумалось звѣрямъ дать угощенье;
Толпою всѣ бѣгутъ на зовъ,
И пиръ, конечно, былъ таковъ,
Что онъ гостей привелъ въ восторгъ и удивленье.
Вельможа не жалѣлъ кармана своего;
Все было славно и богато.
Безъ спору, можно жить медвѣдямъ таровато!
Лишь только на пиру веселья одного,
Не знаю, какъ-то не случилось.
Въ тотъ вечеръ, можетъ быть,
Оно въ сердечную бесѣду удалилось.
Мартышка рѣзвая, охотница шутить,
Прожора не большая,
Зѣвала, морщилась, плечами пожимая,
И наконецъ, отдавъ хозяину поклонъ,
Сказала барсуку: «Веселье — мой законъ;
«У пышныхъ богачей, я вижу — все прекрасно;
«Но что-то говорить и трудно, и опасно!
«Ты оставайся здѣсь, а я бѣгу туда,
«Гдѣ разсмѣяться не бѣда».

Вѣстникъ Европы 1815 г., ч. LXXX.

XXIV.

КОТЪ и МОСЬКА.

Котъ вздумалъ съ Моською играть.
Собаки всѣ добры. Курносая храпѣла,
Въ восторгѣ хвостикомъ вертѣла

И всячески Кота старалась забавлять.
Но дружба не прочна съ коварными сердцами!
Котъ въ Моську когти запустилъ
И даже сталъ кусать зубами! —
«Что такъ ты морщишься?» — бѣдняжку онъ спросилъ:
«Съ тобой я пошутилъ;
«А я люблю шутить съ друзьями.
«Сердиться на меня не только что смѣшно,
«Но, право, кажется, грѣшно.»
«Пожалуй, смѣйся надо мною»,
— Сказала Моська — «но съ тобою
«Водиться не хочу. Нимало не сержусь,
«А шуточекъ твоихъ боюсь
«И вредное навѣкъ знакомство разрываю:
«Ошиблась — такъ и быть — опомниться пора!»
Извѣстныхъ я враговъ всегда предпочитаю
Друзьямъ, которые царапать мастера.

Труды Общества любителей росс. словесности 1816 г., ч. VI.

XXV.

ЛИСТОЧЕКЪ.

Куда, Листочекъ, ты летишь
Изсохшій, пожелтѣлый?
Не знаю, говоришь:
Сломила буря дубъ дебелый,
Который вѣрною подпорой мнѣ служилъ
И рощи красотою былъ.
Носимой нынѣ Аквилономъ
Или Зефиромъ, я лечу
Куда предписано мнѣ строгимъ ихъ закономъ,
А не туда, куда хочу,
Съ холма на лугъ, съ горы въ долину,
Безъ страха, ропота на грозную судьбину.
Всему конецъ! Я помню сей урокъ,
Для всѣхъ равно суровый;
Несусь, куда летитъ и гордый листъ лавровый,
И розы нѣжныя листокъ.

1816.

Труды Общества любителей росс. словесности 1817 г., ч. VII. Арно: «La feuille.»

XXVI.

ОВСЯНКА и ПѢНОЧКА.

«Помилуй, кумушка, какъ ты упряма стала».
Овсянка съ Пѣночкой однажды разсуждала:

«Ворону хвалятъ всѣ, а ты ее бранишь;
«Скажи, что въ ней худова?
«Осаниста, бойка, всегда кричать готова;
«Напрасно, милая, ты къ ней не полетишь
«И не сведешь знакомства съ нею».
—«Я лгать, ты знаешь, не умѣю»,
Сказала Пѣночка: «мнѣ сердце раздѣлить,
«Повѣрь, никакъ не можно;
«Признаніе мое, хотя неосторожно,—
«Что дѣлать? Такъ и быть:
«Любя соловушку, какъ мнѣ воронъ любить?»
Сынъ Отечества 1816 г., ч. XXVIII.

XXVII.

ЗАВИСТНИКИ СОЛОВЬЯ.

Весною пѣлъ лѣсовъ Орфей,
И всѣ ему внимали.
Въ восторгѣ древеса, казалось, трепетали,
Игривый не шумѣлъ ручей,
И пастухи свои оставили свирѣли.
Угрюмые сычи, нахмуряся, сидѣли,
Иль, лучше, прятались въ дуплахъ.
Но филинъ, завистью свой побѣждая страхъ,
Кричитъ прислужникамъ: «Друзья, вы оробѣли!
«Стыдтиесь! Я за васъ. Чего страшиться намъ?
«Летите кучею къ болотистымъ водамъ.
«Лягушка, другъ намъ неизмѣнный,
«Заквакаетъ—и Соловей,
«Оставленный, презрѣнный,
«Не будетъ восхищать гармоніей своей».
Приказъ провозглашенъ—и вкуса врагъ извѣстный,
Лягушка дерзкая заквакала въ водахъ.
И филинъ, и сычи отъ радости въ слезахъ
Воскликнули: «О, даръ чудесный!
«Какой съ лягушкою равняется пѣвецъ?»
Малиновка трусиха,
Виляя хвостикомъ, твердила изподтиха:
«Лягушкѣ слава и вѣнецъ!»—
«Тебѣ ли,» говоритъ ей зябликъ съ сожалѣньемъ,
«Плѣняться кваканьемъ лягушки водяной!
«Малиновка, что сдѣлалось съ тобой?
«Одумайся! Сама ты восхищалась пѣньемъ
«Весны любимца, Соловья...
«Неужели сычи малиновкѣ друзья?

«Межъ нами ты слыла вострушкой;
«Но долго-ль до бѣды? Заквакаешь лягушкой».
Нелѣпое сужденіе вралей
Ни мало не обидно;
Но въ шайкѣ быть сычей
Малиновкѣ грѣшно и стыдно.

Труды Общества любителей росс. словесности 1816 г., ч. VI.

XXVIII.

БОГАЧЪ и БѢДНЯКЪ.

«Въ умѣ ли ты, несчастной»,
Богатый бѣдняку однажды говорилъ:
«Ты въ лотерею рубль послѣдній положилъ,
«А самъ безъ обуви и въ нищетѣ ужасной!
«Не лучше ли беречь деньжонки на обѣдъ,
«А не бросать въ огонь».—Бѣднякъ ему въ отвѣтъ:
«Винить меня ты воленъ,
«Надежду я купилъ и тѣмъ пока доволенъ».

1816.

Труды Общества любителей росс. словесности 1817 г., ч. IX.

XXIX.

СТАРУШКА и БОГИНЯ ИСТИНА.

Средь хижинъ мирныхъ и смиренныхъ
Старушка добрая жила;
Несчастныхъ, огорченныхъ
Она помощницей была
И ихъ дарила, чѣмъ могла:
Простою пищею, совѣтомъ, иль слезою.
Вечернею порою
Богиня Истина пришла однажды къ ней;
Стучится у дверей
И проситъ помощи, почти совсѣмъ нагая:
«Отъ бури и дождя несчастной дай покровъ!»
Она кричитъ, изнемогая.
Чувствительнымъ сердцамъ не нужно много словъ;
Старушка съ радостью богиню принимаетъ;
У комелька ея одежду осушаетъ,
И тотчасъ ужинъ ей готовъ.
«Трапезой бѣдною моей не погнушайся»,
Старушка говоритъ: «Вотъ крынка молока,
«Хлѣбъ, яицы. Садись—ты шла издалека—
«И силы возвратить старайся!
«Но кто ты такова, и какъ тебя зовутъ?»

—«Я Истина. Меня и хвалятъ, и поютъ;
«Пристанища нигдѣ однако жъ не имѣю.
«Ласкать я не умѣю
«И правду говорю—вотъ вся моя вина;
«За то и въ рубищѣ бродить осуждена.
«Мнѣ плохо жить на свѣтѣ!»—
—«Переночуй ты въ хижинѣ моей»,
Старушка отвѣчаетъ ей;—
«А завтра на разсвѣтѣ
«Увидимъ, чѣмъ могу несчастной я помочь».
Проходитъ ночь,
И солнце келью освѣщаетъ.
Богиня примѣчаетъ,
Что добрая ея хозяюшка крива,
Съ горбомъ, и что у ней трясется голова.
—«Какой уродъ»—вскочивъ, не медля, восклицаетъ.
«Куда дѣвался глазъ другой?»—
«Не смѣйся надо мной!»
Старушка ей сказала;
«Когда гонимую судьбой
«Отъ бури я спасала,
«Въ награду отъ нея насмѣшекъ не ждала».
—«Пожалуй, не сердись! Я вижу: ты мила,
«Умна, но ты горбата,
«Крива, дурна лицомъ; я въ томъ не виновата!—
«Поди-жъ, оставь меня! Мнѣ кажется, съ тобой
«И съ доброю душой
«Ужиться никому не можно.
«Ты правду говори, да только осторожно».
Богиня съ посохомъ и въ рубищѣ своемъ,
Вздохнувъ, пошла путемъ,
Не говоря ни слова.
Проказницѣ такой,
Я слышалъ, вѣчно бы шататься здѣсь нагой
Безъ Дмитрева и безъ Крылова.

Вѣстникъ Европы 1816 г., ч. LXXXVIII.

XXX.

ПРЕИМУЩЕСТВО ДАРОВАНІЙ.

Сосѣдъ однажды за обѣдомъ
Довольно чудный споръ завелъ съ своимъ сосѣдомъ.
Одинъ—убогій былъ пѣвецъ,
Другой—богачъ, невѣжда и глупецъ:
Конечно, догадаться можно,

Что откупщикъ во всемъ хотѣлъ поверхность взять
И въ гордости мечталъ, что непремѣнно должно
Гнуть спину передъ нимъ и, слушая, молчать.
Я, признаюсь, другаго мнѣнья:
Богатство безъ ума не стоитъ уваженья.
«Послушай», говорилъ богачъ:
«Я знаю, ты ученъ, философъ и риѳмачъ,
«Но что твои стихи и умъ передъ рублями?
«Читаешь много ты, но прибыли въ томъ нѣтъ;
«Ты можешь-ли, какъ я, дать лакомый обѣдъ
«И подчивать гостей шампанскимъ, стерлядями?
«Я бариномъ живу, а ты на чердакѣ;
«Смотри, вездѣ фарфоръ и бронзы, и картины!
«Курильницы во всякомъ уголкѣ,
«И на диванахъ левантины.
«Не хвастайся своей ученой головой;
«Я вижу, плохо быть поэтомъ!
«Ты въ декабрѣ одѣтъ такъ точно, какъ я лѣтомъ,
«И тѣнь твоя бѣжитъ слугою за тобой!
«Мы счастье раздаемъ. Художники, портные,
«Газетчики и авторы дурные,
«Торговки модныхъ шляпъ, и тѣ, кто носятъ ихъ,
«Всѣ нами кормятся, а въ сказочкахъ твоихъ,
«Повѣрь, пріятель, мнѣ, нѣтъ проку никакова».—
Бѣднякъ не отвѣчалъ ни слова;
Война отмстила за него:
Домъ богача сожженъ и все его имѣнье.
Поэтъ не потерялъ войною ничего!
Талантъ его, воображенье
И благородный духъ, безцѣнный даръ Небесъ,
Въ странѣ другой нашли награду и почтенье.
На чей же сторонѣ, скажите, перевѣсъ?

Труды Общества любителей росс. словесности 1817 г., ч. VII.

XXXI.

МОЛОДАЯ ВДОВА.

Мужъ умеръ; какъ о немъ не плакать, не жалѣть?
Но горесть скоро улетаетъ;
Крылатый намъ Сатурнъ веселье возвращаетъ.
Какая разница: шесть мѣсяцевъ вдовѣть,
Иль нѣсколько часовъ несчастной быть вдовою?
Вчерашняя вдова пугаетъ всѣхъ собою;
Притворная иль нѣтъ тоска въ ея глазахъ,
И рѣчи все однѣ твердитъ она въ слезахъ.

Вдова, напротивъ, годовая
О мужѣ тужитъ, но слегка,
Пріятна, весела, ловка,
И домъ ея назвать жилищемъ можно рая.
Супругъ красавицы одной
Спѣшилъ отправиться къ Харону;
Жена въ отчаяньи кричала: «Боже мой!
«Должна я твоему послушна быть закону;
«Но, ахъ, возьми меня—и жизнь ему отдай!
«За друга умереть я рада и готова!»
Не говоря ни слова,
Пустился мужъ одинъ въ печальный, дальній край.
Вдова отца имѣла;
Старикъ догадливъ былъ, уменъ и зналъ людей;
Онъ милой дочери своей
Лить слезы не мѣшалъ. Красавица жалѣла,
Какъ хотѣла;
Проходитъ мѣсяцъ, два.—«Послушай», говоритъ
Старикъ вдовѣ несчастной:
«Крушиться трудъ напрасной;
«Мой другъ, умершаго твой плачъ не воскреситъ!
«Живыхъ довольно въ здѣшнемъ свѣтѣ;
«Есть у меня женихъ прекрасный на примѣтѣ.
«Но я теперь еще молчу
«И дочь любезную тревожить не хочу;
«Я знаю, что печаль не можетъ вѣкъ продлиться!»
—«Нѣтъ, нѣтъ! Я въ монастырь желаю удалиться»,—
Вздыхая, отвѣчаетъ дочь:
«Я буду тамъ стенать, молиться день и ночь;
«Вотъ мой удѣлъ—вотъ все мое желанье!
«Несчастью моему лишь можетъ смерть помочь!»
Старикъ молчитъ въ пріятномъ ожиданьи.
Чрезъ мѣсяцъ, горькая вдова
Уже заботится о модномъ одѣваньи:
Въ корсетѣ стянута, и въ кудряхъ голова,
И новыя у ней и мебели, и шали.
Еще два мѣсяца, и слезы, и печали—
Исчезло все, какъ сонъ!—Амуры къ ней толпой
Летятъ: прелестница блистаетъ красотой
И келью для себя не думаетъ готовить.
—«Скажите», говоритъ, отца обнявъ рукой,
«Гдѣ тотъ женихъ прекрасный, молодой,
Съ которымъ вы меня хотѣли познакомить?»

Труды Общества любителей росс. словесности 1817 г., ч. IX. Лафонтенъ: «La veuve jeune».

XXXII.

СМОКОВНИЦА.

На берегу пруда Смоковница стояла
И берегъ украшала.
Пернатые пѣвцы слетались къ ней подъ тѣнь:
Тамъ цѣлый майскій день
Они любовь свою и счастье воспѣвали;
Но прочнаго блаженства нѣтъ!
Нерѣдко радость есть предвѣстникомъ печали
И будущихъ залогомъ бѣдъ.
Ужасная гроза внезапно наступаетъ.
Хоръ птичекъ, скрывшись, умолкаетъ;
Пылаетъ сводъ небесъ, несется пыль столбомъ,
И страшный, сильный громъ
Смоковницу разитъ и бѣдную лишаетъ
И листьевъ, и плодовъ.
Но солнце тучи прогоняетъ.
Слетаются пѣвцы подъ свой любимый кровъ,
И что-жъ представилось ихъ взору?—Разрушенье.
«О, ужасъ», чижъ вскричалъ: «лечу отселѣ прочь!
«Я не могу ничѣмъ Смоковницѣ помочь,
«А видѣть мнѣ ее—несносное мученье.
«Летите всѣ за мной!
«Здѣсь дѣлать нечего».—«И я, и я съ тобой»,
Примолвили скворецъ, щегленокъ и овсянка,
«Вся здѣшняя страна разорена кругомъ
«И болѣе теперь для пѣсенъ не приманка;
«Веселіе насъ ждетъ въ убѣжищѣ другомъ».
—«Я здѣсь любовь узнала»,
Сказала горлица: «и здѣсь я буду жить;
«Смоковница меня счастливою видала,
«И съ нею я хочу несчастіе дѣлить».—
«И я любить умѣю»,
Воскликнулъ соловей;
«Хочу сюда гармоніей своею
«Со всѣхъ сторонъ привлечь людей;
«Хотя Смоковница не та ужъ стала нынѣ,
«Но все любезна мнѣ и въ горестной судьбинѣ».
Въ несчастьи познаемъ мы истинныхъ друзей.

Труды Общества любителей росс. словесности 1817 г., ч. IX.

XXXIII.

ПОПУГАЙ.

Случайно вылетѣвъ изъ клѣтки золотой,
Зеленый Попугай въ дубравѣ поселился

И тамъ, возвысивъ голосъ свой,
Съ надменностью пустился
Всѣхъ птицъ пересужать
И мнимымъ знатокамъ въ сужденьяхъ подражать.
По мнѣнью новаго зоила,
Для опытныхъ судей,
Весны любимецъ соловей,
Пѣлъ слишкомъ громко: вѣдь не сила,
А нѣжность въ музыкѣ плѣняетъ болѣ слухъ;
Малиновка, надежный другъ
Соловушки-Орфея,
Пріятнымъ голоскомъ владѣя,
Изъ тона въ тонъ переходить,
Къ несчастью, не умѣла,
А пѣночка уныло, томно пѣла.
О прочихъ не хотѣлъ знатокъ и говорить:
Они не стоили вниманья;
Щегленокъ, чижъ, въ пѣвцы попали невзначай,
И, словомъ, были всѣ предметомъ порицанья.
Лишь птички запоютъ—засвищетъ попугай.
Пѣвцы терпѣнье потеряли:
«За что ты насъ бранишь»?—они ему сказали:
«Мы видимъ, что тебѣ не можемъ угодить,
«А пѣсенокъ твоихъ еще мы не слыхали:
«Изволь насъ поучить.
«Запой и удиви гармоніей своею!
«Что прибыли свистать?»—
Зоилъ, повѣся носъ, имъ принужденъ сказать:
«Свищу я хорошо, а пѣть я не умѣю».
1817.

Труды Общества любителей росс. словесности 1818 г., ч. X. Флоріанъ: «Le perroquet».

XXXIV.

ЛЮДМИЛА и УСЛАДЪ.

СКАЗКА.

Посвящена К. Н. Батюшкову.

Аполлономъ вдохновенный,
Другъ любезный и поэтъ,
Ты, прощаясь, далъ совѣтъ,
Чтобъ, на скуку осужденный,
Коротилъ я длинный часъ,
И свободными стихами
Я бесѣдовалъ съ друзьями.
Но, ахъ, милые, безъ васъ
Какъ стихами заниматься?
Какъ веселымъ мнѣ казаться?
Такъ и быть. Вотъ мой разсказъ.
Солнце за лѣсъ заходило;
Съ черноокою Людмилой
Витязь ѣхалъ на конѣ
Въ полудневной сторонѣ,
Гдѣ Днѣпръ быстрый протекаетъ

И волнами омываетъ
Древній, славный Кіевъ градъ.
Имя витязю Усладъ.
Онъ красавицу рукою
Къ бѣлой груди прижималъ,
И конемъ своимъ другою
Храбрый витязь управлялъ.
Впереди служитель вѣрный,
Другъ Услада неизмѣнный,
Добрый песъ его бѣжалъ.
Вотъ и зàмокъ съ теремами,
Гдѣ подъ часъ Усладъ съ друзьями
Веселился, пировалъ,
Показался за долами. —
«Скоро, скоро», онъ сказалъ
Юной спутницѣ, прекрасной,
«Твой любовникъ нѣжный, страстный
«Въ свой чертогъ тебя введетъ:
«Счасть непрочное насъ ждетъ!» —
Что же? Въ броню облеченный,
Страшный ростомъ, Печенѣгъ
Вдругъ явился. — «Дерзновенный!
«Тщетенъ съ милою побѣгъ!»
Съ гнѣвомъ онъ кричитъ Усладу:
«Ты красавицу отдай!
«Иль найдешь путь скорый къ аду;
« Что ты хочешь? Выбирай!» —
— «Не страшусь твоей я силы»,
Храбрый витязь говоритъ:
«Взоръ прекрасныя Людмилы
«Мнѣ въ сраженьи будетъ щитъ».
И съ коня Усладъ слѣзаетъ
Въ гнѣвѣ яростномъ долой;
За любовь и честь вступаетъ
Съ Печенѣгомъ въ бой ручной.
Крикъ въ дубравѣ раздается
Нашихъ двухъ богатырей;
Кровь изъ нихъ ручьями льется;
Но борьбѣ Людмила сей
Не дивится, ожидаетъ
Скоро-ль будетъ ей конецъ.
Конь дрожитъ, песъ страшно лаетъ.
«Полно! полно!» восклицаетъ
Неожиданный пришлецъ.
«Силой равны мы съ тобою!
«Ночь ужъ кроетъ темнотою
«Лѣсъ густой и злачный долъ;
«Пусть Людмила выбираетъ
«Съ кѣмъ идти она желаетъ,
«Ей дадимъ на произволъ!» —
И, подавъ Людмила руку
Печенѣгу, въ тотъ же часъ
Удаляется отъ глазъ!
Опишу-ль Услада муку?
Окровавленну главу,
Изумясь, онъ преклоняетъ;
Что съ нимъ сдѣлалось? не знаетъ,
Иль во снѣ, иль на яву!
Смотритъ вдаль — и похититель
Возвращается назадъ. —
«Песъ, твой вѣрный охранитель,
«Нуженъ намъ, о другъ Усладъ!
«Черноокая Людмила
«Взять его мнѣ поручила». —
— «За тобой идти во слѣдъ
«Если песъ мой пожелаетъ» —
Съ вздохомъ тяжкимъ отвѣчаетъ
Храбрый витязь — «спору нѣтъ!
«Я отдать его согласенъ!»
Обольститель пса зоветъ
И ласкаетъ: трудъ напрасенъ!
Лаетъ песъ и прочь нейдетъ:
Онъ къ ногамъ прилегъ Услада.
— «Въ горѣ вотъ моя отрада!»
Витязь громко закричалъ;
«Кто любовь мнѣ доказалъ?
«Песъ, мой другъ нелицемѣрный!
«Я съ нимъ вѣчно буду жить.
«И красавицѣ невѣрной
«Онъ урокомъ долженъ быть».
Обожаемый сердцами,
Полъ прекрасный, не сердись!
Я невиненъ. Улыбнись!
Вѣдь не грѣхъ шутить стихами!
Лжецъ и сказочникъ, все то жъ
Знаютъ всѣ, что сказка ложь.

1818.

Труды Общества любителей росс. словесности 1819 г., ч. XIII.

XXXV.

КАБУДЪ-ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

СКАЗКА.

На берегахъ Эвфрата
Жилъ пахарь, именемъ Гассанъ,
Смиренный, добрый мусульманъ,
Который не имѣлъ ни серебра, ни злата;
Имѣлъ осла, любилъ его какъ брата;
Лелѣялъ, чистилъ и кормилъ,
И качества его онъ всѣмъ превозносилъ.
На утренней зарѣ и солнца на закатѣ
На немъ нашъ пахарь разъѣзжалъ
И повода изъ рукъ, задумавшись, бросалъ,
Увѣренъ будучи въ своемъ ослѣ и братѣ,
Что вѣрно привезетъ Гассана онъ домой.
И подлинно — признаться должно,
Оселъ былъ умница прямой,
Красавецъ; выступалъ онъ гордо, осторожно;
Ушами длинными пріятно шевелилъ
И взоромъ ласковымъ Гассана веселилъ.
Но, впрочемъ, красота наружная плѣняетъ,
А счастья никому она не доставляетъ.
Умъ надобенъ; оселъ съ разсудкомъ точно былъ;
Подъ ношею своей не спотыкался,
По сторонамъ не озирался
И по утесамъ онъ чиннехонько ходилъ,
Какъ ходятъ богачи по гладкому паркету.
Извѣстный Сади говоритъ,
Что истинный разсудокъ состоитъ
Единственно лишь въ томъ, чтобъ, слѣдуя совѣту
Великихъ мудрецовъ, подъ ношей не кряхтѣть,
Умѣть ее носить — и, въ случаѣ, терпѣть.
Однажды нашъ Гассанъ рысцою
Поѣхалъ на ослѣ въ ближайшій городокъ;
И вотъ съ нимъ встрѣтился сѣдой дервишъ съ клюкою.
Гассанъ ему поклонъ. «Здорово, мой дружокъ»,
Сказалъ дервишъ: «великій нашъ пророкъ
«Да низпошлетъ тебѣ свое благословенье!
«Какой же у тебя прекраснѣйшій оселъ!»
— «Честный отецъ, онъ мнѣ товарищъ, утѣшенье,
«И красоту свою понятьемъ превзошелъ;
«Послушенъ, добръ, дорогу всюду знаетъ;
«Я брошу повода... а онъ идетъ, идетъ
«Все далѣе впередъ.

«Не я его, меня дружище сберегаетъ.
«За десять тумановъ осла я не продамъ». —
«Я сотню дамъ»
— Святоша возразилъ — «и съ радостью большою».
Гассанъ любилъ осла и сердцемъ, и душою;
Но столько денегъ получить,
Разбогатѣть!... Что дѣлать? Такъ и быть!
Хотѣлъ махнуть рукою —
Какъ вдругъ дервишъ вскричалъ:
«Напрасно продавать осла я убѣждалъ;
«Онъ долженъ быть тебѣ любезенъ;
«Жалѣешь ты о немъ: я вижу по глазамъ;
«Послушай, другъ! Обоимъ вамъ
«Я быть могу полезенъ.
«Умѣетъ ли, скажи, оселъ твой говорить?»
— «Нѣтъ, кажется, ни слова».
«Читать, писать, судить
«О мірѣ, что въ немъ есть и добраго, и злова?»
— «Не думаю». — «Онъ, можетъ быть,
«Къ иному приложилъ охоту, попеченье —
«И вѣрно географъ, историкъ, философъ?»...
Нашъ пахарь въ изумленьи,
— «Святый пророкъ!» сказалъ: «не только всѣхъ ословъ,
«Тогда бы и меня онъ превзошелъ въ ученьи!
«Оселъ и философъ!» — «Диковинки въ томъ нѣтъ!
«Такія-ль чудеса случались подъ луною?
«Обманъ не сроденъ мнѣ; я дамъ тебѣ совѣтъ:
«Возьми мой кошелекъ, иль отпусти со мною
«Ты въ Мекку друга своего;
«На время можно разлучиться,
«И путешествіе полезно для него.
«Въ отчизну онъ свою ученымъ возвратится:
«Онъ будетъ говорить на многихъ языкахъ,
«Читать и Алкоранъ, и воспѣвать въ стихахъ
«Движеніе міровъ и красоту природы;
«Узнаетъ, какъ живутъ всѣ прочіе народы;
«Годъ протечетъ... Оселъ увидится съ тобой!
«Я смѣло увѣряю,
«Что будешь скоро ты съ несмѣтною казной.
«Рѣшись: сто тумановъ, иль въ Мекку?»
— «Отпускаю!»
Воскликнулъ нашъ Гассанъ: — «ударимъ по рукамъ!
«Вотъ мой оселъ! По пустякамъ
«Златого времени я тратить не желаю.

«Какая слава мнѣ, какая будетъ честь,
«Когда на мудреца верхомъ изволю сѣсть;
«Когда меня, смиреннаго Гассана,
«Подниметъ на хребетъ учитель Алкорана!
«Счастливый путь, отецъ святой!...»
И дѣло сдѣлано. — Съ осла Гассанъ слѣзаетъ,
Цѣлуетъ съ нѣжностью, съ слезами провожаетъ:
— «Прости, Кабудъ, мой другъ! Прости, пророкъ съ тобой!
«Для счастья твоего, красавецъ дорогой,
«Идешь ты странствовать по свѣту;
«Послушенъ будь; молись почаще Магомету,
«И возвратись скорѣй философомъ домой!»
На добраго осла вскарабкался святоша,
Поѣхалъ; вслѣдъ кричитъ нашъ пахарь: «Черезъ годъ,
«Смотри я жду тебя!» — А самъ... пѣшкомъ идетъ,
И спину бѣднаго согнула крюкомъ ноша.
Доплелся кое-какъ
Въ деревню нашъ бѣднякъ
И говоритъ: «Оселъ поѣхалъ мой учиться;
«Великимъ мудрецомъ, конечно, возвратится,
«И ровно черезъ годъ мы будемъ вмѣстѣ жить.
«Увидите друзья! — Теперь ни слова болѣ!
«Пусть странствуетъ Кабудъ по волѣ,
«Хотя и тяжело подчасъ пѣшкомъ ходить!..»
Горюетъ нашъ Гассанъ, а дни текутъ за днями.
Дервишъ съ товарищемъ объѣхалъ много странъ:
Всю Анатолію, обильную плодами,
Обширный Діарбекъ, торгующій слонами
И надѣляющій шелками Персіянъ.
Проходятъ и Алепъ, богатый жемчугами,
Касарію, Моссулъ, Эдессу и Гарамъ,
Гдѣ, по преданіямъ, родился Авраамъ.
«Вотъ здѣсь» — нашъ богомолъ почтенный
Кабуду говорилъ —
«Несчастныхъ Персіянъ Филипповъ сынъ разбилъ;
«А тамъ, царемъ Понтійскимъ раздраженный,
«Іулій, славой озаренный,
«Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ!»
Кабудъ не отвѣчалъ ни слова,
Но отъ вниманія большова
Ушами хлопалъ и зѣвалъ.
А между тѣмъ его святоша погонялъ...
Вотъ наши странники пристали къ каравану,
Который съ грузомъ въ Мекку шелъ.

Описывать не стану,
Какое множество нашелъ
Кабудъ тутъ мудрецовъ, врачей и астрологовъ,
Историковъ и филологовъ,
Художниковъ и риѳмачей
И разныхъ языковъ искусныхъ толмачей.
Какой же случай для ученья!..
Одинъ читалъ свои о мірѣ разсужденья;
Другой отыскивалъ источникъ всѣмъ словамъ,
И, будучи башкиръ, рѣчь длинную готовилъ,
Въ которой увѣрялъ, что праотецъ Адамъ
Башкирскимъ языкомъ бесѣдовать изволилъ
Съ прекрасной Эввою своей.
На правой сторонѣ брюхастый стиходѣй
Достойнѣйшихъ писателей злословилъ
И пасквили писалъ на сочиненья ихъ,
А помнилъ самъ въ душѣ одинъ извѣстный стихъ,
Которымъ онъ воспѣтъ въ поэмѣ былъ шутливой.
Въ сосѣдствѣ отъ него, подъ зонтикомъ, лежалъ
Истолкователь сновъ, надутый, горделивой;
Въ рукахъ сонникъ онъ съ важностью держалъ
И въ будущемъ читалъ,
А настоящаго и знать не добивался.
Кабудъ все слушалъ, примѣчалъ
И, молча, просвѣщался.
Приближился къ концу несчастный, скучный годъ;
Гассанъ Кабуда ждетъ, да ждетъ,
И въ горести глубокой
Онъ, сидя вечеромъ у хижины своей,
Вздыхая говоритъ: «Скажи, дервишъ жестокой,
«Что прибыли въ умѣ и святости твоей?
«Кабуда ты меня лишаешь;
«Работаю вседневно я одинъ,
«А ты на немъ, какъ знатный господинъ,
«Покойно разъѣзжаешь.
«Какъ прежде весело я жилъ!
«Въ трудахъ моихъ оселъ помощникъ вѣрный былъ.
«Я въ одиночествѣ изнемогаю нынѣ,
«И будетъ ли конецъ
«Гассановой кручинѣ?»
Сказалъ... и что-жъ? Честной отецъ
Тащится на ослѣ въ долинѣ. —
«Вотъ онъ, вотъ онъ!» Гассанъ въ восторгѣ закричалъ.
Дервишъ къ избушкѣ подъѣзжаетъ.

«Гдѣ милый мой Кабудъ?» нашъ пахарь вопрошаетъ.
— «Неужель своего ты друга не узналъ?
«Вотъ онъ!» — «О, Магометъ! Товарищъ мой хромаетъ
«И спотыкается!» — «Не спорю, но душой
«Онъ не споткнется вѣчно».—
«Да гдѣ же глазъ другой?
«Онъ кривъ, уродъ.» — «Конечно!
«Но развѣ мудрецомъ не можетъ быть кривой?
«И въ книгѣ сказано пророкомъ:
«Однимъ, но прозорливымъ окомъ,
«Намъ должно проницать въ сердца». —
«Какой онъ прежде былъ дородный, величавой,
«А нынѣ вижу въ немъ срамца».
— «Дородность ничего не значитъ передъ славой,
«Передъ ученьемъ мудреца». —
«Итакъ, Кабудъ ученъ?» — «Онъ—философъ великій
«И знаетъ хорошо восточные языки,
«Не запинаясь, говоритъ;
«И вѣрь, что здѣсь онъ всѣхъ въ селеньи удивитъ.
«Прости! Мнѣ недосугъ, и квиты мы съ тобою»!—
«Прости, святый отецъ»!
«А ты, Кабудъ, любезнѣйшій мудрецъ,
«На мѣсто прежнее прошу идти за мною!»
Уже далеко нашъ дервишъ.
Гассанъ товарища ласкаетъ,
И съ умиленьемъ вопрошаетъ:
«Что ты, мой другъ, не говоришь?
«Усталъ, конечно, отъ дороги;
«Поди и отдохни; твои трясутся ноги,
«А у меня все есть: солома и овесъ.
«Я вижу, что труда ты много перенесъ;
«Ты завтра все разскажешь
«И философію, и разумъ свой докажешь.
«Спи, мой сердечный, будь здоровъ!»
Проходитъ ночь. Гассанъ сосѣдямъ объявляетъ,
Что у него въ хлѣвѣ ученый философъ,
Хоть родомъ изъ ословъ,
И всѣхъ на смотръ сзываетъ.
Толпою жители бѣгутъ.
Гассанъ кричитъ: «Вотъ мой Кабудъ!
«Онъ говоритъ стихами по башкирски
«И прозою по сирски.
«Ученья своего не будетъ онъ таить;
«Прошу пожаловать и съ нимъ поговорить.»

Старикъ, съ плѣшивой головою,
И длинною до чреслъ висящей бородою,
Выходитъ изъ толпы и, низко поклонясь,
Къ ученому ослу съ учтивостью взываетъ:
«Имѣетъ ли земля съ небесной твердью связь,
«И для чего луна рогатая бываетъ?
«Надѣюсь» — говоритъ — «ты не вмѣнишь въ вину,
«Мудрецъ четвероногой,
«Что школы сельскія учитель я убогой
«Испытывать хочу ученья глубину».
Кабудъ въ отвѣтъ ни слова:
И шайка остряковъ была уже готова
Надъ бѣднымъ пахаремъ шутить.
«Помедлите, друзья,» сказалъ Гассанъ смиренный:
«Молчанія виной стыдливость можетъ быть;
«Кабудъ философъ несравненный,
«Я смѣло увѣряю васъ.»
— «Постойте» — возгласилъ сапожникъ толстобрюхой,
Забавникъ, балагуръ, охотникъ до проказъ:
«Вы дайте волю мнѣ. Философъ вислоухой,
«Скажи скорѣй, который часъ»? —
Кабудъ зашевелилъ ушами,
Собранье осмотрѣлъ,
Расширилъ ноздри и, ногами
Затопавъ, онъ махнулъ хвостомъ и заревѣлъ.
— «Прекрасно говоритъ философъ новый съ нами,»
Сапожникъ съ смѣхомъ закричалъ.
Гассанъ, въ отчаяньи, дубину въ руки взялъ
И ею потчивалъ Кабуда.
«Напрасно бьешь осла» — сапожникъ продолжалъ —
«Скажи, сосѣдъ, откуда
«Такія въ голову нелѣпости ты взялъ,
«Что можетъ твой оселъ насъ удивить ученьемъ
«И говорить какъ философъ?
«Гдѣ видѣлъ ты ословъ
«Съ умомъ и просвѣщеньемъ?
«Дервишъ смѣялся надъ тобой;
«Ему пѣшкомъ идти казалось очень трудно,
«А ты, съ пустою головой,
«Святошу наградилъ Кабудомъ безразсудно.
«Живутъ здѣсь разнымъ ремесломъ,
«И этому, сосѣдъ, не долженъ ты дивиться;
«А кто поѣхалъ въ путь осломъ,
«Осломъ и возвратится».

Труды Общества любителей росс. словесности 1818 г., ч. X.

XXXVI.

ГНѢВЪ ЗЕВЕСА.

Разгнѣванный Зевесъ въ Идаліи прекрасной
Туманомъ небо обложилъ;
Сокрылось солнце,—и ужасной
Борей завылъ въ странѣ, гдѣ все животворилъ
Зефиръ дыханьемъ благодатнымъ.
Унынье царствуетъ въ дубравахъ, на холмахъ,
Увяли розы на кустахъ,
И воздухомъ луга не дышатъ ароматнымъ.
Вездѣ печаль и стонъ—и въ капищахъ своихъ,
Колѣна преклонивъ передъ творцомъ природы,
Всѣ молятъ жители, да отвратитъ отъ нихъ
Онъ бури и невзгоды!
Моленье чистое доходитъ до небесъ:
Умилосердился Зевесъ
И гнѣвъ на благость обращаетъ;
Онъ солнцу грѣть повелѣваетъ:
Все оживляется прекрасною весной.
Смиряться должно предъ судьбой!
Отецъ и Судія вселенной управляетъ:
Онъ наказуетъ и прощаетъ.
Давно ль Москва, краса градовъ,
Подъ игомъ бѣдствія стенала
И посреди ярящихся враговъ
Въ развалинахъ пылала?
Туманы пронеслись, гордыни сломленъ рогъ!
Изъ пепла своего Москва возстала краше.
О Ты, который все трудами превозмогъ,
Сіяй надъ нами, Солнце наше!
1817.

Труды Общества любителей росс. словесности 1818 г., ч. X.

XXXVII.

СТАРАЯ ЯБЛОНЬ и САДОВНИКЪ.

Стояла Яблоня въ саду
И на свою, несчастная, бѣду
Она отъ старости плодовъ не приносила.
Сатурнова рука чего не истребила?
Хозяинъ Яблони хотѣлъ ее срубить,
Занесъ топоръ.—«Постой», бѣдняжка умоляла:
«За что меня губить?
«И такъ мнѣ суждено на свѣтѣ мало жить!
«Ты вспомни, я твой вкусъ нерѣдко услаждала,
«И ты хвалился мной!»—

«Я съ горемъ разстаюсь съ тобой»,
Садовникъ говорилъ, «и за твои услуги
«Благодарить тебя готовъ;
«Но времена теперь, признаться, стали туги,
«А для теплицъ моихъ мнѣ нужно много дровъ».
Сказалъ и въ дерево ударилъ.
Пернатые пѣвцы, качаясь на сучкахъ,
Просили, чтобъ его въ покоѣ онъ оставилъ:
«Будь жалостливъ», они въ слезахъ
Жестокому твердили:
«Подъ тѣнью Яблони мы здѣсь привыкли жить
«И пѣснями тебя согласны веселить;
«Избавь, избавь ее отъ гибели ужасной!»
Все тщетно: злыхъ людей молить есть трудъ напрасной!
Садовникъ птичекъ разогналъ,
Махнулъ еще въ дупло—сосѣдній сукъ упалъ,
И куча пчелъ явилась.
«Глупецъ», жужжатъ онѣ: «рука твоя стремилась
«На гибель нашу и свою;
«Насъ много, всю твою семью
«Мы потчивать готовы;
«Къ тому жъ прекрасный медъ ты можешь продавать
«И деньги доставать;
«На милость обрати поступокъ твой суровый
«И Яблони позволь пожить!»
—«Что дѣлать, такъ и быть;
«Я васъ послушаюсь», садовникъ отвѣчаетъ:
«Душой я, право, добръ. Пусть Яблоня живетъ
«И въ старости своей судьбу благословляетъ.
«Когда жъ подъ тѣнь ея жена моя придетъ,
«Подсяду къ ней съ дѣтьми, и всѣмъ намъ будетъ любо.
«Напрасно поступалъ я грубо,
«Впередъ не буду я таковъ;
«Для васъ же, добрыхъ пчелъ, усѣю я цвѣтами
«Весь мой зеленый садъ. Увидите вы сами!»
На что тутъ много словъ?
Съ Садовникомъ и мы признаемся сердечно:
Гдѣ только прибыль есть, мы благодарны вѣчно.

Труды Общества любителей росс. словесности 1819 г., ч. XIV.
Флоріанъ: «Le vieux arbre et le jardinier».

XXXVIII.

ПРОХОЖІЙ и РѢКА.

«Хочу исправиться и нравъ перемѣнить»—
Одинъ пріятель мой мнѣ вздумалъ говорить:

«Хочу души своей я прекратить мученье
«И перестать измѣнницу любить.
«Я карточной игрой разстроивалъ имѣнье,
«Но съ страстью гибельной прощаюсь навсегда!
«Мнѣ свѣтъ оставить не бѣда.
«Въ деревнѣ поселюсь я даже и зимою;
«Друзья пустынника пріѣдутъ посѣщать;
«Науками свой умъ я буду просвѣщать,
«И ты доволенъ будешь мною!»—
— «Я слышалъ много разъ», ему я отвѣчалъ,
«Что ты обычай свой перемѣнить желаешь,
«Но что-жъ не начинаешь?»—
«Черезъ недѣлю», онъ сказалъ,
«Черезъ недѣлю я всѣ связи разрываю:
«Приличности я сохраняю;
«Придраться должно мнѣ къ красавицѣ моей;
«Но невзначай пріѣхать къ ней
«И объявить, что я ея слуга покорный—
«Такой поступокъ вздорный
«Меня предъ всѣми очернитъ».—
Такъ говорилъ мой другъ дорогою со мною.
Подходимъ мы къ рѣкѣ—на берегу сидитъ
Прохожій съ ношей и съ сумою.
«Что ты тутъ дѣлаешь?» спросилъ я бѣдняка,
Въ глазахъ котораго я видѣлъ нетерпѣнье.
«Мнѣ нужда есть пройти въ ближайшее селенье»,
Вздохнувъ, онъ отвѣчалъ: «досада велика!
«Здѣсь нѣтъ мостовъ! Авось либо рѣка,
«Ко счастью, прекратитъ теченье:
«Я этого и жду, чтобъ очутиться тамъ».
Мой другъ, вотъ образъ твой! И ты по пустякамъ
Намѣренье благое отлагаешь;
Рѣка все будетъ течь, и если ты желаешь
На берегу другомъ пожить,
Совѣтъ мой: броситься и плыть.

Труды Общества любителей росс. словесности 1819 г., ч. XV. Флоріанъ: «Le paysan et la rivière».

XXXIX.

КУЗНЕЧИКЪ.

Кузнечикъ, въ муравѣ густой
Скрываясь, мотылькомъ прельщался,
Который съ одного цвѣточка на другой
Порхалъ, рѣзвился, любовался

И майскимъ утромъ, и собой.
Лазурь и золото блистали
На крыльяхъ мотылька и взоры привлекали.
«Какъ не завидовать судьбинѣ мнѣ его?»
Кузнечикъ разсуждалъ: «природа для него
«Даровъ своихъ не пощадила;
«Счастливца красотой, проворствомъ наградила,
«А я забытъ—и ничего
«Въ удѣлъ отъ мачихи-природы не имѣю.
«Кому извѣстенъ я? Собою не красивъ;
«Прельщать и нравиться ничѣмъ я не умѣю!
«Ахъ, жить на что тому, кто въ жизни несчастливъ?»
Межъ тѣмъ какъ, тяжко воздыхая,
Кузнечикъ горевалъ объ участи своей,
Толпа веселая дѣтей,
На лугъ зеленый прибѣгая,
Пустилась въ слѣдъ за мотылькомъ.
На воздухъ и платки, и шляпы полетѣли!
Мальчишки рѣзвые красавцемъ овладѣли,
И онъ пойманъ подъ платкомъ.
Одинъ ему крыло, другой теребитъ ногу,
А третій и совсѣмъ бѣдняжку раздавилъ.
«Какую видѣлъ я тревогу!»
Кузнечикъ, притаясь, себѣ проговорилъ:
«Я, право, мотыльку завидовалъ напрасно
«И вижу, что блистать на свѣтѣ семъ опасно!»
Всего полезнѣе, чтобъ счастливо прожить,
Скрывать свой уголокъ и неизвѣстнымъ быть.

Труды Общества любителей росс. словесности 1820 г., ч. XVIII. Флоріанъ: «Le grillon».

XL.

САПОЖНИКЪ и ЕГО СВАТЪ.

Желая возвратить сонъ сладкій и покой,
Сапожникъ богачу отнесъ мѣшокъ съ рублями
(Извѣстный Лафонтенъ намъ въ басенкѣ одной
О немъ разсказывалъ прекрасными стихами),
Отнесъ — и съ радостнымъ онъ сердцемъ шелъ домой.
Встрѣчаетъ у воротъ сватъ Климъ его съ слезами.
«Товарищъ», говоритъ, «я съ просьбою къ тебѣ
«Пришелъ; не откажи и будь мнѣ благодѣтель!
«Я бѣденъ, Богъ тому свидѣтель!
«А бѣднаго теперь судьбѣ
«Угодно хлопоты умножить:
«Хозяйка родила сегодня двухъ дѣтей;

«Нѣтъ гроша въ хижинѣ моей,
«И нужда крайняя велитъ тебя тревожить.
«Я слышалъ, что въ твоемъ дому
«Шкатулка съ деньгами хранится:
«Ты счастливъ истинно, что могъ обогатиться!»
— «Нѣтъ, другъ, поздравь меня» — отвѣтствуетъ ему
Сапожникъ-весельчакъ: «богатство улетѣло:
«Я отдалъ все пазадъ;
«Веселость денегъ мнѣ дороже во сто кратъ,
«И не мое корпѣть надъ сундуками дѣло.
«Вотъ два рублевика; они мои — я радъ
«Помочь товарищу и другу;
«Вчера я былъ богатъ
«И, можетъ быть, не такъ согласенъ на услугу!»
При деньгахъ мы на все сказать готовы нѣтъ,
И сердцу доброму избытокъ часто вредъ.
1821.

Труды Общества любителей росс. словесности 1822 г., ч. I.

XLI.

ЧИЖЪ.

Чижъ вылетѣлъ изъ клѣтки
И сѣлъ въ саду на верхъ бесѣдки;
Свободой веселясь, онъ пѣсенку запѣлъ.
Ванюша горевалъ и издали смотрѣлъ
На пестраго чижа. — «Что сдѣлалъ ты со мною?»
Онъ птичкѣ говорилъ:
«И чѣмъ я виноватъ, скажи, передъ тобою?
«Бывало, я тебя изъ рукъ моихъ кормилъ,
«Водицею поилъ
«И сдѣлалъ для тебя палаты золотыя.
«О, милый чижъ, оставь намѣренья дурныя
«И возвратись ко мнѣ скорѣй!» —
«Пустое!» чижъ сказалъ: «и въ дружбѣ мнѣ твоей
«Нѣтъ пользы никакой; зеленый садъ, бесѣдка
«Любезнѣе тебя; твои палаты — клѣтка».
1821.

Изд. 1822 г.

XLII.

ДВѢ СТАРЫЯ КОШКИ.

Двѣ Кошки старыя смиренно разсуждали
О прежнихъ радостяхъ своихъ,
Какъ встарину онѣ живали,
Какъ всѣ любили ихъ! —
«Настали времена, обычаи дурные»,

Одна вполголоса твердила такъ другой:
«Въ котахъ учтивости не видно никакой,
«Всѣ стали сорванцы прямые.
«Повѣришь-ли? сижу по суткамъ я одна;
«Никто не примѣчаетъ,
«Никто не приласкаетъ,
«Какъ будто я чумой заражена». —
«Ахъ, какъ, сестрица, ты мурлычишь справедливо!»
Сѣдая кошка ей въ отвѣтъ:
«Совсѣмъ перемѣнился свѣтъ!
«Учтивость, постоянство — диво!
«Бывало, я взгляну, и нѣсколько котовъ
«Вертятся вкругъ меня, прыжками забавляютъ;
«Клянусь, что всякій былъ мнѣ угождать готовъ,
«А нынче всѣ пересмѣхаютъ.
«Неблагодарные, какъ я любила ихъ!
«Они измѣной заплатили;
«Забудемъ мы съ тобой обманщиковъ такихъ,
«Забудемъ, какъ они забыли!» —
«Голобушки мои», прервалъ усастый котъ:
«Все чередомъ своимъ идетъ;
«Вы были молоды, и васъ тогда любили!
«Взгляните на себя: вы сѣды, безъ зубовъ;
«Какой-же ожидать вамъ ласки отъ котовъ?»

1821.

Изд. 1822 г. Aubert: «Les deux vieilles chattes».

XLIII.

БѢДНЯКЪ и СТАРЫЙ СОЛДАТЪ.

Въ ненастный, бурный день несчастный шелъ путемъ,
Безъ обуви и утомленный гладомъ:
«О жизнь», онъ говорилъ, «ты кажешься мнѣ адомъ!
«Ахъ, долго-ли носить я буду твой яремъ!
«Не лучше ль умереть, чѣмъ всякій день томиться?
«Когда то горе прекратится?» —
Навстрѣчу вдругъ уродъ,
Страшилище ползетъ дорогой,
Въ лохмотьяхъ и усахъ, Беллоны сынъ безногой,
Войны ужасный плодъ.
Кричитъ солдатъ: «Что злѣй моей судьбины?
«Я слышу, ропщешь ты, и, право, безъ причины:
«Благодари боговъ!
«Со временемъ легко ты будешь съ сапогами;

«Ты бѣденъ, но здоровъ,
«А мнѣ, мой другъ, вѣкъ не бывать съ ногами!»
1821.
Изд. 1822 г.

XLIV.

ДОГАДЛИВАЯ ЖЕНА.

СКАЗКА.

Мужъ умирающій такъ говорилъ женѣ:
«Скажи чистосердечно мнѣ:
«Вотъ слишкомъ десять лѣтъ, какъ я живу съ тобою,
«Была-ль ты мнѣ вѣрна? Я отъ тебя не скрою:
«Казалось мнѣ, сосѣдъ Ѳома
«Любилъ тебя, дружечекъ, безъ ума.
«Скажи всю истину; чего тебѣ бояться?
«Я черезъ часъ умру, въ просакъ не попадешь!»—
— «Нѣтъ, муженекъ, не смѣю я признаться:
«Ну, какъ обманешь — не умрешь!»
1821.
Изд. 1822 г.

XLV.

КРАСАВИЦА ВЪ ШЕСТЬДЕСЯТЪ ЛѢТЪ.

СКАЗКА.

Шестидесяти лѣтъ Пульхерія старушка,
Которая въ свой вѣкъ была
Кокетка и вострушка,
Мечтала, что еще плѣнять она могла,
И что амуры вкругъ прелестницы рѣзвились;
Но, въ зеркалѣ себя увидѣвъ невзначай,
Сказала, прослезясь: «Веселіе, прощай!
«Какъ зеркалà перемѣнились!»
1821.
Изд. 1822 г.

XLVI.

ВОЛКЪ и ЕГО ТОВАРИЩЪ.

Въ ночь темную, овецъ губитель,
Волкъ хищный, пастуховъ и стадъ ихъ разоритель,
Къ злодѣйству, къ алчности всегда имѣя страсть,
Добычу доставать пустился,
И, наконецъ, бѣды ужаснѣйшей добился:
Въ колодезь удалось проказнику упасть —
И что же? Прямо головою!
Онъ плаваетъ въ водѣ и борется съ судьбою;
Все тщетно: силъ не достаетъ —
Не можетъ вылезть вонъ и смерти ожидаетъ.

Но утро наступаетъ.
Услышавъ страшный вой, къ колодезю идетъ
Волкъ сѣрый, другъ его, товарищъ неизмѣнный;
И погибающій, надеждой ободренный,
Кричитъ: «На помощь, братъ, ко мнѣ, ко мнѣ скорѣй!
«Освободи меня отъ гибели ужасной!»
— «Ахъ, это ты, несчастной!»
Товарищъ говоритъ: «конечно, врагъ звѣрей,
«Пастухъ тебя сюда отправилъ;
«Я мститель твой: повѣрь, достанется ему!
«У многихъ пастуховъ я спѣси поубавилъ
«И не спускаю никому!» —
— «Любезный, не хочу я мщенья;
«Въ покоѣ ихъ оставь;
«Дай лапу и меня отъ лютаго мученья
«И смерти горестной избавь!
«Слуга тебѣ я буду вѣчный!» —
— «Мнѣ недосужно, другъ сердечный!
«Прислалъ за мною левъ, и я къ нему спѣшу;
«Ты подожди меня; товарища прошу
«Быть твердымъ въ случаѣ опасномъ:
«Что прибыли, скажи, въ роптаніи напрасномъ?
«А если умереть тебѣ и суждено —
«Сегодня ль, завтра, все равно;
«Мы всѣ умремъ. Чего бояться?
«Глупцы лишь не хотятъ съ сей жизнью разставаться.
«Философъ будь, прости!» — И въ тотъ же часъ
Нашъ моралистъ исчезъ изъ глазъ.
Бѣдняжка волкъ, такимъ поступкомъ изумленный,
Собравъ всѣ силы, закричалъ:
«Умремъ съ покорностью смиренной!
«Я, наконецъ, на опытѣ узналъ,
«Что выгоды свои всѣ исполнять умѣютъ;
«Несчастные жъ друзей въ семъ мірѣ не имѣютъ».

Труды Общества любителей росс. словесности 1822 г., ч. II.

XLVII.

ЩЕГЛЕНОКЪ и ВОРОБЕЙ.

На берегу рѣки, въ прекраснѣйшей бесѣдкѣ,
Сидѣлъ Щегленокъ въ клѣткѣ,
И цѣлый день онъ пѣсни пѣлъ.
Въ бесѣдку Воробей нечаянно взлетѣлъ
И узнику дивится,
Что можетъ взаперти онъ пѣть и веселиться.

— «Что дѣлать, мой дружокъ»,
Бѣдняжка нашъ сказалъ, вздыхая:
«Хозяйкѣ нравится мой нѣжный голосокъ;
«Я для нея пою и, скуку прогоняя,
«По крайней мѣрѣ, сытъ
«Въ моей несчастной долѣ!» —
«Ты жалокъ», воробей щегленку говоритъ:
«Не пой, и скоро въ поле
«За мною полетишь:
«Отъ пѣсенокъ твоихъ и въ клѣткѣ ты сидишь».
Глупцамъ вездѣ просторъ. Они досадъ не знаютъ;
Таланты не всегда намъ счастье доставляютъ.

Труды Общества любителей росс. словесности 1822 г., ч. II.

XLVIII.

МАЛИНОВКА.

Малиновка моя изъ клѣтки улетѣла.
Неблагодарная, какъ я ее любилъ,
Лелѣялъ и кормилъ!
Она цѣнить моихъ стараній не умѣла.
Бывало, поутру, я слушаю ее
И пѣньемъ восхищаюсь;
А нынѣ съ ужасомъ, несчастный, просыпаюсь:
Она взяла съ собой веселіе мое.
Что вижу я? Въ саду, съ кусточка на кустокъ,
Измѣнница летаетъ;
Подкрадусь къ ней — надежды лучъ блистаетъ:
— «Малиновка, сердечный мой дружокъ,
«Я здѣсь, зову тебя. Ахъ, сжалься надо мною
«И въ прежнее жилище возвратись!
«Опасной воли берегись:
«Она подчасъ бываетъ намъ бѣдою.
«Съ какою радостью тебѣ я дамъ покровъ,
«И въ клѣткѣ золотой не будешь ты бояться
«Ни бури, ни дождя, ни хищныхъ ястребовъ,
«А только — пѣть и забавляться».
Невѣрная, моихъ не слышитъ словъ,
Летитъ и, веселясь судьбою,
Щебечетъ, слышу я: «Быть можетъ, что съ тобою
«Я снова-бъ согласилась жить,
«Но поступаешь ты совсѣмъ неосторожно:
«О клѣткѣ было мнѣ, я признаюсь, не должно
«Такъ скоро говорить».

1823.

Труды Общества любителей росс. словесности 1824 г., ч. IV.

XLIX.

СОНЪ ЛЮДМИЛА.

СКАЗКА.

Зима суровая настала;
Я шла домой; погода бушевала,
И хижину, гдѣ жилъ Людмилъ,
Съ трудомъ взоръ мрачный находилъ.
И долъ, и лѣсъ покрылись пеленою;
Мой съ лаемъ стражъ бѣжалъ передо мною,
Вѣтеръ бурный рощамъ говорилъ:
«Гдѣ твой Людмилъ? гдѣ твой Людмилъ?»
Изъ облаковъ луна сверкала;
Я съ страхомъ на нее взирала;
Мнѣ слабый лучъ ея твердилъ:
«Какъ я, погаснетъ твой Людмилъ!»
Я, грустью, бурей утомленна,
Въ сонъ крѣпкій пала погруженна.
Пустынный колоколъ завылъ!
Проснулась я.... но спалъ Людмилъ.
Сестра его въ слезахъ стояла;
Ея рука въ моей дрожала.
«Онъ счастливъ! — (кто-то мнѣ шепнулъ) —
«Сномъ вѣчнымъ твой Людмилъ заснулъ».

Новости литературы 1823 г., кн. VI.

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

КЪ КАМИНУ.

«Honni soit qui mal y pense!»

Любезный мой Каминъ, товарищъ дорогой,
Какъ счастливъ, веселъ я, сидя передъ тобой!
Я міра суету и гордость забываю,
Когда, мой милый другъ, съ тобою разсуждаю;
Что въ сердцѣ я храню, я знаю то одинъ;
Мнѣ нужды нѣтъ, что я не знатный господинъ;
Мнѣ нужды нѣтъ, что я на балахъ не бываю,
И говорить бон-мо на счетъ другихъ незнаю;
Бомонда правила не чту я за законъ,
И лишь по имени извѣстенъ мнѣ бостонъ.
Обѣдовъ не ищу, не знаемъ я, но воленъ;
О, милый мой каминъ, какъ я живу доволенъ!

Читаю ли я что, иль грѣюсь, иль пишу,
Свободой, тишиной, спокойствіемъ дышу.
Пусть Глупомотовъ всѣмъ имѣнье расточаетъ
И рослыхъ дураковъ въ гусары наряжаетъ;
Какая нужда мнѣ, что онъ развратный мотъ!
Безмозгловъ пусть спесивъ. Но что онъ? Глупый скотъ,
Который, свой языкъ природный презирая,
Въ атласныхъ шлафрокахъ блаженство почитая,
Какъ кукла рядится, любуется собой,
Мня въ плѣнъ ловить сердца французской головой.
Онъ, бюстовъ накупивъ и чайныхъ два сервиза,
Желаетъ роль играть парижскаго маркиза;
А господинъ маркизъ, того коль не забылъ,
Шесть мѣсяцевъ назадъ здѣсь вахмистромъ служилъ.
Пусть онъ дурачится! Нѣтъ нужды въ томъ ни мало:
Здѣсь много дураковъ и будетъ, и бывало.
Прыгушкинъ, напримѣръ, все счастье ставитъ въ томъ,
Что онъ въ большихъ домахъ вдругъ сдѣлался знакомъ,
Что прыгать л'екосезъ, въ бостонъ онъ знаетъ,
Что Адріанъ его по модѣ убираетъ,
Что фраки на него шьетъ славный здѣсь Луи,
И что съ графинями проводитъ дни свои,
Что всѣ онѣ его кузеномъ называютъ,
И знатные къ нему съ визитомъ пріѣзжаютъ.
Но что я говорю? Одинъ ли онъ таковъ?
Бѣднѣй его сто разъ сосѣдъ мой Пустяковъ,
Другимъ дурачествомъ Прыгушкину подобенъ;
Онъ вздумалъ, что посломъ онъ точно быть способенъ,
И чтобъ яснѣе то, и лучше доказать,
Изволилъ кошелекъ онъ сзади привязать
И мнитъ, что тѣмъ онъ сталъ политикъ и придворный,
А Пустяковъ, увы! совѣтникъ лишь надворный.
Вотъ какъ ослѣплены бываемъ часто мы!
И къ суетѣ пустой стремятся всѣ умы.
Разсудка здраваго и пользы убѣгаемъ,
Блаженство ищемъ тамъ, гдѣ гибель мы встрѣчаемъ.
Гордиться, ползать, льстить, все въ свѣтѣ продавать —
Вотъ въ чемъ стараемся мы время провождать!
Неправдою Змѣядъ доставъ себѣ имѣнье,
Желаетъ, чтобъ къ нему имѣли всѣ почтенье,
И заставляетъ тѣхъ въ своей передней ждать,
Которыхъ можетъ онъ, къ несчастью, угнетать.
Низкопоклоновъ тутъ съ сѣдою головою,
Съ наморщеннымъ челомъ, но съ подлою душою,

Увидѣвъ Катеньку, сердечно радъ тому,
Что ручку цѣловать она даетъ ему,
И, низко кланяясь, о томъ не помышляетъ,
Что Катенькинъ отецъ паркеты натираетъ.
О чемъ ни вздумаю, на что ни посмотрю,
Иль подлость, иль порокъ, иль предразсудки зрю!
Бѣднякъ хотя уменъ, но презрѣнъ, угнетаемъ.
Скотининъ сущій пень, но всѣми уважаемъ,
И, не смотря на все, на Лизѣ сговорилъ;
Онъ женится на ней, хотя ей и не милъ,
Но нужды нѣтъ ему: она собой прелестна,
А скупость матушки ея давно извѣстна;
За нимъ же, знаютъ всѣ, двѣнадцать тысячъ душъ,
Такъ можетъ ли онъ быть не безподобный мужъ?
Онъ молодъ, говорятъ, и свѣта мало знаетъ,
Но добръ, чувствителенъ и Лизу обожаетъ;
Она съ нимъ счастливо, конечно, проживетъ.
Несчастна Лизанька, вздыхая, слезы льетъ
И въ женихѣ своемъ находитъ лишь урода.
Ума намъ не даютъ ни знатная порода,
Ни пышность, ни чины, ни каменны дома,
И милліонами нельзя купить ума!
Но злато, можетъ быть, пороки позлащаетъ,
И милой Лизы мать такъ точно разсуждаетъ.
«Постой», кричитъ Плутовъ, «тебѣ-ль о томъ судить,
«Какъ въ свѣтѣ должно намъ себя вести и жить?
«Ты молодъ, такъ молчи. Мораль давно я знаю:
«Ты съ нею голъ, какъ мышь, я — селы покупаю.
«Повѣрь мнѣ, не набьешь стихами кошелька,
«И гроша не дадутъ тебѣ за комелька.
«Я вздора не пишу, а мой карманъ исправенъ;
«Незнаемъ ты никѣмъ, я въ Петербургѣ славенъ.
«Ласкаютъ всѣ меня: и графы, и князья».
Плутовъ, ты всѣмъ знакомъ, о томъ не спорю я,
Но также нѣтъ и въ томъ сомнѣнья никакова,
Что рѣдко льзя найти бездѣльника такова,
Что все имѣніе, деревню, славный домъ,
Пронырствомъ ты досталъ, Плутовъ, и воровствомъ.
Довольно — не хочу писать теперь я болѣ
И, не завидуя ничьей счастливой долѣ,
Стараться буду я лишь только честнымъ быть,
Законы почитать, отечеству служить,
Любить моихъ друзей, любить уединенье:
Вотъ сердца моего прямое утѣшенье!

С.-Петербургскій Меркурій 1793 г., ч. IV.

II.

КЪ ЛИРѢ.

Анакреонтическая ода.

Давно па лирѣ милой,
Давно я не игралъ;
Скорбящій духъ, унылой
Ее позабывалъ.
Природа украшалась
Прелестною весной,
Рука-жъ не прикасалась
До лиры дорогой.
Здоровье, даръ безцѣнный,
Лишенъ я былъ тебя,
И, грустью отягченный,
Влачилъ свой вѣкъ стеня.
Все веселилось въ мірѣ,
Цвѣли въ поляхъ цвѣты,
А я не пѣлъ на лирѣ
Весенни красоты.
Ни ручейка журчанье
Я нынѣ не слыхалъ,
Ни птицъ въ кустахъ порханье,
Ни рощей не видалъ.
Спасенный днесь судьбою
Отъ лютыхъ горькихъ мукъ,
Кроплю тебя слезою,
О лира, милый другъ!
Сердечно восхищенье
Влечетъ ее изъ глазъ;
Исчезло огорченье,
Насталъ отрады часъ.
Но, ахъ, весна сокрылась!
Желтѣютъ древеса,
И птичка удалилась
Въ полуденны лѣса;
Ужъ бабочка не вьется
Съ цвѣточка на цвѣтокъ,
И съ милой разстается
Пастушкой пастушокъ;
Зефиръ не вѣетъ болѣ,
Осенній вѣтръ шумитъ
И томно поневолѣ
На лирѣ пѣть велитъ.
Но къ пользѣ и несчастье
Даетъ намъ рокъ терпѣть:
Когда пройдетъ ненастье,
Пріятнѣй солнце зрѣть.
Пловецъ всегда-ли въ морѣ
Теряетъ жизнь волной?
Утѣшься, лира!.. Вскорѣ
Увижусь я съ весной.

Пріятное и полезное препровожденіе времени 1794 г., ч. III.

III.

ДВОРЦОВЫЙ САДЪ.

«Въ дворцовомъ ты саду вчера, конечно, былъ?»
Клитонъ мнѣ говорилъ;
«А мнѣ не удалось тамъ погулять съ тобою.
«Встрѣчались, слышалъ я, красавицы толпою;
«Кто были тамъ, скажи?»—Какой я дамъ отвѣтъ?
Тамъ былъ почти весь свѣтъ,
Но видѣлъ я... Кого?.. Одну лишь только Хлою.

11-го мая.

Пріятное и полезное препровожденіе времени 1795 г., ч. VI.

IV.

КЪ МИЛОЙ ПОДРУГѢ МОЕГО СЕРДЦА.

Два дни не бывъ съ тобою,
Два дни не зрѣвъ тебя,
Я мучился тоскою,
И все вокругъ меня

Печально, томно было.
Но былъ ли счастливъ я,
Какъ сердце не любило?
Ахъ, нѣтъ!.. Теперь лишь знаю,
Въ чемъ счастье находить.
Люблю... и въ вѣкъ желаю
Любви подвластнымъ быть.
Въ любви все утѣшаетъ:
И грусть, что я терплю,
И слезы, что я лью;
Все чувства услаждаетъ,
Питая страсть мою.
Не зрѣть тебя—ужасно!
Но мыслей и душой
Съ одною лишь тобой
Быть, милая, всечасно—
Вотъ счастіе мое!
Когда узрю ее,
Твердитъ мнѣ сердце страстно,
Когда скажу я ей,
Что всякую минуту
Терпѣлъ я муку люту,
Что былъ въ разлукѣ съ ней;
Когда улыбку нѣжну
Увижу на устахъ,
Когда прочту прелестну
Надежду я въ очахъ,
То все тогда забуду
И счастливъ, счастливъ буду!
Такъ, милая, тобой
Рай жизни обрѣтаю;
На скучный я покой
Любви не промѣняю.
Пусть огнь кипитъ въ крови,
Пусть нѣжный духъ вздыхаетъ;
Но, вѣрь мнѣ, все вѣщаетъ:
Нѣтъ счастья безъ любви!

Пріятное и полезное препровожденіе времени 1795 г., ч. VI.

V.

СЕРДЕЧНОЕ ЧУВСТВО.

Что ты тоскуешь,
Нѣжное сердце?
Гдѣ твоя вольность,
Гдѣ твой покой?
Бѣдное сердце
Милой подвластно!
Стонетъ, тоскуетъ,
Страстно любя...
Что мнѣ въ свободѣ?
Лучше, пріятнѣй
Вѣчно любовью
Къ Хлоѣ горѣть.
Кто-бъ могъ со мною
Въ счастьѣ равняться,
Еслибъ прекрасной
Былъ я любезенъ?
Если бы Хлоя
Съ милой улыбкой
Нѣжно сказала:
«Сердцу ты милъ!»

Пріятное и полезное препровожденіе времени 1795 г., ч. VI.

VI.

КЪ МИЛОЙ.

На голосъ: «Уже со тьмою нощи»...

Недавно я на лирѣ
Уныло, томно пѣлъ,
Что я доселѣ въ мірѣ
Подруги не имѣлъ.
Я милую имѣю
И горесть все терплю;
Но, ахъ, сказать не смѣю,
Что я ее люблю!

Лишь то въ душѣ твердится.
Что всѣхъ она милѣй;
И мысль моя стремится

Къ владычицѣ моей.
Стремится!.. Умножаетъ
Страданье тѣмъ мое;
Но, ахъ, она незнаетъ,
Что я люблю ее!

Какъ съ милой я бываю,
Я веселъ—и грущу;
Сказать люблю желаю,
И словъ я не сыщу.
То взоръ ея плѣняетъ,
То сердце рветъ мое;
Но, ахъ, она незнаетъ,
Что я люблю ее!

Пусть духъ томится страстной!
Мнѣ льзя ли не любить?
О, еслибъ я прекрасной
Возмогъ любезнымъ быть!
Блаженство съ чѣмъ равняться
Тогда могло-бъ мое?
Но смѣю-ль ей признаться,
Что я люблю ее.

Пріятное и полезное препровожденіе времени 1795 г., ч. VI.

VII.

ТОСКА ПО МИЛОЙ.

Ночь мракомъ землю покрываетъ
И всѣмъ спокойствіе даритъ;
Но счастливый его лишь знаетъ,
А отъ меня оно бѣжитъ.

Взойди луна, взойди скорѣе!
Дышу свободнѣй я съ тобой;
И тотъ ручей журчитъ милѣе,
Въ которомъ лучъ играетъ твой.

Печалью сердце отягченно
Въ тебѣ, луна, отраду зритъ;
Слезою око окропленно
Съ восторгомъ на тебя глядитъ.

Въ лѣсу тѣнистомъ воспѣваетъ
Весны любимецъ, соловей;
Но пѣсней болѣ не плѣняетъ
Меня пріятною своей.

Къ любви желанье все стремится,
Хочу любить.... Подруги нѣтъ!
И, ахъ, въ тоскѣ, какъ вѣтеръ, мчится
Краса прелестна юныхъ лѣтъ!

Въ природѣ все любовью таетъ!
Она—блаженство нашихъ дней!
И пѣночка съ дружкомъ летаетъ;
Коль нѣтъ его, то грустно ей.

А я одинъ!... На стонъ унылой
Никто не отвѣчаетъ мнѣ.
А я одинъ!... И тщетно милой
Въ плачевной сей ищу странѣ.

Луна въ долинѣ осребрила
Цвѣты, смоченные росой;
О если-бы подруга мила
Гуляла здѣсь теперь со мной!

Отерла бы она токъ слезной
Рукою нѣжною своей,
И я бы грудь прижалъ любезной
Ко груди пламенной моей.

Но, ахъ, лишь болѣ унываетъ
Мой духъ, гоняясь за мечтой!
И томно эхо повторяетъ,
Что милой я не зрю съ собой.

Пріятное и полезное препровожденіе времени 1795 г., ч. V.

VIII.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ОССІАНА.

Колма [1]).

Се ночь!.. и я одна оставлена на холмѣ!
Куда укрыться мнѣ отъ бури, отъ дождя?

На каменныхъ горахъ шумъ вѣтровъ раздается!
Потоки мчатся въ долъ... Куда укрыться мнѣ?
Явись, луна, скорѣй, и вы, ночныя звѣзды,
Явитесь, къ милому откройте Колмѣ путь!
Пусть я туда пойду, гдѣ, ловлей утомленный,
Покоится теперь Сальгаръ, любезный мой!
Но, ахъ, нѣтъ помощи!.. Здѣсь, на утесахъ страшныхъ,
Скитаюсь я одна и горьки слезы лью.
Шумъ быстрыя рѣки, шумъ вѣтровъ грозныхъ, бурныхъ
Мѣшаетъ слышать гласъ драгого моего!
Сальгаръ, ты обѣщалъ увидѣться со мною,
Когда наступитъ ночь! Почто же медлишь ты?
Се каменна гора, се мрачныя пещеры,
Гдѣ Колмѣ повелѣлъ себя ты ожидать!
Почто-же медлишь ты? Приди, приди скорѣе,
Другъ сердца моего, въ объятія мои!
Отъ гордаго отца и брата удалимся:
Они враги тебѣ, но я... тебя люблю!
Умолкни, бурный вѣтръ, умолкни, ты, на время!
Умолкни быстрая, шумящая рѣка!
Пусть бѣдной Колмы здѣсь стенанье раздается,
И милый странникъ пусть услышитъ голосъ мой!
Сальгаръ, зову тебя!—Се мрачныя пещеры,
Се каменна гора!—Почто-же медлишь ты?
Луна печальная ужъ осребряетъ воды,
А ты еще нейдешь къ возлюбленной своей!
. . . .
Но кто лежитъ въ кустахъ? Что вижу я злосчастна?
Отчаянье и страхъ объемлютъ весь мой духъ!
Не мой-ли здѣсь Сальгаръ? Не мой-ли братъ любезный?
Но поздно я пришла, и мертвы ужъ они!
Ихъ острые мечи всѣ кровью обагренны,
И трупы хладные не отвѣчаютъ мнѣ!
О, братъ мой! О, Сальгаръ! Почто я васъ лишилась?
Гдѣ слава днесь твоя, гремѣвшій на войнѣ?
Гдѣ прелести твои, прекраснѣйшій на холмѣ?
Безмолвствуютъ.—Увы, безмолвье вѣчно ихъ!
Вѣщайте, вы, теперь съ вершины горъ ужасныхъ,
Вѣщайте, духи ихъ! Пріятенъ мнѣ вашъ гласъ!
Гдѣ вы покоитесь?.. Гдѣ я найду умершихъ?
Но нѣтъ, отвѣта нѣтъ!—Онъ бурей заглушенъ.

---

[1]) Отрывокъ сей сдѣланъ по просьбѣ одного пріятеля, желавшаго видѣть въ стихахъ Оссіановы пѣсни; но едва-ли ихъ теченіе и гармонія не противятся стихамъ.

. . . .
Се утро я въ слезахъ и горести встрѣчаю!
—Ахъ, рыть могилу здѣсь ужъ шествуютъ друзья!
Постойте, милые, не зарывайте гроба,
Постойте, и меня умершіе зовутъ!
Тамъ съ ними въ мракѣ я покоиться желаю,
И темна ночь когда на холмъ сюда сойдетъ,
И на горахъ когда завоетъ вѣтръ унылый,
Въ шумящемъ вѣтрѣ духъ носиться будетъ мой,
Услышитъ стонъ его ловецъ и устрашится,
Услышитъ... и слезу чувствительну прольетъ!
Стонъ мой, о милые, пріятенъ будетъ, сладокъ:
Онъ всюду возвѣститъ, какъ я любила васъ!
Пріятное и полезное препровожденіе времени 1795 г., ч. VI.

IX.

КЪ ХЛОѢ.

Какъ все съ тобою восхищаетъ!
И лугъ прекраснѣе цвѣтетъ;
Быстрѣе рѣчка протекаетъ;
Нѣжнѣе пѣночка поетъ:
Какъ все съ тобою восхищаетъ!
Все въ жизни разцвѣло моей,
Когда тобою я плѣнился!
Когда не зналъ я страсти сей,
Природой такъ ли веселился?
Все въ жизни разцвѣло моей!
Какъ сильно бьется сердце страстно!
О Хлоя, весело любить!
Твердить я то хочу всечасно;
Нѣтъ нужды болѣе таить:
Какъ сильно бьется сердце страстно!
Ты любишь! Ты навѣкъ моя!
Со мною можетъ кто равняться?
Душа открыта мнѣ твоя:
Нѣтъ, ты не можешь притворяться!
Ты любишь! Ты навѣкъ моя!

27-го іюня.
Пріятное и полезное препровожденіе времени 1795 г., ч. VII.

X.

ПИСЬМО къ И. И. ДМИТРІЕВУ.

Ты правъ, мой милый другъ! Всѣ наши стиходѣи
Слезливой лирою прославиться хотятъ;

Все голубки у нихъ къ красавицамъ летятъ,
Все вьются ласточки, и все однѣ затѣи;
Всѣ хнычутъ и ревутъ, и мысль у всѣхъ одна:
То вдругъ представится луна
Въ блѣднопалевой порфирѣ;
То онъ одинъ остался въ мірѣ;
Нѣтъ, милой, нѣтъ, драгой: она погребена
Подъ камнемъ сѣрымъ, мшистымъ;
То, вдругъ, подъ дубомъ тамъ вѣтвистымъ
Сова уныло закричитъ;
Завоетъ сильно вѣтръ, любовникъ побѣжитъ,
И слезка на струнахъ родится.
Тутъ восклицаній тьма и точекъ появится.
Нѣтъ нужды до того. Онъ мыслитъ, что уменъ,
И что піитомъ быть на свѣтъ произведенъ;
Что онъ съ Державинымъ, съ тобой равняться можетъ;
Что съ зависти къ нему и Стернъ нашъ пальцы гложетъ.
О, плаксы бѣдныя! Жалка мнѣ участь ихъ!
Они совсѣмъ того не знаютъ,
Что, гдѣ парятъ орлы, тамъ жуки не летаютъ.
Не крючковата мысль творитъ прекраснымъ стихъ,
Но плавность, чистота души и сердца чувство:
Вотъ стихотворцевъ въ чемъ прямое есть искусство!
Намъ можно подражать, не портя слогъ другихъ.
Такъ Геснеръ подражалъ Біону,
Такъ ты, любезный нашъ пѣвецъ,
Въ слѣдъ шествуя Анакреону,
Отъ грацій получилъ вѣнецъ.
Такъ хвальну пѣснь поетъ нашъ бардъ Фелицѣ, Богу;
Такъ милый, нѣжный Карамзинъ
Въ храмъ вкуса проложилъ дорогу;
И такъ отечества усердный, вѣрный сынъ,
На звучной лирѣ намъ бряцая,
Херасковъ брань воспѣлъ, Омиру подражая.
О, если бъ бардовъ сихъ я славный даръ имѣлъ
И всѣхъ плѣнять сердца подобно имъ умѣлъ,
Тогда бъ прославился своей вездѣ я лирой!
Но я молчу и имъ не смѣю подражать;
Живу я съ дружбой и съ Темирой;
Для нихъ единственно желаю я писать.
Коль милая моя, читая, улыбнется;
Коль нѣжный другъ души похвалитъ пѣснь мою,
Когда я пламень мой и дружбу воспою;

То сердце съ радости забьется,
То я доволенъ и блаженъ:
Коль милъ Темирѣ я, то щедро награжденъ.

Аониды 1796 г., кн. I.

XI.

НА СМЕРТЬ ЛАУРЫ.

Подражаніе Маруллію.

«Чей мрачный гробъ несутъ?»
— Прекраснѣйшей Лауры.
«Кто рвется такъ по ней? Кто слезы льетъ?»—Амуры.
«Какихъ прелестныхъ нимфъ у гроба я сего
«Зрю въ трауръ облеченныхъ?»
— Ты видишь грацій огорченныхъ.
«Костеръ ея, скажи, составленъ изъ чего?»
— Изъ стрѣлъ, амуромъ сокрушенныхъ.
«Ужасна пламени того
«Кто будетъ жертвою съ Лаурою любезной?»
— Умъ, кротость, прелести.—«О рокъ, свирѣпой, слезной!
«Къ Чему же служатъ намъ и умъ, и красота?»
— Увы, проходитъ все! Все въ свѣтѣ есть мечта,
И алчна смерть, косой своею
Лишивъ Лауры насъ, взяла утѣхи съ нею.

Аониды 1796 г., кн. I.

XII.

СУЙДА.*

Jo mi son'un che, quando
Amore spira, noto, ed in quel modo
Ch'ei detta deutro, vo significando.
Dante.

Души чувствительной отрада, утѣшенье,**
Прелестна тишина, покой, уединенье,
Желаній всѣхъ моихъ единственный предметъ!
Недолго вами я, къ несчастью, наслаждался;
Природы красотой недолго любовался;
Опять я въ городѣ, опять среди суетъ,
И сердцу радостей глазамъ пріятства нѣтъ,
И все вокругъ меня мнѣ кажется уныло!

*) Село, принадлежащее И. А. Ганибалову въ 60 верстахъ отъ С.-Петербурга.
**) Сіи стихи были писаны въ цвѣтущей молодости моей. Я тогда еще мечталъ о счастіи!

Съ какимъ весельемъ я взиралъ,
Какъ ты, о солнце, восходило,
Въ восторгъ всѣ чувства приводило!
Тамъ запахъ ландышей весь воздухъ наполнялъ,
Тамъ пѣли соловьи, тамъ ручеекъ журчалъ,
И Хлоя тутъ была. Чего жъ не доставало?
Что въ мірѣ я любилъ, что мысль обворожало,
Кѣмъ сердце нѣжное дышало,
Все было тамъ со мной!
Потомъ, какъ тишина съ вечернею росой
На землю опускалась,
Со мною милая на лодочкѣ каталась,
И финскимъ языкомъ твердила мнѣ: *люблю!*
Палаты въ воздухѣ обыкновенно строя,
Я Хлоѣ говорилъ: «Послушай, для покоя
«Такое же село, какъ Суйда, я куплю
«И буду жить съ тобой тамъ въ домикѣ прекрасномъ.
«Насъ милые друзья пріѣдутъ посѣщать,
«А мы, подъ небомъ яснымъ,
«Съ сердцами чистыми ихъ станемъ угощать.
«Тутъ, въ англійскомъ саду, подъ липою густою,
«Готовъ намъ будетъ чай — и Хлоѣ разливать;
«А тамъ насъ пѣснями и пляской забавлять
«Крестьянки изъ села всѣ прибѣгутъ толпою.
«Оттуда мы пойдемъ рѣзвиться на лужокъ,
«Гдѣ для друзей моихъ построю я качели;
«Потомъ услышимъ гласъ свирѣли,
«И стадо тучное погонитъ пастушокъ.
«Когда же солнышко за горы закатится,
«И небо розовой одѣнется зарей,
«Тогда на берегу въ бесѣдкѣ столъ явится.
«Ты будешь ужина душой!
«Со вкусомъ будетъ все, пріятно и не пышно;
«А лучше что всего, чему смѣется свѣтъ,
«У насъ рѣчей другому въ вредъ,
«Ни острыхъ, колкихъ словъ, никакъ не будетъ слышно.
«По утру жъ время съ кѣмъ я буду провождать?
«Съ Гиршфельдомъ и Руссо, съ Боннетомъ и Томсономъ;
«Ихъ долгъ-къ полезному мой разумъ поощрять,
«И наставленья ихъ я буду чтить закономъ.
«И вы, любезные Юнгъ, Геснеръ, Циммерманъ,
«Собой украсите мое уединенье.
«Кому любить добро даръ милый небомъ данъ,
«Тотъ въ васъ найдетъ всегда для сердца утѣшенье!

«Вотъ, какъ я, нѣжный другъ, желаю жить съ тобой!
«Не злата множество — посредственность, покой,
«Любовь моихъ друзей, ты, Хлоя, и доволенъ,
«И нѣтъ счастливѣе меня!
«Кто правъ своей душой, кто въ совѣсти спокоенъ,
«Тобою кто любимъ, имѣетъ кто тебя,
«Кто бѣдному помочь въ несчастьи не жалѣетъ,
«Чего желать тому? — Онъ все уже имѣетъ».

Аониды 1797 г., кн. II.

XIII.

КЪ БРАТУ И ДРУГУ.

Почто, мой другъ, судьбою
Съ тобой я разлученъ?
Насъ все соединяло:
И дружба, и родство;
Росли и жили вмѣстѣ
Съ тобою мы всегда;
Однѣ утѣхи были,
И горести однѣ.
Прошло счастливо время:
Нѣтъ друга моего!
Ахъ, онъ теперь далеко
Въ чужой живетъ странѣ!
Кто тамъ его утѣшитъ?
Кто любитъ тамъ его?
Друзей притворныхъ много,
Но можно-ль съ ними жить?
Кто веселъ, кто забавенъ,
Тотъ кажется всѣмъ милъ;
Но кто душою нѣжной
Природой одаренъ,
Кого несчастье гонитъ
И тяготитъ печаль;
Того всѣмъ людямъ должно
Какъ язвы убѣгать.
Обыкновенно въ свѣтѣ
Такъ мыслятъ и живутъ!
Зовутъ химерой дружбу,
Любовь—притворство въ немъ!
Чувствительное сердце
И терпитъ отъ того,
Что здѣсь встрѣчаетъ рѣдко
Подобное себѣ.
Давно-ль мы въ здѣшнемъ мірѣ
Съ тобой еще живемъ?
Но мы ужъ испытали
Коварство, злость людей.
О, если-бъ съ милымъ другомъ
Теперь я вмѣстѣ былъ,
Мы съ нимъ бы находили
Отраду и въ слезахъ;
Я дружбою моею
Утѣшилъ бы его.
Ты помнишь, какъ, бывало,
Текли часы для насъ?
Природой восхищаясь,
Гуляли мы съ тобой;
Или полезнымъ чтеньемъ
Свой просвѣщали умъ;
Или Творцу вселенной
На лирахъ пѣли гимнъ...
Поэзія святая!
Мы съ самыхъ юныхъ лѣтъ
Тобою занимались;
Ты услаждала насъ!...
Или въ семействѣ нашемъ,
Гдѣ царствуетъ любовь,
Играли мы какъ дѣти
Въ невинности сердецъ.
Не унывай, любезный,
Чувствительный мой другъ!
Не все намъ быть въ разлукѣ,
Не все намъ горевать!
Уже вдали сіяетъ
Пріятная заря,
И къ радостямъ сердечнымъ
Мы оживемъ съ тобой!

Аониды 1797 г., кн. II.

XIV.

ЭЛЕГІЯ.

ПОДРАЖАНІЕ.

Возможно-ль въ городѣ жить съ нѣжною душою?
Амуры всѣ въ поляхъ. Они живутъ со мною.
На небесахъ теперь самой Юноны нѣтъ,
И тщетно помощи отъ нихъ гонимый ждетъ!
Амуръ сталъ пастушокъ, и съ посохомъ Венера.
Куда ни оглянусь — все Пафосъ и Цитера.
Всѣ радости опять летятъ съ весною къ намъ!
Я ей хвалу пою, пою хвалу богамъ!
Природа все живитъ своей улыбкой милой;
Но тамъ еще, въ горахъ, я слышу вѣтръ унылый.
Подъ миртовымъ кустомъ Амуръ еще дрожитъ,
Ясминъ боится цвѣсть, и соловей молчитъ;
Они ждутъ Цинтіи: явись и все блаженно!
Чѣмъ сердце въ городѣ твое теперь плѣненно,
Что нравится твоимъ, прекрасная, очамъ?
Здоровье-ль слабое удерживаетъ тамъ?
Повѣрь, любовь всегда здоровье возвращаетъ;
Любовникъ твой тебя съ восторгомъ ожидаетъ.
Какой я чувствую огонь въ моей крови!
Какое сильное мечтаніе любви!
Всечасно, Цинтія, всечасно ты со мною!
Чѣмъ далѣ я живу, тѣмъ болѣе съ тобою!
Я слышу голосъ твой, улыбку зрю, черты;
Съ тобой и граціи теряютъ красоты.
Кто Цинтію въ лѣсу не назоветъ Дріядой?
Явись ты на водахъ — и всѣ почтутъ Наядой!
Тебѣ лишь суждено сестрой амуровъ быть,
И рѣзвой Нимфою въ лугахъ зеленыхъ слыть!
Притворства нѣтъ въ тебѣ; все въ Цинтіи плѣняетъ:
На что уборы ей? Природа украшаетъ.
Проснется ли она?... Аврора предъ тобой,
Иль Флора нѣжная съ стыдливой красотой.
Лилеи съ розами тогда предстанутъ съ нею:
Нѣтъ, нѣтъ, не съ Флорой ты — съ владычицей моею!
Ты видишь Цинтію, соперницу харитъ;
Прелестный взоръ ея всѣмъ счастіе даритъ.
Ты ароматами желаешь насладиться:
Пусть Цинтія вздохнетъ... и ароматъ родится!
Она бѣжитъ — смотри... за ней Зефиры вслѣдъ!
Послушай: говоритъ — сердецъ свободныхъ нѣтъ!
Но можно-ль описать мнѣ Цинтію какъ должно?

Апеллу самому то было-бъ невозможно.
Пусть Фебъ ее поетъ, и свѣтъ дивится ей,
А я, любя ее, пусть вѣчно буду съ ней!
Любовь — блаженство, жизнь: мы съ нею все забудемъ;
Любовью нѣжною дышать съ тобою будемъ,
И, наконецъ, когда смерть злобная придетъ,
Пусть лишь одна любовь дни наши пресѣчетъ.

Аониды 1797 г., кн. II. Тибуллъ: кн. II, элегія 3.

XV.

ПѢСНЯ.

Подражаніе древнимъ.

Аврора милая, блаженна ты стократно!
Восходишь и тотчасъ вкушаешь радость ты;
Все оживляется: и рощи, и цвѣты;
Ты зришь въ единый мигъ все, что тебѣ пріятно,
А я теперь не зрю Милона моего...
Свѣтило дневное, яви ты мнѣ его!
И васъ въ природѣ все, зефиры, утѣшаетъ:
Для васъ и скромная фіалочка цвѣтетъ,
Для васъ свои листы и роза распускаетъ,
Гвоздика поцѣлуевъ ждетъ.
Я такъ же жду теперь Милона моего.
Зефиры нѣжные, несите мнѣ его!
Пусть соловей поетъ и пѣньемъ восхищаетъ:
Не можетъ никогда равняться онъ со мной;
Я болѣе люблю, пріятнѣй голосъ мой,
Онъ сердце болѣе плѣняетъ;
Любовь сама твердитъ мнѣ пѣсенку мою;
Умолкни, соловей: я милаго пою!

Аониды 1797 г., кн. II.

XVI.

МАДРИГАЛЪ.

«Мужчины счастливы, а женщины несчастны»,
Селеста милая твердитъ;
«Судьба прелестною свободой ихъ даритъ,
«А мы всегда подвластны!»
—Такъ чтожъ? Поспорю въ томъ, прекрасная, съ тобой:
Я вольность не всегда блаженствомъ почитаю;
Скажи: *ты сердцу милъ*—свободу и покой
Тотчасъ на цѣпи промѣняю.

Аониды 1797 г., кн. II.

XVII.

ЭПИГРАММА.

(Подражаніе французской).

Какой-то стихотворъ (довольно ихъ у насъ)
Послалъ двѣ оды на Парнасъ.
Онъ въ нихъ описывалъ красу природы, неба,
Цвѣтъ *розо-желтый* облаковъ,
Шумъ листьевъ, вой звѣрей, ночное пѣнье совъ,
И милости просилъ у Феба.
Читая, Фебъ зѣвалъ и, наконецъ, спросилъ:
«Какихъ лѣтъ стихотворецъ былъ
«И оды громкія давно-ли сочиняетъ?»
—«Ему пятнадцать лѣтъ,» Эрата отвѣчаетъ:
«Пятнадцать только лѣтъ?»—«Не болѣе того!»
«Такъ розгами его!»

Аониды 1798 г., кн. III.

XVIII.

УЧЕНИКЪ-УЧИТЕЛЬ.

БІОНОВА ИДИЛІЯ.

Тихимъ сномъ я наслаждаясь,
Предъ собой Киприду зрѣлъ.
Сынъ богини, улыбаясь,
Безъ колчана и безъ стрѣлъ
По слѣдамъ ея летѣлъ.
«Будь», сказала мнѣ Киприда,
«Будь учитель ты его!»
Я запѣлъ хвалу Алкида
И Зевеса самого
Величалъ на громкой лирѣ.
Онъ съ презрѣніемъ внималъ
И запѣлъ хвалу Темирѣ.
Изумленъ, я замолчалъ:
Мнѣ Амуръ учитель сталъ.

Аониды 1798 г., кн. III. Bernard de-la-Monnoye: «L'Ecolier-Maître».

XIX.

ДВѢ РОЗЫ.

Двѣ розы милой посылаю:
Пусть въ бѣлой грусть мою и блѣдный цвѣтъ узритъ;
Пусть алая изобразитъ
Ужасный пламень тотъ, что въ сердцѣ ощущаю;
Пусть обѣ скажутъ ей, какъ я теперь страдаю!

Аониды 1798 г., кн. III.

XX.

ПѢСНЯ ИЗЪ «ЭСТЕЛЛЫ» ФЛОРІАНОВОЙ.

«Прости, мой другъ, навѣки!
«Прости любовь, покой!
«Долины, горы, рѣки
«Насъ разлучатъ съ тобой!
«Тебя я не забуду—
«Пусть рокъ велитъ страдать!
«Не будешь ты внимать.
«Твердить: люблю я буду—

«Не плачь, все увѣряетъ—
«Недолго мнѣ тужить;
«Грусть съ смертью исчезаетъ,
«А безъ тебя какъ жить?»

Аониды 1798 г., кн. III.

XXI.

ПѢСНЯ.

Все мило предо мною,
Коль я любезной милъ;
Но я презрѣнъ тобою,
И цѣлый свѣтъ постылъ.
Нѣтъ сердцу утѣшенья
Безъ сердца твоего.
Бѣды и огорченья
Терзаютъ лишь его.
Въ твоихъ, бывало, взорахъ
Я страсть твою читалъ
И въ нѣжныхъ разговорахъ
Тьму радостей вкушалъ.
Но полно, полно вѣрить
Мнѣ взору твоему!
Коль Ниса лицемѣритъ,
Не вѣрю ничьему!
Утѣхи, рай, блаженство
Въ одной я Нисѣ зрѣлъ;
Всему я совершенство
Въ тебѣ найти хотѣлъ.
Исчезло заблужденье,
И съ нимъ исчезъ покой;
И страсти въ награжденье
Оставленъ я тобой.

Аониды 1798 г., кн. III.

XXII.

ВЕЧЕРЪ.

Нѣтъ болѣ силъ терпѣть! Куда ни сунься: споры
И сплетни, и обманъ, и глупость и раздоры!
Вчера, не знаю какъ, попалъ въ одинъ я домъ;
Я проклялъ жизнь мою. Какой вралей содомъ!
Хозяинъ объ одной лишь музыкѣ толкуетъ;
Хозяйка хвалится, что славно дочь танцуетъ;
А дочка, поясокъ подъ шею подвязавъ,
Кричитъ, что прискакалъ въ коляскѣ модной—графъ.
Графъ входитъ. Всѣ его съ восторгомъ принимаютъ.
Какъ милъ онъ, какъ богатъ, какъ знатенъ, повторяютъ.
Хозяйка на ушко мнѣ шепчетъ въ тотъ же часъ:
«Онъ въ Грушеньку влюбленъ: онъ всякой день у насъ».
Но графъ, о Грушенькѣ никакъ не помышляя,
Вѣтранѣ говоритъ, ей руку пожимая:
«Какая скука здѣсь! Какой несносный домъ!
«Я съ этими людьми, божусь, для васъ знакомъ;
«Я съ вами быть хочу, я видѣть васъ желаю.
«Для васъ я все терплю и глупостямъ прощаю».
Вѣтрана счастлива, что графъ покоренъ ей.
Вдругъ растворяютъ дверь и входитъ Стукодѣй.
Несносный говорунъ! О всемъ уже онъ знаетъ:
Тотъ женится, другой супругу оставляетъ;
Тотъ проигрался весь, тотъ по уши въ долгахъ.
Потомъ судить онъ сталъ, къ несчастью, о стихахъ.

По мнѣнію его, Надутовъ всѣхъ плѣняетъ,
А Дмитревъ, Карамзинъ бездѣлки сочиняетъ;
Державинъ, напримѣръ, изрядно бы писалъ,
Но также, кромѣ одъ, не стоитъ онъ похвалъ.
Пропали трагики, исчезла Россовъ слава!
И началъ, наконецъ, твердить намъ роль Синава;
Коверкался, кричалъ—всѣ восхищались имъ;
Одинъ лишь старичокъ, смѣясь со мной надъ нимъ:
«Невѣжду,» мнѣ сказалъ, «я вѣчно извиняю;
«Молчу и слушаю, а въ споръ съ нимъ не вступаю;
«Напротивъ, кажется забавенъ часто онъ:
«Совретъ, и думаетъ, что вздоръ его—законъ.
«Что нашъ питаетъ умъ, что сердце восхищаетъ,
«Бездѣлкою пустой невѣжда называетъ.
«Нѣтъ нужды! Вѣрьте мнѣ: нелѣпая хула
«Писателю вѣнецъ, поэту похвала».—
Я отдохнулъ. Увы, недолго быть въ покоѣ!
Хозяйка подошла. «Теперь насъ только трое;
«Не можете-ли вы четвертымъ съ нами быть,
«И сѣсть играть въ бостонъ? Безъ картъ не можно жить
«Кто ими въ обществѣ себя не занимаетъ,
«Воспитанъ дурно тотъ, и скученъ всѣмъ бываетъ».
Итакъ, мы за бостонъ. А тамъ оркестръ шумитъ;
Тутъ графъ жеманится, и Стукодѣй кричитъ;
Змѣяда всѣхъ бранитъ, ругаетъ за игрою.
Играю и дрожу, и жду бѣды съ собою.
Хозяйка милая не помнитъ ничего.
«Гдѣ Грушенька? Гдѣ графъ? Не вижу я его!»
Бостонъ нашъ кончился, а въ залѣ ужъ танцуютъ.
Какъ Грушенька, какъ графъ прекрасно вальсируютъ!
Хозяйка съ радости всѣхъ обнимаетъ насъ.
Змѣяда ей твердитъ: «Ну, матка, въ добрый часъ!
«Графъ право молодецъ: къ концу скорѣе дѣло!
«На Бога положись и по рукамъ бей смѣло;
«Онъ знатенъ и хорошъ, и съ лучшими знакомъ;
«Твой муженекъ съ тобой согласенъ будетъ въ томъ».
Вѣтрана слышитъ то, смѣется и вертится.
Къ бѣдѣ моей, тогда идетъ ко мнѣ, садится
Белиза толстая, разскащица, швея. *)
«Ей Богу», говоритъ, «вотъ чудная семья!
«Хозяинъ съ флейтою все время провождаетъ,
«Жена преглупая и всѣмъ надоѣдаетъ,
«А въ Грушенькѣ, повѣрь, пути не будетъ въ вѣкъ.

*) Сплетница, commère.

«Но дѣло не о томъ: ты умный человѣкъ;
«У Скопидомова ты всякой день бываешь;
«Проказы всѣ его и все о немъ ты знаешь:
«Не правда-ль, что въ женѣ находитъ онъ врага,
«И что она ему поставила рога?
«Нахаловъ часто съ ней въ театрѣ и вокзалѣ;
«Вчера онъ танцовалъ два польскихъ съ ней на балѣ,
«А послѣ онъ ее въ карету посадилъ;
«Несчастный Скопидомъ бѣду себѣ купилъ;
«Богъ наградилъ его прекрасною женою!
«Да, полно, самъ дуракъ всѣмъ шалостямъ виною.
«Не онъ одинъ таковъ: въ Москвѣ имъ счета нѣтъ!
«Буяновъ и не глупъ, но вздумалъ въ сорокъ лѣтъ
«Жениться и франтить, и тѣмъ себя прославить,
«Чтобъ женушку свою тотчасъ другимъ оставить;
«И подлинно, успѣлъ въ томъ модный господинъ:
«Съ Французомъ барыня уѣхала въ Берлинъ».
—Я слушалъ и молчалъ. Текли слова рѣкою;
Я могъ ей отвѣчать лишь только головою.
Хотѣлъ уйти, ушелъ. Чтожъ вышло изъ того?
Дивлюся силѣ я терпѣнья моего.
Попалъ въ бесѣду я, достойную почтенья:
Тутъ былъ великій шумъ, различны были мнѣнья;
Однако изъ всего понять я спора могъ,
Что то произвели котлеты и пирогъ;
И кончилось все тѣмъ, что у одной Лизеты
И вафли лучшія, и лучшія котлеты.
Но, кстати, столъ готовъ; всѣ кинулись туда,
Покойно думалъ ѣсть—и тутъ со мной бѣда!
Несчастнаго, меня, съ Вралевымъ посадили
И милымъ, подлинно, сосѣдомъ наградили!
Не медля, началъ онъ вопросы мнѣ творить:
Кто я таковъ? Что я? Гдѣ я изволю жить?
Потомъ, о молодыхъ и старыхъ разсуждая:
«Нѣтъ, нынче жизнь плоха», твердилъ онъ, воздыхая:
«Все стало мудрено, нѣтъ добраго ни въ чемъ;
«Вотъ я таки скажу и о сынкѣ моемъ:
«Ужъ малой въ двадцать лѣтъ, а книги лишь читаетъ,
«Не ищетъ ни чиновъ, ни счастья не желаетъ;
«Я дочь Рубинова посваталъ за него;
«Любезный мой сынокъ не хочетъ и того.
«На деньгахъ, батюшка, никакъ де не женюся,
«А я жену возьму, когда въ нее влюблюся.
«Какъ быть, не знаю, съ нимъ,—и чувствую я то,

«Что будетъ онъ бѣднякъ, а болѣе ничто.
«Вотъ, что произвели проклятыя науки!
«Не нужно золото—давай Жанъ-Жака въ руки!
«Да полно, старые не лучше молодыхъ;
«Не много разницы найдешь ты нынѣ въ нихъ.
«Нерѣдко и старикъ, что дѣлаетъ, не знаетъ;
«Онъ хулитъ молодыхъ и имъ же потакаетъ.
«Князь Миловъ въ пятьдесятъ и слишкомъ уже лѣтъ
«Спроказилъ такъ теперь, что весь дивится свѣтъ.
«Онъ, будучи богатъ и дочь одну имѣя,
«Воспитывать ее, какъ должно, не жалѣя,
«Рѣшился, наконецъ, бѣдняжку погубить:
«Маіора одного изволь на ней женить!
«И что жъ, онъ говоритъ себѣ во оправданье—
«Ты со смѣху умрешь—вотъ все его желанье:
«Мой зять любезенъ мнѣ и скроменъ, и уменъ;
«Онъ свѣта пустотой никакъ не ослѣпленъ;
«Совѣтовъ де моихъ онъ вѣчно не забудетъ;
«Въ глубокой старости меня покоить будетъ.
«Не знатенъ, бѣденъ онъ—я для него богатъ;
«А честность знатности дороже мнѣ стократъ!
«—Вотъ, другъ сердечный мой, какъ нынче разсуждаютъ!
«И умниками ихъ иные называютъ!»
Сосѣдъ мой тутъ умолкъ; въ отраду я ему
Сказалъ, что рѣдкіе послѣдуютъ тому;
Что Миловыхъ князей у насъ, конечно, мало;
Что золото копить желанье не пропало;
Что любимъ мы чины и ленты получать,
Не любимъ только ихъ заслугой доставать;
Что также здѣсь не всѣ охотники до чтенья;
Что рѣдкіе у насъ желаютъ просвѣщенья;
Не всякій знаніямъ честь должну воздаетъ,
И часто враль, глупецъ разумникомъ слыветъ;
Достоинствъ лаврами у насъ не украшаютъ;
Здѣсь любятъ плясуновъ—ученыхъ презираютъ.
Тутъ ужинъ кончился—и я домой тотчасъ.
О, хижина моя, пріятнѣй ты сто разъ
Всѣхъ модныхъ ужиновъ, концертовъ всѣхъ и баловъ,
Гдѣ часто видимъ мы безумцевъ и нахаловъ!
Въ тебѣ насмѣшекъ злыхъ, въ тебѣ злословья нѣтъ:
Въ тебѣ спокойствіе и тишина живетъ;
Въ тебѣ и разумъ мой, и духъ всегда свободенъ.
Утѣхи мнѣ дарить свѣтъ модный не способенъ,

И для того теперь навѣкъ прощаюсь съ нимъ:
Фортуны не найду я съ сердцемъ въ немъ моимъ!

Аониды 1798 г., кн. III.

XXIII.

НЕ РЫДАЙ МЕНЕ, МАТИ, ЗРЯЩЕ ВО ГРОБѢ.

О, ты, носившая меня въ своей утробѣ,
Возлюбленная Мать, слезъ горестныхъ не лей!
Ты Сына своего лежащаго зришь въ гробѣ,
Утѣшься, не рыдай: ко радости Твоей
Возстану, яко Богъ; отъ ада всѣхъ избавлю
И чтущихъ съ вѣрою Тебя людей прославлю!

Приношеніе религіи, 1798 г.

XXIV.

ТВОРЕНІЕ КАССІАНЫ ИНОКИНИ.

Господи иже во многіе грѣхи впадшая жена.

Жена, грѣхами отягченна,
Но ощутивъ въ Тебѣ Творца природы всей,
Къ владыкѣ своему течетъ блѣдна, смущенна,
Съ скорбящей, мрачною душой.
Приноситъ миро и рыдаетъ....
«О горе!» вопіетъ, «страсть душу раздираетъ,
«Какъ ночь безлунная она покрыта тьмой;
«Гнушаюсь я собой.
«Воззри, о Господи, на скорбь мою ужасну!
«Кто можетъ, коль не Ты, спасти отъ бѣдъ несчастну?
«Прими моихъ источникъ слезъ;
«Ты сотворилъ моря, сводъ преклонилъ небесъ,
«Ты преклонись къ моимъ сердечнымъ воздыханьямъ!
«Нѣтъ мѣры горести, унынію, страданьямъ;
«Смиренно ногъ Твоихъ я лобызаю прахъ,
«Какъ Ева я лицо власами закрываю,
«Стыжусь и трепещу, и каюсь во грѣхахъ;
«Я гибну, умираю...
«Но кто судебъ Твоихъ изслѣдить бездну могъ?
«Не презри грѣшную, къ тебѣ я прибѣгаю,
«Спаситель мой и Богъ!»

Приношеніе религіи, 1801 г.

XXV.

Къ**

НА СМЕРТЬ ПОДРУГИ ЕГО.

ПОДРАЖАНІЕ ГОРАЦІЮ.

Какъ не скорбѣть о томъ, что сердцу было мило?
Скончалась... Нѣтъ ея... Какъ горькихъ слезъ не лить?

Вы были созданы другъ друга въ вѣкъ любить,
И небо горизонтъ твой свѣтлый помрачило!

Съ душой прелестною она умомъ плѣняла;
И въ кротости, любви, кто былъ подобенъ ей?
Ты ею жилъ одной, она тобой дышала:
Кто можетъ болѣе воспоминать о ней?

Но тщетно слезы льешь, но тщетно вопрошаешь,
Гдѣ милая твоя? Съ тобою милой нѣтъ!
Лишь хладну тѣнь ея въ мечтаньи обнимаешь.
Увы, какъ счастія мгновенно вянетъ цвѣтъ!

Хотя бы ты имѣлъ Орфеевъ даръ, искусство,
И все одушевлялъ гармоніей своей;
Умершей возвратить не могъ бы жизнь и чувство:
Смерть алчная сильна: все здѣсь покорно ей!

Кто утѣшаетъ насъ? Одно терпѣнье, время;
Душою съ нею ты соединенъ на вѣкъ.
Пить чашу горестей, сносить несчастій бремя —
Таковъ твой въ мірѣ путь, о бѣдный человѣкъ!

Вѣстникъ Европы 1802 г., ч. IV. Горацій: кн. I, ода 24.

XXVI.

ЗАВѢЩАНІЕ КИПРИДЫ.

ПОДРАЖАНІЕ.

Кипридѣ вздумалось оставить здѣшній свѣтъ,
Сокрыться въ монастырь и все свое имѣнье
Отдать мнѣ съ Хлоей въ награжденье.
Не знаю, кто ей далъ совѣтъ
Въ душеприкащики пожаловать Амура,
Мальчишку-бѣдокура:
Онъ Хлоею прельстясь, ее обогатилъ,
Ей отдалъ радости, забавы, утѣшенье;
А я въ наслѣдство получилъ
Однѣ лишь слезы и мученье!

Вѣстникъ Европы 1802 г., ч. IV.

XXVII.

ЖЕЛАНІЕ ПОДРУГИ.

«О боги, я хочу, чтобъ милый счастливъ былъ!
«Исполните мое моленіе сердечно!
«Для счастія его хочу, чтобъ онъ любилъ,
«Для счастья моего — чтобъ онъ любилъ... и вѣчно.»

Вѣстникъ Европы 1803 г., ч. VIII.

XXVIII.

РАЗЛУКА.

(Подражаніе Сенъ-Ламберу).

Когда приходитъ часъ съ тобою разставаться,
Другъ другу говоримъ: «Люблю, люблю тебя!»
Не увѣрять въ любви хотимъ мы тѣмъ себя,
Но только для того, чтобъ больше наслаждаться.

Вѣстникъ Европы 1803 г., ч. VIII.

XXIX.

ЭПИТАФІЯ ИППОЛИТУ БОГДАНОВИЧУ.

Что вижу я? Амуръ и Душенька въ слезахъ
Другъ друга обнимаютъ,
И урну граціи вѣнками украшаютъ!
Прохожій, не дивись: здѣсь Ипполитовъ прахъ.

Вѣстникъ Европы 1803 г., ч. VIII.

XXX.

СЕЛЬСКІЙ ЖИТЕЛЬ.

Подражаніе.

Oh, knew he but his happiness, of men
The happiest he! who far from public rage,
Deep in the vale, with a choise Few retir'd
Drink the pure pleasures of the Rural life!

Кто въ мірѣ счастія прямого цѣну знаетъ,
И сельской жизни всѣ пріятности вкушаетъ
Въ кругу своихъ друзей, отъ шума удаленъ,
Тотъ истинно въ душѣ покоенъ и блаженъ.
Нѣтъ нужды въ томъ ему, что мотъ, богачъ надмѣнный,
Въ чертогахъ золотыхъ, льстецами окруженный,
Обманывая ихъ, обманутъ всякій часъ.
Нѣтъ нужды, что на немъ алмазы не сіяютъ:
Они лишь тяжестью своей обременяютъ;
Въ одеждѣ онъ простой свободнѣй во сто разъ.
Онъ блескомъ праздниковъ роскошныхъ не гордится
И въ дальнія моря за златомъ не стремится;
Въ бокалахъ у него не свѣтится токай,
Онъ веселъ, сытъ, здоровъ и не боится скуки.
Утѣхи мнимыя намъ обѣщаютъ рай,
А за собой несутъ раскаянье и муки.
Мудрецъ обманчивой надеждой не прельщенъ:
Онъ и душой своей, и всѣмъ обогащенъ:
Обогащенъ весны пріятными дарами,

И лѣтней жатвою, и сочными плодами;
И осень для него готовитъ виноградъ,
Растущій на холмахъ вкругъ масличной оливы.
Когда-жъ Борей валитъ пушистый снѣгъ на нивы,
Средь бурь и непогодъ, онъ будущимъ богатъ.
Судьба труды его успѣхомъ награждаетъ:
Здѣсь кравы тучныя млеко ему даютъ,
Тамъ стадо пестрое пригорокъ украшаетъ,
Источники шумятъ, и соловьи поютъ,
И пчелы передъ нимъ сокъ розъ душистыхъ пьютъ;
Онъ подъ жужжаньемъ ихъ пріятно засыпаетъ.
Въ природѣ все его увеселяетъ взоръ:
Обширныя поля и злачныя долины,
Лѣса тѣнистые, пещеры и стремнины,
И быстрый водопадъ, съ крутыхъ ревущій горъ.
Во храминѣ его живутъ утѣхи міра:
Веселье, искренность, здоровье, красота;
Тамъ встрѣча равная для богача и сира,
И совѣсть каждаго покойна и чиста.
Во храминѣ его, любови посвященной,
Нѣтъ честолюбія, коварства злаго нѣтъ,
И нѣжный въ ней пѣвецъ, природой восхищенной,
На лирѣ счастіе и радости поетъ.

8-го Января 1804 г. Парижъ.

Другъ Просвѣщенія 1804 г., ч. I. — Изъ поэмы Томсона: «Времена года».

XXXI.

КЪ ЛЮБИМЦАМЪ МУЗЪ *).

Подражаніе Горацію.

Бѣлѣютъ отъ снѣговъ угрюмыхъ горъ вершины;
Вездѣ туманъ и мракъ, покрыты рѣки льдомъ;
Унылы рощи и долины;
Гдѣ кубокъ золотой? Мы сядемъ предъ огнемъ!
Какъ хочетъ, пусть Зевесъ вселенной управляетъ!
Онъ рекъ и сотворилъ. Подвластно все ему;
Онъ громомъ, молніей играетъ;
Послушны бури, вихрь Зевесу одному.
Любимецъ Музъ счастливъ во всѣ премѣны года:
Онъ пользуется тѣмъ, что видитъ предъ собой.
Друзья, для насъ природа
И въ ужасахъ своихъ блистаетъ красотой!

---

*) Сія піеса была читана въ приватномъ обществѣ любителей словесности, въ домѣ покойнаго Михаила Матвѣевича Хераскова.

Гдѣ лиры? Станемъ пѣть. Насъ Фебъ соединяетъ:
Виргилій Россихъ странъ присутствіемъ своимъ
Къ наукамъ жаръ рождаетъ.
Кто съ музами живетъ, утѣхи вѣчно съ нимъ!
Васъ граціи давно украсили вѣнками,
Вамъ должно пѣть, друзья! И Дмитревъ, Карамзинъ
Прекрасными стихами
Плѣняютъ, учатъ насъ, а я молчу одинъ!
Нѣтъ, нѣтъ! И я хочу, какъ вы, гремѣть на лирѣ:
Лечу ко славѣ я; вашъ духъ во мнѣ горитъ,
И я извѣстенъ буду въ мірѣ!
О радость, о восторгъ! И я, и я піитъ!

Патріотъ 1804 г., т. II.—Горацій: кн. I, ода 9.

XXXII.

РАЗСУЖДЕНІЕ О ЖИЗНИ, СМЕРТИ и ЛЮБВИ.

СТИХИ НА ЗАДАННЫЯ РИѲМЫ.

Чѣмъ я начну теперь? Я вижу, что — *баранъ*
Нейдетъ тутъ ни къ чему, гдѣ риѳма — *барабанъ;*
Извѣстно вамъ, друзья, что галка не — *фазанъ,*
И что въ поэтахъ я казакъ, а не — *гетманъ,*
Но васъ душой люблю и это не — *обманъ:*
Разсмѣйтесь, я счастливъ. Послушайте — *Арманъ*
Былъ добрый человѣкъ. Что наша жизнь? — *Романъ,*
Онъ часто говорилъ. Что наша смерть? — *Туманъ.*
А лучше что всего? Биф-штексъ и — *лобарданъ.*
И если-жъ я умру, пусть трупъ мой хищный — *вранъ,*
Какъ хочетъ, такъ и ѣстъ; смерть, грозный — *великанъ,*
Уноситъ все съ собой. И дубъ, и — *маяранъ,*
И червь, и человѣкъ въ рукахъ ея — *воланъ.*
Поймаетъ вмигъ она и спрячетъ въ свой — *карманъ;*
Оттуда не уйдешь ни въ Лондонъ, ни въ — *Миланъ.*
— Арманъ мой справедливъ: смерть лютый звѣрь-*кабанъ,*
Геенна, леопардъ; могила не — *диванъ.*
Когда подумаю, что лѣзть мнѣ въ — *чемоданъ,*
Что тамъ исчезнетъ все и голова, и — *станъ,*
Поморщусь и вздрогну. Я въ — *Музулипатанъ*
Согласенъ хоть сейчасъ; пройду — *меридіанъ,*
Но пусть я буду живъ! Пусть жизни — *караванъ*
Въ дорогѣ будетъ въ вѣкъ. Французъ и — *Молдаванъ*
Твердятъ, что смерти путь и труденъ, и — *песчанъ;*
А въ жизни мило все, крапива и — *тюльпанъ.*
Живу, люблю, горю; амуровъ мнѣ — *капканъ*
Не страшенъ никогда; уродливый — *Вулканъ*

И Марсъ, и Аполлонъ, Добрыня и — *Полканъ*,
Амура чтили всѣ; стамедъ и — *тарлатанъ*,
Прекрасно все на той, которой онъ — *колчанъ*
И стрѣлы далъ свои. Амуръ — *Левіаѳанъ*, —
Въ романахъ говоритъ извѣстный—де-*Трессанъ*.
Амуръ-богъ радостей, гласитъ намъ — *Унцельманъ*,
Прекрасной вѣрю я. И грекъ, и — *музульманъ*
Готовы въ ротѣ быть, Эротъ гдѣ — *капитанъ*;
Захочетъ сильный богъ, красавецъ и — *губанъ*,
Пойду съ Темирой я въ огонь и въ — *океанъ*.
1804.

Изд. 1822 г.

XXXIII.

ЭКСПРОМПТЪ НА ПОМѢЩИКА ПЕРХУРОВА.

Онъ мѣсяцъ въ гвардіи служилъ
И сорокъ лѣтъ въ отставкѣ жилъ;
Курилъ табакъ,
Кормилъ собакъ,
Крестьянъ самъ сѣкъ,
И вотъ онъ въ чемъ провелъ свой вѣкъ.
1805.

Записки С. П. Жихарева. М. 1890, стр. 87.

XXXIV.

ЭПИГРАММА.

«Отечеству служить есть первый мой законъ»:
Твердитъ Ликастъ важнѣйшимъ тономъ.
А какъ же служитъ онъ? —
Въ танцклубѣ за бостономъ.

Московскій Зритель 1806 г., № 3.

XXXV.

ЭПИГРАММА.

Мы, право, весело здѣсь время провождаемъ:
И день, и ночь въ бостонъ играемъ,
Или всегда молчимъ, иль ближняго ругаемъ....
Такую жизнь почесть, ей Богу, можно раемъ.

Московскій Зритель 1806 г., № 4.

XXXVI.

ДОГОВОРЪ СЪ НИСОЮ.

Безъ околичностей и безъ приказныхъ словъ
Съ тобою договоръ я подписать готовъ:
Амура въ маклеры теперь же выбираю.

Однако я во всемъ порядокъ наблюдаю:
Подай перо — пишу: «Хочу на свѣтѣ жить,
«Чтобъ Нису мнѣ любить».
А ты къ тому прибавь: «Хочу его любить,
«Чтобъ могъ онъ жить».

Вѣстникъ Европы 1807 г., ч. XXXV.

XXXVII.

НА СМЕРТЬ Е. В. ХЕРАСКОВОЙ.

О, тѣнь Хераскова священна,
Утѣшься!... Въ мірѣ семъ она жила тобой!
И щедрою судьбой
Душа ея съ твоей на вѣкъ соединенна!
1807.

Вѣстникъ Европы 1809 г., ч. XLVIII.

XXXVIII.

КЪ ПИРРѢ.

ПОДРАЖАНІЕ ГОРАЦІЮ.

Quis multa gracilis te puer in rosa, etc.

Въ украшенной пещерѣ
Душистыми цвѣтами,
Кто юноша румяный,
Съ кудрявою главой,
О Пирра, принимаетъ
Въ объятія тебя?
По груди снѣжной, бѣлой,
Какъ будто ненарочно,
Власы ты распуская,
Взираешь на него.
О, юноша прекрасный,
Восплачешь скоро ты:
Недолго въ сердцѣ будешь
Прелестной Пирры жить!
Увы, наступитъ буря:
Неопытный пловецъ,
Оставленный судьбою,
Въ пучинѣ кончитъ вѣкъ!
И я, безумный, вѣрилъ,
Какъ ты, ея словамъ;
Въ прекрасномъ, думалъ, тѣлѣ
Прекрасная душа,
Но Пирра измѣнила:
Пріятный сонъ исчезъ!
Отъ гибели спасенный,
Богамъ коварныхъ волнъ
Я ризу омоченну
Въ восторгѣ посвятилъ.

Вѣстникъ Европы 1808 г., ч. XXXVIII. Кн. I, ода 5.

XXXIX.

КЪ ЛИЛЛѢ.

ПОДРАЖАНІЕ ГОРАЦІЮ.

Vitas hinnuleo me similis, Chloë, etc.

О Лилла, ты бѣжишь! Такъ серна на горахъ
За робкой матерью стремится:
Порхнетъ ли соловей въ кустахъ?
Дрожитъ — и ручейка журчанія боится;

Нечаянно ль Зефиръ явится на лугахъ,
Колѣна серна преклоняетъ;
На что неопытный свой взоръ ни обращаетъ,
Все ей наводитъ страхъ.
О Лилла, я не тигръ, воспитанный въ лѣсахъ,
Не африканскій левъ съ ужасными когтями;
Въ примѣръ возьми подругъ: онѣ въ твоихъ лѣтахъ
Не все бесѣдуютъ съ однѣми матерями.
Не утушай огня, волнующаго кровь!
Пора узнать любовь!

Вѣстникъ Европы 1808 г., ч. XXXVIII. Кн. I, ода 23.

XL.

КЪ ЛЕЗБІИ.

ПОДРАЖАНІЕ.

Ахъ, вспомни тѣ счастливы дни,
Въ которые клялась ты вѣчно быть моею!
Какъ скоро протекли они!
Ты говорила мнѣ: «Горячностью твоею
«Гордиться Лезбія должна;
«Она мнѣ болѣе и воздуха нужна:
«Дышу и украшаюсь ею!
«Съ тобой меня и Зевсъ не можетъ разлучить:
«Моя отрада въ томъ, чтобъ милаго любить!»
Притворныя слова безумца обольщали;
Казалось, боги имъ внимали.
Прелестница, я былъ обворожёнъ тобой!
Теперь исчезло все! Злосчастною судьбой
Я радостей лишенъ — твою невѣрность знаю
И не любовь мою, но счастіе теряю.

Вѣстникъ Европы 1808 г., ч. XLI.—Катуллъ: Carmen LXXII. «Ad Lesbiam».

XLI.

ЧТО ЕСТЬ ЛЮБОВЬ?

Что есть любовь?—Отрада.
Что есть любовь?—Отчаянье сердецъ,
Блаженство, скука и досада,
И жизни гибель, и вѣнецъ.

Вѣстникъ Европы 1808 г., ч. XLI. Переводъ съ французскаго.

XLII.

ЭПИГРАММА.

Змѣя ужалила Маркела.
Онъ умеръ? Нѣтъ, змѣя, напротивъ, околѣла.

Вѣстникъ Европы 1808 г., ч. XLI.—Вольтеръ: Epigramme imitée de l'anthologie.

XLIII.

ЭКСПРОМПТЪ

НА ПРЕДСТАВЛЕНІЕ «ОЛЬГИ ПРЕКРАСНОЙ».

О лютая болѣзнь! Какъ не сказать: несчастной!..
Я Ольги не видалъ Прекрасной!

Аглая 1809 г., № 2.

XLIV.

МАСОНСКІЯ ПѢСНИ.

I.

Amitié sainte et fraternelle,
Présent des Cieux, viens nous unir,
Oui, pour toi le maçon fidèle
Cherit la vie et sait mourir.
Dans cet azile du vrai bonheur,
Séjour tranquil de la candeur,
De l'indigence séchons les pleurs,
La bienfaisance touche les coeurs.
C'est l'imposture qu' il faut haïr,
L'amitié pure est plaisir.

II.

Servir, adorer sa Patrie,
C'est devoir d'un bon maçon,
Sans la vertu, sans la raison
Pour lui nul plaisir dans la vie.
Zèle ardent pour son souverain,
Son bienfaiteur, son père tendre,
Lui fait répéter ce refrain:
Vive à jamais, vive Alexandre!
De notre maître Vénérable
Nous suivons les doctes leçons;
Dans ses discours, dans ses chansons
La sagesse parait aimable.
Zèle ardent pour son souverain
Régne toujours dans son coeur,
Heureux, il chante son refrain:
Vive à jamais, vive Alexandre!
L'on dit souvent qu'on ne voit guères
Dans ce siècle de vrais amis.
Parmi nous lorsqu'on est admis,
Le coeur est bien sûr du contraire.
Gloire à jamais au souverain
Pour le bien qu'il aime à répandre.
Chantons toujour notre refrain:
Vivons, mourons pour Alexandre!

III.

De cette loge respectable
Où la vertu faît son séjour,
Vive à jamais le Vénérable
Il a des droits à notre amour.
Parmi nous dans ce jour prospère
Tout bon maçon doit être admis
Et que chacun dise à son frère:
Vivent les amis réunis!

1810.

Сочиненія С. В. Ешевскаго, ч. III. М. 1870, стр. 411 — 413.

XLV.

СКРОМНОСТЬ.

Подражаніе Парни.

Сокроемся, мой другъ, отъ солнечныхъ лучей,
Отъ шума свѣтскаго, отъ зависти людей,
Чтобъ не могли коварны очи

Восторговъ нашихъ отравить!
Не скажемъ дню мы тайны ночи—
Счастливую любовь не мудрено открыть...
О, милая Элеонора!
Я строгой матери твоей страшуся взора,
Страшуся Аргуса съ свирѣпою душой,
Который, златомъ обольщенный,
Мнѣ позволяетъ быть съ тобой.
Увы, настанетъ день—я не любовникъ твой!
Забудь ты ночи часъ блаженный,
Всѣ сладости любви, утѣхи всѣ забудь!
Въ присутствіи моемъ ты равнодушна будь:
Чтобъ розы на щекахъ прелестныхъ не играли,
Когда нечаянно ты встрѣтишься со мной;
Чтобъ красота твоя, чтобъ нѣжный голосъ твой
Меня ни мало не смущали!
Сокрой любовь свою ты въ пламенной груди
И даже на меня съ суровостью гляди!
Совѣтъ полезный, но ужасный:
Безцѣнный, милый другъ, раскаяваюсь въ немъ!
Чтобъ видѣлъ я, несчастный,
Холодность на лицѣ твоемъ....
Нѣтъ, нѣтъ! Ты не должна такъ много притворяться!
Скажу себѣ: обманъ, но буду все бояться.

1-го іюля 1810. С.-Петербургъ.
Вѣстникъ Европы 1810 г., ч. LII. Парни: «La discrètion».

XLVI.

СИМПАТІЯ.

Такъ точно! Чувство есть въ сердцахъ,
Которое одно къ другому привлекаетъ,
Въ одно мгновеніе на вѣкъ соединяетъ;
Оно во взорахъ и въ рѣчахъ
Примѣтно намъ бываетъ;
Оно меня влечетъ къ тебѣ.
Насъ согласить во всемъ хотѣлося судьбѣ:
Люблю я искренность — ты добръ, чистосердеченъ;
Люблю словесность я — ты съ музами знакомъ.
М.....въ, нашъ союзъ, конечно, будетъ вѣченъ:
Симпатія тебя должна увѣрить въ томъ.

С.-Петербургъ.
1810 г.
Аглая 1810 г., № 9.

XLVII.

КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ.

Licuit semperque licebit
Signatum praesente nota producere nomen.
Ut silvae foliis pro nos mutantur in annos,
Prima cadunt; ita verborum vetus interit aetas,
Et juvenum ritu florent modo nata vigentque.
Horat. Ars poetica.

Скажи, любезный другъ, какая прибыль въ томъ,
Что часто я тружусь день цѣлый надъ стихомъ?
Что Кондильяка я и Дюмарсе читаю,
Что логикѣ учусь и яснымъ быть желаю?
Какая слава мнѣ за тяжкіе труды?
Лишь только всякій часъ себѣ я жду бѣды:
Стихомарателей здѣсь скопище упрямо.
Не ставлю я нигдѣ ни *сѣмо*, ни *овамо*;
Я, признаюсь, люблю Карамзина читать
И въ слогѣ Дмитреву стараюсь подражать.
Кто мыслитъ правильно, кто мыслитъ благородно,
Тотъ изъясняется пріятно и свободно.
Славянскія слова таланта не даютъ,
И на Парнассъ они поэта не ведутъ.
Кто русской грамотѣ, какъ должно, не учился,
Напрасно тотъ писать трагедіи пустился;
Поэма громкая, въ которой плана нѣтъ,
Не пѣснопѣніе, но сущій только бредъ.
Вотъ мнѣніе мое! Я въ немъ не ошибаюсь
И на Горація и Депрео ссылаюсь:
Они противъ враговъ мнѣ твердый будутъ щитъ;
Разсудокъ слѣдовать примѣрамъ ихъ велитъ.
Талантъ намъ Фебъ даетъ, а вкусъ даетъ ученье.
Что просвѣщаетъ умъ? питаетъ душу? — Чтенье.
Въ чемъ увѣряютъ насъ Паскаль и Боссюэтъ,
Въ Синопсисѣ того, въ Степенной книгѣ нѣтъ.
Отечество люблю, языкъ я русскій знаю,
Но Тредьяковскаго съ Расиномъ не равняю;
И Пиндаръ нашихъ странъ тѣмъ слогомъ не писалъ,
Какимъ Боянъ въ свой вѣкъ героевъ воспѣвалъ.
Я правъ, и ты со мной, конечно, въ томъ согласенъ,
Но правду говорить безумцамъ — трудъ напрасенъ.
Я вижу весь соборъ безграмотныхъ Славянъ,
Которыми здѣсь вкусъ къ изящному попранъ,
Противъ меня теперь рыкающій ужасно.
Къ дружинѣ вопіетъ нашъ Балдусъ велегласно:

«О, братіе мои, зову на помощь васъ,
«Ударимъ на него, и первый буду азъ!
«Кто намъ грамматикѣ совѣтуетъ учиться,
«Во тьму кромѣшную, въ геенну погрузится;
«И аще смѣетъ кто Карамзина хвалить,
«Нашъ долгъ, о людіе, злодѣя истребить.»
Не бойся, говоришь ты мнѣ, о другъ почтенный,
Не бойся, мракъ исчезъ: насталъ намъ вѣкъ блаженный!
Великій Петръ, потомъ великая жена,
Которой именемъ вселенная полна,
Намъ къ просвѣщенію, къ наукамъ путь открыли,
Вѣнчали лаврами и свѣтомъ озарили.
Виргилій и Омеръ, Софоклъ и Эврипидъ,
Горацій, Ювеналъ, Саллюстій, Ѳукидидъ
Знакомы стали намъ, и къ вѣчной славѣ Россовъ
Во хладномъ сѣверѣ родился Ломоносовъ!
На лирѣ золотой Державинъ возгремѣлъ,
Безсмертную въ стихахъ безсмертныхъ онъ воспѣлъ;
Любимецъ Аонидъ и Фебомъ вдохновенный
Представилъ Душеньку въ поэмѣ несравненной.
Во вкусѣ часъ насталъ великихъ перемѣнъ:
Явились Карамзинъ и Дмитревъ-Лафонтенъ!
Вотъ чѣмъ всѣ русскіе должны гордиться нынѣ!
Хвала Великому! Хвала Екатеринѣ!
Пусть Клитъ рецензіи тисненью предаетъ,
Безумцу вопреки поэтъ всегда поэтъ.
Итакъ, любезный другъ, я смѣло въ бой вступаю;
Въ словесности расколъ, какъ должно, осуждаю.
Аристъ душою добръ, но авторъ онъ дурной
И намъ отъ книгъ его нѣтъ пользы никакой;
Въ страницѣ каждой онъ слогъ древній выхваляетъ
И русскимъ всѣмъ словамъ прямой источникъ знаетъ:
Что нужды? Толстый томъ, гдѣ зависть лишь видна,
Не есть Лагарповъ курсъ, а пагуба одна.
Въ славянскомъ языкѣ и самъ я пользу вижу,
Но вкусъ я варварскій гоню и ненавижу.
Въ душѣ своей ношу къ изящному любовь;
Творенье безъ идей мою волнуетъ кровь.
Словъ много затвердить не есть еще ученье:
Намъ нужны не слова, намъ нужно просвѣщенье.

Цвѣтникъ 1810 г., ч. VIII.

XLVIII.

КЪ Д. В. ДАШКОВУ.

En blâmant ses écrits, ai-je d'un style affreux
Distillé sur sa vie un venin dangereux?
Boileau, sat. IX.

Что слышу я, Дашковъ? Какое ослѣпленье!
Какое лютое безумцевъ ополченье!
Кто тщится жизнь свою наукамъ посвящать,
Раскольниковъ-Славянъ дерзаетъ уличать,
Кто пишетъ правильно и не варяжскимъ слогомъ —
Не любитъ русскихъ тотъ и виноватъ предъ Богомъ!
Повѣрь: слова невѣждъ пустой кимвала звукъ;
Они безумствуютъ — сіяетъ свѣтъ наукъ!
Неужель отъ того моя пострадаетъ вѣра,
Что я подъ часъ прочту двѣ сцены изъ Вольтера?
Я христіаниномъ, конечно, быть могу,
Хотя французскихъ книгъ въ каминѣ и не жгу.
Въ предубѣжденіяхъ нѣтъ святости ни мало:
Они мертвятъ нашъ умъ, и варварства начало.
Ученымъ быть не грѣхъ, но грѣхъ во тьмѣ ходить.
Невѣжда можетъ ли отечество любить?
Не тотъ къ странѣ родной усердіе питаетъ,
Кто хвалитъ все свое, чужое презираетъ;
Кто слезы льетъ о томъ, что мы не въ бородахъ,
И, бѣдный мыслями, печется о словахъ!
Но тотъ, кто, слѣдуя похвальному внушенью,
Чтитъ дарованія, стремится къ просвѣщенью;
Кто, сограждапъ любя, желаетъ славы ихъ;
Кто чуждъ и зависти, и предразсудковъ злыхъ!
Квириты храбрые полсвѣтомъ обладали,
Но общежитію ихъ Греки обучали.
Науки перешли въ Римъ гордый изъ Аѳинъ,
И славный Цицеронъ, ораторъ-гражданинъ,
Сражая Верреса, вступаясь за Мурену,
Былъ велерѣчіемъ обязанъ Демосѳену.
Виргилія училъ поэзіи Гомеръ;
Грядущимъ временамъ вѣкъ Августовъ примѣръ!
Такъ! Сынъ отечества науками гордится,
Во мракѣ утопать невѣжества стыдится,
Не проповѣдуетъ расколовъ никакихъ
И въ старинѣ для насъ не видитъ дней благихъ.
Хвалу я воздаю счастливѣйшей судьбинѣ,
О, мой любезный другъ, что я родился нынѣ!
Свободно я могу и мыслить, и дышать

И даже абіе и аще не писать.
Виргилій и Гомеръ бесѣдуютъ со мною;
Я съ возвышенною иду вездѣ главою;
Мой разумъ просвѣщенъ, и Сены на брегахъ
Я пѣлъ любезное отечество въ стихахъ.
Не улицы однѣ, не площади и домы,
Сен-Пьеръ, Делилль, Фонтанъ мнѣ были тамъ знакомы.
Они свидѣтели, что я въ землѣ чужой
Гордился Русскимъ быть, и Русскій былъ прямой.
Не грубымъ Остякомъ, достойнымъ сожалѣнья,
Предсталъ предъ ними я любителемъ ученья;
Они то видѣли, что съ юныхъ дней моихъ
Познаній я искалъ не въ именахъ однихъ;
Что съ восхищеніемъ читалъ я Ѳукидида,
Тацита, Плинія — и, признаюсь, Кандида.
Но благочестію ученость не вредитъ.
За Бога, вѣру, честь мнѣ сердце говоритъ.
Родителей моихъ я помню наставленья;
Сынъ церкви долженъ быть и другомъ просвѣщенья!
Спасительный законъ ниспосланъ намъ съ небесъ,
Чтобъ быть подпорою средь счастія и слезъ.
Онъ благо и любовь. Прочь клевета и злоба!
Безбожникъ и ханжа равно порочны оба.
Въ сужденьяхъ таковыхъ не вижу я вины:
За что жъ мы на костеръ съ тобой осуждены?
За то, что мы, любя словесность и науки,
Не вѣкъ надъ букваремъ твердили азъ и буки.
За то, что смѣемъ мы ученіе хвалить
И въ слогѣ варварскомъ ошибки находить.
За то, что мы съ тобой Лагарпа понимаемъ,
Въ расколѣ не живемъ, но по славянски знаемъ.
Что дѣлать? Вотъ нашъ грѣхъ. Я каяться готовъ.
Я, напримѣръ, твержу, что скученъ Старословъ,
Что длинныя его, сухія поученья —
Морфея даръ благій для смертныхъ усыпленья;
И если вздоръ читать пришла моя чреда,
Неужели заснуть надъ книгою бѣда?
Я каюсь, что въ рѣчахъ иныхъ не вижу плана,
Что томовъ не пишу на древняго Бояна;
Что музъ и Феба я съ Парнасса не гоню,
Писателей дурныхъ, а не людей браню.
Нашествіе Татаръ не чтимъ мы вѣкомъ славы;
Мы правду говоримъ — и слѣдственно неправы.

1811.

XLIX.

КЪ ДЕЛІЮ.

ПОДРАЖАНІЕ ГОРАЦІЮ.

Aequam memento rebus in arduis, etc.

Въ несчастіи будь твердъ, и въ счастьи не гордись!
О Делій, смертные судьбины лютой жертвы:
Сегодня живы, завтра мертвы;
Мы чада смерти всѣ. Не бойся, веселись!

Въ убѣжищѣ твоемъ, гдѣ тополь горделивый,
Сплетаясь съ ивою, несется къ облакамъ,
Гдѣ съ горъ утесистыхъ бѣжитъ ручей игривый
По зеленѣющимъ долинамъ и лугамъ —

Тамъ, въ розовомъ вѣнкѣ, друзьями окруженный,
Фалернское вино лей въ кубокъ золотой!
Подруги нѣжныя плѣняясь красотой,
Бряцай на лирѣ гимнъ, Эротомъ вдохновенный!
Ударитъ грозный часъ — и садъ прекрасный твой,
Волнами Тибра орошенный,
Великолѣпный домъ и лѣсъ уединенный,
Сокровища твои, исчезнутъ предъ тобой!

Сынъ бѣднаго отца, согбенный надъ сохою,
Рожденный въ горести, воспитанный въ трудахъ,
И правнукъ кесаря, роскошствуя въ пирахъ,
Къ Плутону всѣ пойдутъ плачевною стезёю.

Такъ, въ урнѣ роковой назначенъ жребій намъ!
Падетъ! Не будемъ зрѣть тебя, о міръ прелестный!
И рано ль, поздно ль, въ край для смертныхъ неизвѣстный
Съ Харономъ пустимся къ таинственнымъ брегамъ!

1811.

С.-Петербургскій Вѣстникъ 1812 г.—Кн. II, ода 3.

L.

КЪ П. Н. ПРИКЛОНСКОМУ.

Любезный родственникъ, поэтъ и камергеръ,
Пожалуй на досугѣ
Похлопочи о другѣ!
Ты знаешь мой манеръ:
Хозяинъ я плохой, въ большихъ разъѣздахъ вѣчно,
То въ Питерѣ живу, то въ Низовой странѣ,
И скоро проживусь, конечно:
Подъ часъ приходитъ жутко мнѣ!
Но дѣло не о томъ. Башмашникъ мой, повѣса,

Картежникъ, пьяница, въ больницу отданъ былъ,
И что жъ? Отъ доктора онъ лыжи навострилъ!
Въ тверской губерніи поиманъ среди лѣса
Въ іюнѣ мѣсяцѣ, подъ стражу тотчасъ взятъ,
И скоро по дѣламъ онъ въ рекруты назначенъ.
Я очень радъ,
Что онъ солдатъ:
Онъ молодъ, силенъ, взраченъ,
И строгій капитанъ исправитъ въ мигъ его,
Но мнѣ квитанцію взять должно за него.
Башмашника зовутъ Кузьмою,
Отецъ его былъ Фролъ, прозваньемъ Корпушовъ.
Итакъ, безъ лишнихъ словъ,
Скажу, что юному герою
Желаю лавровъ я, квитанціи—себѣ.
Въ селеніи моемъ, благодаря судьбѣ,
Хотя крестьяне пьютъ, за то трудятся, пашутъ;
Пусть съ радости поютъ и пляшутъ,
Узнавъ, что отдали въ солдаты бѣглеца,
И что остался сынъ у бѣднаго отца.
Отвѣтствуй мнѣ скорѣй иль прозой, иль стихами,
Но будь здоровъ и помни обо мнѣ!
Въ прелестной юности сдѣлавшись друзьями,
Въ какой бы ни былъ ты странѣ,
Повѣрь, что мысль моя стремится за тобою!
И если лѣтнею порою
Поѣду въ Питеръ я, останусь дни два, три
У друга моего въ Твери.
Возсяду съ лирой золотою
На волжскихъ берегахъ, крутыхъ,
И тамо съ пламенной душою
Блаженство воспою я жителей тверскихъ.

С.-Петербургскій Вѣстникъ 1812 г.

LI.

КЪ ЖИТЕЛЯМЪ НИЖНЯГО НОВГОРОДА.

Примите насъ подъ свой покровъ,
Питомцы волжскихъ береговъ!
Примите насъ, мы всѣ родные,
Мы дѣти матушки-Москвы!
Веселья, счастья дни златые,
Какъ быстрый вихрь, промчались вы!
Примите насъ подъ свой покровъ,
Питомцы волжскихъ береговъ!

Чадъ, братій нашихъ кровь дымится,
И стонетъ съ ужасомъ земля,
А врагъ коварный веселится
На башняхъ древняго кремля!
Примите насъ подъ свой покровъ,
Питомцы волжскикъ береговъ!
Святые храмы осквернились,
Сокровища расхищены,
Жилища въ пепелъ обратились,
Скитаться мы принуждены!
Примите насъ подъ свой покровъ,
Питомцы волжскихъ береговъ!
Давно ли славою блистала,
Своей гордилась красотой?
Какъ нѣжна мать насъ всѣхъ питала,
Москва, что сдѣлалось съ тобой?
Примите насъ подъ свой покровъ,
Питомцы волжскихъ береговъ!
Тебѣ-ль платить позорны дани,
Подъ игомъ пришлеца стенать?
Отмсти за насъ, Богъ сильный брани,
Не дай ему торжествовать!
Примите насъ подъ свой покровъ,
Питомцы волжскихъ береговъ!
Погибнетъ онъ! Москва возстанетъ!
Она и въ бѣдствіяхъ славна;
Погибнетъ онъ! Богъ Русскихъ грянетъ!
Россія будетъ спасена.
Примите насъ подъ свой покровъ,
Питомцы волжскихъ береговъ!

1812 года.
Сентября 20 дня.
Нижній-Новгородъ

Вѣстникъ Европы 1815 г., ч. LXXXIII.

LII.

КЪ Е. Ѳ. САЛМАНОВОЙ.

Когда, отъ лютаго врага
Судьбою занесенный
На волжскіе брега,
Элизу я узналъ, тогда, о дерзновенный,
На лирѣ я хотѣлъ, давно забытой мной,
Воспѣть и власть любви, и сердца восхищенье!
Но Фебъ, еще ко мнѣ имѣя сожалѣнье,
«Молчи—тебѣ-ль», сказалъ, «плѣняться красотой?

«Пусть юные пѣвцы Элизу воспѣваютъ:
«Будь твердъ и береги себя!
«Счастливцевъ розами прелестницы вѣнчаютъ;
«Удѣлъ ихъ нравиться, а твой—молчать любя».
Вѣстникъ Европы 1814 г., ч. LXXIV.

LIII.

КЪ Д. В. ДАШКОВУ.

Мой милый другъ, въ странѣ,
Гдѣ Волга наровнѣ
Съ брегами протекаетъ
И, съединясь съ Окой,
Всю Русь обогащаетъ
И рыбой, и мукой,
Я пресмыкаюсь нынѣ.
Угодно такъ судьбинѣ,
Что дѣлать? Я молчу.
Живу, не какъ хочу,
Какъ богъ велитъ — и полно!
Рѣзвился я довольно,
Съ амурами игралъ
И ужины давалъ,
И грацій я прелестныхъ,
Въ Петрополѣ извѣстныхъ,
На лирѣ воспѣвалъ;
Четверкою лихою,
Каретой дорогою
И всѣмъ я щеголялъ!
Диваны и паркеты,
И бронзы, и кенкеты,
Какъ прочіе, имѣлъ:
Транжирить я умѣлъ!
Теперь предъ цѣлымъ свѣтомъ
Могу и я сказать,
Что я живу поэтомъ:
Рублевая кровать,
Два стула, столъ дубовый,
Чернилица, перо—
Вотъ все мое добро!
Иному тузъ бубновый
Сокровища несетъ
И умъ, и все даетъ;
Я въ карты не играю,
Бумагу лишь мараю:
Бѣды въ томъ право нѣтъ!
Пусть юный нашъ поэтъ,
Извѣстный сочинитель,
Мой Аристархъ, гонитель,
Стихи мои прочтетъ,
Въ сатиру ихъ внесетъ
И тотчасъ полнымъ клиромъ
Ученѣйшихъ писцовъ,
Поэмъ и одъ творцовъ,
Онъ будетъ Кантемиромъ
Воспѣтъ, провозглашенъ
И въ чинъ произведенъ
Сотрудника дружины:
Для важныя причины
И почести такой
И покривить душой
Простительно, конечно.
Желаю я сердечно,
Чтобъ новый Ювеналъ
Сатиры наполнялъ
Не бранью лишь одною,
Но вкусомъ, остротою;
Чтобъ свѣтъ онъ лучше зналъ!
Обогащать журналъ
Чтобъ онъ не торопился;
Но болѣе-бъ читалъ
И болѣе учился!
Довольно; мнѣ бранить
Зоиловъ нѣтъ охоты!
Пришли труды, заботы:
Мой другъ, я ѣду жить
Въ тотъ край уединенный,
Батый гдѣ въ старину
Жестокій, дерзновенный
Велъ съ Русскими войну.
Скажи, давно ли нынѣ,

Не зная мѣръ гордынѣ
И алчности своей,
Природы бичъ, злодѣй
Пришелъ съ мечемъ въ столицу,
Мать русскихъ городовъ?
Но Богъ простеръ десницу,
Возсталъ... и нѣтъ враговъ!
Отечества спаситель,
Смоленскій князь, герой
Былъ ангелъ-истребитель,
Ниспосланный судьбой!
Бардъ Сѣвера, воспой
Хвалу дѣяньямъ чуднымъ!
Но, ахъ! сномъ непробуднымъ
Вождь храбрыхъ русскихъ силъ
На лаврахъ опочилъ.
Вѣрь мнѣ, что я въ пустынѣ
Хочу, скрываясь нынѣ,
Для дружбы только жить!
Амуру я служить
Отрекся по неволѣ:
Въ моей-ли скучной долѣ
И на закатѣ дней
Гоняться за мечтою?
Ты знаешь, лишь весною
Пѣть любитъ соловей!
Досель и я цвѣтами
Прелестницъ украшалъ;
Всему конецъ, съ слезами:
Прости, любовь, сказалъ,
Сердецъ очарованье,
Отрада, упованье
Тибулловъ молодыхъ!
Жуковскій, другъ Свѣтланы,
Харитами вѣнчанный,
И милыхъ ларъ своихъ
Пѣвецъ замысловатый
Амуру гимнъ поютъ,
И богъ у нихъ крылатый
Нашелъ себѣ пріютъ;
А я, забытый въ мірѣ,
Пою теперь на лирѣ
Блаженство прежнихъ дней,
И дружбою твоей
Живу и утѣшаюсь!
Къ надеждѣ прилѣпляюсь,
Погоды лучшей жду.
Бѣда не все бѣду
Родитъ, и послѣ горя
Летитъ веселье къ намъ!
Неужели пѣвцамъ
Въ волнахъ свирѣпыхъ моря
Всѣмъ гибнуть, и бреговъ
Не зрѣть благополучныхъ?
Неужель власть боговъ
Превратностей лишь скучныхъ
Велитъ мнѣ жертвой быть,
Томиться, слезы лить?
Мой милый другъ, конечно,
Несчастіе не вѣчно,
Увидимся съ тобой!
За чашей круговой,
Рукой ударивъ въ руку,
Печаль забудемъ, скуку
И будемъ ликовать;
Не должно унывать,
Вотъ твой совѣтъ полезный:
Терпѣніе, любезный!

Вѣстникъ Европы 1814 г., ч. LXXIV.

LIV.

КЪ М. А. ВОЛКОВОЙ.

Чтобъ всѣхъ плѣнять собою,
Марія рождена.
Что такъ мила она,
Грозитъ мнѣ то бѣдою:
Мнѣ слишкомъ сорокъ лѣтъ,
Родился рано я на свѣтъ.
Подобно Терпсихорѣ,
Летаетъ всѣхъ милѣй.
Мнѣ не поспѣть за ней,
Вотъ то-то мое горе:
Мнѣ слишкомъ сорокъ лѣтъ,
Родился рано я на свѣтъ.

Орфеевымъ искусствомъ
Прельщаетъ и дивитъ;
Но голосъ мой дрожитъ,
Я молодъ только чувствомъ:
Мнѣ слишкомъ сорокъ лѣтъ,
Родился рано я на свѣтъ.

Счастливъ, кого рѣшится
Она въ друзья избрать;
Кому съ рукою дать
И сердце согласится:
Мнѣ слишкомъ сорокъ лѣтъ,
Родился рано я на свѣтъ.

1814.

Вѣстникъ Европы 1874 г., № 10, стр. 563.

LV.

ЭПИГРАММА.

Прославился хозяйствомъ Титъ;
Убытку въ домѣ онъ не терпитъ никакого:
И ѣстъ, и пьетъ, и говоритъ
Всегда на счетъ другого.

Пантеонъ русской поэзіи 1814 г., ч. I.

LVI.

ЭПИГРАММА.

Пріятель нашъ Ликастъ
Надъ сочиненьями трудится и потѣетъ;
Но онъ писать стиховъ, къ несчастью, не умѣетъ,
А прозой—не горазд.

Вѣстникъ Европы 1814 г., ч. LXXV. Lebrun: «En prose, en vers, Lubin compose».

LVII.

ЭПИГРАММА.

Панкратій, откупщикъ богатый,
Не спорю, любитъ барыши;
За то, какъ онъ живетъ! Огромныя палаты,
Французы повара, турецкіе халаты,
Домъ чаша полная! Нѣтъ одного—души.

Вѣстникъ Европы 1814 г., ч. LXXVI.

LVIII.

ЭПИГРАММА.

Возможно-ли, скажи, чтобъ нѣжная Людмила
Невинность сохранила?
Какъ ей избавиться отъ козней сатаны?
Противъ нея любовь и деньги, и чины.

Вѣстникъ Европы 1814 г., ч. LXXVI.

LIX.

COUPLETS.

Messieurs, nous sommes à Paris,
Les Russes sont honnêtes;
Vous avez vu notre pays,
Nous allons voir vos fêtes,
La tragédie, et les ballets,
Brunet, le vaudeville,
Et nous vous ferons des couplets.
Sans brûler votre ville.
Au Gros-Gaillou, nos chers amis,
Nous nous rendrons sans faute,
Boir à longs traits, du bon Chablis,
Manger la Matelotte.

Livrez-nous tous vos arsenaux,
Sans crainte de surprises;
Vous ne verrez point nos chevaux,
Messieurs, dans vos églises.
Qu'ils sont jolis vos boulevards,
Et vos Champs-Elisées!
Nous aimons aussi les beaux-arts,
Montrez-nous vos musées.
Soyez bien sûrs que de Paris,
Nous connaissons la carte,
Allons, la paix! Vive Louis
Et point de Bonaparte!

Le Conservateur Impartial 1814 г., № 102.

LX.

КЪ КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Quand je pense au dégoût que les poétes ont à essuyer, je m'étonne qu'il y en ait d'assez hardis pour braver l'ignorance de la multitude, et la censure dangereuse des demi-savans qui corrompent quelquefois le jugement du public.

Le Sage.

Какъ трудно, Вяземскій, въ плачевномъ нашемъ мірѣ
Всѣмъ людямъ нравиться, ихъ вкусу угождать!
Почтенный Карамзинъ, на сладко-звучной лирѣ,
Въ прекраснѣйшихъ стихахъ воспѣлъ святую рать,
Паденіе врага, царя Россіи славу,
Героевъ подвиги и радость всѣхъ сердецъ:
Какой же получилъ любимецъ музъ вѣнецъ?
Онъ, вкуса слѣдуя и разума уставу,
Всѣ чувствія души въ восторгѣ изливалъ,
Какъ другъ отечества и какъ поэтъ писалъ:
Но многіе ль, скажи, цѣнить талантъ умѣютъ?
О горе, горе намъ отъ мнимыхъ знатоковъ!
Судилище ума — собранье чудаковъ,
И въ праздности сердца къ изящному хладѣютъ.

Давно ли, шествуя Корнелію во слѣдъ,
Поэтъ чувствительный, питомецъ Мельпомены,
Творецъ Димитрія, Фингала, Поликсены,
На Сѣверѣ блисталъ?.... и Озерова нѣтъ!
Завистниковъ невѣждъ онъ учинился жертвой;
Въ уединеніи стенящій, полумертвой,
Успѣхи онъ свои и лиру позабылъ!

О, зависть лютая, дщерь ада, крокодилъ,
Ты въ изступленіи достоинства караешь,
Слезами, горестью питаешься другихъ,
Въ безумцахъ видишь ты прислужниковъ своихъ
И, просвѣщенья врагъ, таланты унижаешь!

И я на лирѣ пѣлъ, и я стихи любилъ,
Въ бесѣдѣ съ музами блаженство находилъ,
Свой умъ обогащать ученіемъ старался,
И, виноватъ, подъ-часъ, въ посланіяхъ моихъ,
Я надъ невѣжествомъ и глупостью смѣялся;
Желанья моего я цѣли не достигъ:
Врали не перестаютъ злословить дарованья,
Печатать вздорныя свои иносказанья
И въ публикѣ читать на перекоръ уму
Похвальныхъ кучу одъ, негодныхъ ни къ чему!

Итакъ, я сталъ лѣнивъ и празденъ по неволѣ.
Враговъ я не найду въ моей безвѣстной долѣ;
Пусть льются тамъ стихи нелѣпые рѣкой,
Нѣтъ нужды: мнѣ всего любезнѣе покой.
Но, отъ учености къ забавамъ обращаясь,
Давно ли, славою мы русской восхищаясь,
Торжествовали здѣсь желанный всѣми миръ?
И тутъ мы критиковъ, мой другъ, не удержали:
При блескѣ празднества, при звукѣ громкихъ лиръ,
Зоилы подвигъ нашъ и рвенье осуждали:
Искусство, пышность, вкусъ и прелестей соборъ —
Все сдѣлалось виной ихъ споровъ и укоръ!

Не угодишь ничѣмъ умамъ, покрытымъ тьмою,
И, право, не грѣшно смѣяться надъ молвою!
Какой-то новый Крезъ, свой написавъ портретъ,
Обжорливыхъ друзей къ обѣду приглашаетъ:
Богатымъ искони ни въ чемъ отказа нѣтъ.
Друзья съѣзжаются, хозяинъ ожидаетъ,
Что будутъ славнаго художника хвалить,
Извѣстнаго давно искусствомъ, дарованьемъ;
Но сборище льстецовъ кричитъ съ негодованьемъ,
И точно думая тѣмъ Крезу угодить,
Что въ образѣ его малѣйшаго нѣтъ сходства,
Нѣтъ живости въ лицѣ, улыбки, благородства.
Послушный Апеллесъ беретъ портретъ домой.
Чрезъ мѣсяцъ нашъ Лукуллъ даетъ обѣдъ другой;
Друзья опять на судъ. Дворецкій объявляетъ,
Что баринъ нужнаго курьера отправляетъ

И проситъ подождать. Садятся всѣ кругомъ;
О мирѣ, о войнѣ вступаютъ въ разговоры;
Европу раздѣливъ, политики потомъ
На трудъ художника свои бросаютъ взоры.
«Портретъ — рѣшили всѣ — «не стоитъ ничего:
«Прямой уродъ, Эзопъ, носъ длинный, лобъ съ рогами,
«И долгъ хозяина предать огню его!»
— «Мой долгъ не уважать такими знатоками
(О чудо! говоритъ картина имъ въ отвѣтъ):
«Предъ вами, господа, я самъ, а не портретъ!»
Вотъ нашихъ критиковъ, мой другъ, изображенье!
Оставимъ имъ въ удѣлъ упрямство, ослѣпленье.
Повѣрь, мы счастливы, умѣя даръ цѣнить,
Умѣя чувствовать и сердцемъ говорить!
Съ тобою жизни путь украсимъ мы цвѣтами:
Жуковскій, Батюшковъ, Кокошкинъ и Дашковъ
Явятся вечеркомъ насъ услаждать стихами;
Воейковъ пропоетъ твои куплеты съ нами
И острой насмѣшитъ сатирой на глупцовъ;
Шампанское въ бокалъ пѣнистое польется
И громкое *ура* веселью разнесется.

Россійскій Музеумъ 1815 г., ч. I.

LXI.

ПѢСНЯ.

Не пеняй мнѣ, что съ тобою
Я задумчивъ и унылъ;
Я давно, любя душою,
Страсть свою въ душѣ таилъ.
Въ юныхъ лѣтахъ я смѣлѣе
Могъ признаться и любить;
Я теперь люблю нѣжнѣе,
Но могу-ль счастливымъ быть?
Вечеръ жизни наступаетъ;
Сердце то же — я не тотъ:
Солнце въ осень хоть сіяетъ,
Лугъ зеленый не цвѣтетъ.

Ты мила... о томъ ни слова:
Все покорствуетъ тебѣ;
Но полюбишь ты другова
И не вспомнишь обо мнѣ!
Юность рѣзвая, златая,
Прелесть жизни и любви!
Ахъ, зачѣмъ ты, исчезая,
Оставляешь огнь въ крови?
Грустно тщетнымъ ожиданьемъ
Душу страстную томить,
Жить однимъ воспоминаньемъ
И въ безмолвіи любить!

Россійскій Музеумъ 1815 г., ч. I.

LXII.

НА СЛУЧАЙ ШУТКИ А. М. ПУШКИНА,

КОТОРЫЙ УТВЕРЖДАЛЪ, ЧТО Я УМЕРЪ.

Однофамилецъ мой, я слышу, утверждаетъ,
Что я оставилъ бѣлый свѣтъ,

Что думать здѣсь никто о мертвомъ не желаетъ,
И что красавицамъ во мнѣ и нужды нѣтъ.
Не спорю и, вздохнувъ, скажу чистосердечно:
Обманывать людей, я знаю, тяжкій грѣхъ,
Что умеръ я давно для шума и утѣхъ,
И что Амуръ ко мнѣ не милостивъ, конечно.
Я умеръ для бесѣдъ, гдѣ карточной игрой
Здоровье, разговоръ и время убиваютъ;
Я умеръ и для тѣхъ, гдѣ ближнихъ въ часъ иной
Поносятъ и ругаютъ.
Но я живу еще для искреннихъ друзей,
Душѣ и сердцу милыхъ;
Живу еще для музъ, и въ хижинѣ моей
Не знаю скуки я, не вижу дней унылыхъ.
Съ спокойной совѣстью быть можно одному!
Молчу по суткамъ — и мечтаю.
Я счастья всякому желаю,
А зла, Богъ видитъ, никому.
Къ чему мнѣ пышные обѣды,
Гдѣ въ винахъ дорогихъ купаютъ стерлядей?
Живу для мирныя, пріятныя бесѣды
И добрыхъ, ласковыхъ людей.
Однофамилецъ мой, какъ хочетъ, разсуждаетъ;
Но, вопреки словамъ его,
Въ душѣ своей онъ точно знаетъ,
Что жить еще хочу, и живъ я для него.

Россійскій Музеумъ 1815 г., ч. II.

LXIII.

ЛЮБЛЮ и НЕ ЛЮБЛЮ.

Люблю я многое, конечно,
Люблю съ друзьями я шутить,
Люблю любить я ихъ сердечно,
Люблю шампанское я пить,
Люблю читать мои посланья,
Люблю я слушать и другихъ,
Люблю веселыя собранья,
Люблю красавицъ молодыхъ.
Надъ ближнимъ не люблю смѣяться,
Невѣждъ я не люблю хвалить,
Славянофиламъ удивляться,
Къ вельможамъ на поклонъ ходить.
Я не люблю людей коварныхъ
И гордыхъ не люблю глупцовъ,
Похвальныхъ словъ высокопарныхъ
И плоскихъ, скаредныхъ стиховъ.
Люблю по модѣ одѣваться
И въ обществахъ пріятныхъ быть.
Люблю любезнымъ я казаться,
Расина наизусть твердить.
Люблю Державина творенья,
Люблю я «Модную жену»,
Люблю для сердца утѣшенья
Хвалу я пѣть Карамзину.
Въ собраньяхъ не люблю нахаловъ,
Подагрой не люблю страдать,
Я глупыхъ не люблю журналовъ,
Я въ карты не люблю играть,

И нашихъ Квинтильяновъ мнимыхъ
Сужденій не люблю я злыхъ;
Сердецъ я не люблю строптивыхъ,
Актеровъ не люблю дурныхъ.
Я въ хижинѣ моей смиренной,
Гдѣ столько горя и заботъ,
Подъ-часъ, Амуромъ вдохновенной,
Люблю пѣть грацій хороводъ;
Люблю предъ милыми друзьями
Свою я душу изливать
И юность рѣзвую съ слезами
Люблю въ стихахъ воспоминать.

Россійскій Музеумъ 1815 г., ч. II.

LXIV.

РОМАНСЪ.

Тамъ, далеко, за горами,
Нина съ Лизой молодой,
Въ алыхъ лентахъ и съ цвѣтами,
Шли путемъ рука съ рукой.
Старецъ съ длинной бородою
Въ слѣдъ кричитъ: «Счастливый путь!» —
«Добрый старецъ, Богъ съ тобою!
«Насъ въ молитвахъ не забудь!
«Сердце часто предвѣщаетъ
«Иль бѣды, иль счастье намъ.
«Солнце скрылось. Наступаетъ
«Темна ночь. Ахъ, горе намъ!»
Воздохнувъ, сказала Нина,
Слезка капнула на грудь:
«Умереть—моя судьбина:
«Ты подруги не забудь!»
Вдругъ несутся черны тучи,
Дубъ столѣтній затрещалъ;
Воетъ страшно лѣсъ дремучій,
Сводъ небесный запылалъ.
«Горе!» Нина повторяетъ:
«Горе мнѣ—часъ смерти бьетъ!»
Съ головы цвѣтокъ срываетъ
И подругѣ отдаетъ.
«Будь, цвѣточекъ мой, залогомъ
«Нѣжной, искренней любви!
«Я предстану передъ Богомъ;
«Лиза, счастливо живи!» —
Громъ ударилъ надъ горою:
Нина пала на утесъ,
И кипящею волною
Водопадъ ее унесъ.
Вѣтеръ буйный утихаетъ,
И печальная луна
Лѣсъ и горы освѣщаетъ.
Лиза, въ трепетѣ, одна,
Смотритъ на нее уныло,
Надъ цвѣточкомъ слезы льетъ—
И съ тѣхъ поръ цвѣточекъ милой
Незабудочкой слыветъ.

Россійскій Музеумъ 1815 г., ч. II.—Мильвуа: «La fleur du souvenir».

LXV

ЭПИГРАММА.

Какой учтивецъ сталъ Дамонъ!
Что за диковинка? — Теперь въ отставкѣ онъ.

1815.

Собраніе образцовыхъ русскихъ сочиненій 1816 г., ч. V.

LXVI.

ХОРЪ НА СЛУЧАЙ ТОРЖЕСТВА ВЪ БЛАГОРОДНОМЪ СОБРАНІИ.

Не побѣды алчной брани,
День мы радости поемъ;
Простирая къ небу длани,
Молимъ о царѣ своемъ.

Александръ, твое рожденье—
Счастья нашего залогъ!
Дерзкихъ хищниковъ смиритель,
Честь полунощной страны,
Онъ и чуждыхъ покровитель,
Имъ всѣ царства спасены.
Александръ, твое рожденье
Есть вселенны торжество!
Къ трону вѣрностью, любовью
Вѣчно славилась Москва,
И, враговъ омывшись кровью,
Вознеслась ея глава,
И отъ сѣвера на западъ
Тучи мрачны пронеслись.
Язвъ глубокихъ исцѣленье—
Миръ надежный настаетъ;
Царствъ второе провидѣнье,
Александръ его даетъ.
Всѣ текутъ единодушно
Подъ благій покровъ царя.
Благоденствуй, побѣдитель
Въ браняхъ, съ кроткою душой,
Правъ, законовъ утвердитель,
Миротворецъ и герой!
Александръ, твое рожденье
Есть вселенны торжество!

1815.

LXVII.

КЪ АРЗАМАСЦАМЪ.

Cujus autem aures veritati clausae, ut ab amico
verum audire nequeant, hujus salus desperanda est.
Cicero.

Я грѣшенъ. Видно мнѣ кибитка не Парнассъ;
Но строгъ, несправедливъ карающій вашъ гласъ,
И бѣдные стихи, плодъ шутки и дороги,
По мнѣнью моему, не стоили тревоги.
Просодіи въ нихъ нѣтъ, нѣтъ вкуса — виноватъ!
Но вы передо мной виновнѣе стократъ.
Разборъ, повѣрьте мнѣ, столь ѣдкій, не услуга:
Я слухъ вашъ оскорбилъ, вы оскорбили друга.
Вы вспомните о томъ, что первый, можетъ быть,
Осмѣлился глупцамъ я правду говорить;
Осмѣлился сказать хорошими стихами,
Что авторъ безъ идей, трудяся надъ словами,
Останется всегда невѣждой и глупцомъ.
Я злаго Гашпара убилъ однимъ стихомъ,
И, гнѣва не боясь варяговъ безпокойныхъ,
Въ восторгѣ я хвалилъ писателей достойныхъ!
Неблагодарные! О томъ забыли вы,
И нынѣ, не щадя сѣдой моей главы,
Вы издѣваетесь безчинно надо мною;
Довольно и безъ васъ я былъ гонимъ судьбою!
Въ дурныхъ стихахъ большой не вижу я вины;
Пріятели беречь пріятеля должны.
Я не обидѣлъ васъ. Въ душѣ моей незлобной,
Лишь къ пламенной любви и дружеству способной,
Не приходила мысль надъ другомъ мнѣ шутить!

Съ прискорбіемъ скажу, что прибыли любить?
Здѣсь острое словцо пріязни всей дороже,
И дружество почти на ненависть похоже.
Но, Боже сохрани, чтобъ точно думалъ я,
Что въ наши времена не водятся друзья!
Нѣтъ, бурныхъ дней моихъ на пасмурномъ закатѣ,
Я истинно счастливъ, имѣя друга въ братѣ!
Сердцами сходствуемъ: онъ точно я другой;
Я горе съ нимъ дѣлю, онъ радости со мной.
Благодарю судьбу! Чего желать мнѣболѣ?
Проказничать, шутить, смѣяться въ вашей волѣ.
Вы все любезны мнѣ, хоть я на васъ сердитъ;
Намъ быть въ согласіи самъ Аполлонъ велитъ.
Прямая наша цѣль есть польза, просвѣщенье,
Богатство языка и вкуса очищенье;
Но должно ли шутя о пользѣ разсуждать?
Глупцы не престаютъ возиться и писать,
Дурачить Талію, ругаться Мельпоменѣ:
Смѣемся мы тайкомъ — они кричатъ на сценѣ.
Нѣтъ, явною войной искоренимъ враговъ!
Я вѣрный вашъ собратъ и дѣйствовать готовъ;
Ихъ оды жалкія, забавныя ихъ драмы,
Похвальныя слова, поэмы, эпиграммы,
Конечно, не уйдутъ отъ критики моей:
Невѣждъ учить люблю и уважать друзей.
1816.

Изд. 1822 г.

LXVIII.

ЭЛЕГІЯ.

Летятъ какъ вихрь веселій годы;
Прелестной юности ничто не замѣнитъ.
Законъ могущія природы
Все рушитъ и страдать намъ въ старости велитъ.

Давно-ль подъ тѣнью липъ вѣтвистыхъ
Любовь на лирѣ я бряцалъ?
Давно-ль вѣнки изъ розъ душистыхъ
И я красавицамъ сплеталъ?

Любилъ и жизнью наслаждался,
Любилъ и, можетъ быть, я нравиться умѣлъ:
Къ устамъ, трепещущій, устами прикасался,
Желалъ, надѣялся, пылалъ и леденѣлъ.

Гдѣ вы, дни радости, восторговъ, упоенья?
Сокрылись...и мечты вы унесли съ собой:

Въ блестящихъ обществахъ, въ тиши уединенья,
Ничто не дѣйствуетъ надъ мрачною душой.

Поэзія, и ты забыта мною нынѣ!
Кого мнѣ пѣть? Предъ кѣмъ мнѣ чувства изливать?
Живу я безъ надеждъ и, въ горестной судьбинѣ,
Любить еще могу, но долженъ я молчать.

О, дружба, будь моимъ щитомъ и наслажденьемъ!
Ты счастіе даришь и не сулишь оковъ.
Безцѣнный даръ небесъ, ты служишь утѣшеньемъ,
Когда отъ насъ летитъ крылатая любовь!

Труды Общества любителей росс. словесности 1816 г., ч. V.

LXIX.

ОТВѢТЪ ИМЕНИННИКА НА ПОЗДРАВЛЕНІЕ ДРУЗЕЙ.

Стихотворецъ я смиренный
И судьбою угнетенный,
Старъ и дряхлъ я становлюсь
И, любя, любви боюсь.
Красота меня плѣняетъ;
Я молчу—тайкомъ вздыхаетъ
Сердце, милые друзья,
Жалкій именинникъ я!

Вы всѣ молоды, здоровы;
Всякій часъ утѣхи новы
И веселія для васъ:
Я сѣдѣю всякій часъ.
Праздновать мое рожденье
Для меня не утѣшенье:
Старъ я, милые друзья,
Жалкій именинникъ я!

Графъ Толстой и князь Гагаринъ,
Нашъ Остафьевскій бояринъ*),
Ржевскій, Батюшковъ-Парни,
Разцвѣтаютъ ваши дни!
Вамъ все шутки—мнѣ-жъ все горе,
И моя подагра вскорѣ
Ушибетъ меня, друзья,
Жалкій именинникъ я!

Нынѣ мнѣ весна не въ радость:
Улетѣли счастье, младость,
Улетѣла и любовь!
Молодымъ не будешь вновь.
Жизнь мнѣ тягость, не веселье—
Скоро быть на новосельѣ;
Вамъ поклонъ, мои друзья,
Жалкій именинникъ я!

Но хоть старость угнетаетъ,
Сердце Вѣра утѣшаетъ,
И печать ея со мной!**)
Часъ не страшенъ роковой
Никому, кто дышетъ Вѣрой
И все прочее химерой
Чтитъ, любезные друзья,
Славный именинникъ я!

1816.
Изд. 1822 г.

LXX.

КЪ ГРАФУ Ѳ. И. ТОЛСТОМУ.

Что дѣлать, милой мой Толстой?
Обѣдать у тебя никакъ мнѣ не возможно:

---

*) Остафьево—село, принадлежащее князю Петру Андреевичу Вяземскому.
**) Княгиня Вѣра Ѳедоровна Вяземская мнѣ подарила печать.

Страдать подагрою мнѣ велѣно судьбой,
А съ нею разъѣзжать совсѣмъ неосторожно!
Проклятый Эскулапъ кричитъ, что быть бѣдѣ,
Совѣтовъ если я его не буду слушать,
И говоритъ: «Извольте кушать
«Въ Нѣмецкой слободѣ!
«Съ больными, пухлыми ногами
«Вамъ непристойно быть въ гостяхъ!
«Смотрите: за плечами
«Стоитъ курносая съ косою на часахъ —
«Махнетъ... прощайтесь съ стерлядями,
«Съ виномъ шампанскимъ и съ стихами!
«Не лучше-ль грозную на время удалить
«И съ нами, хоть годокъ, пожить?»
Суровый видъ врача, совѣтъ его полезный,
Подагра болѣе всего
Велятъ мнѣ дома быть. Ты не сердись, любезный!
Я плачу, что лишенъ обѣда твоего.
Почтенный Лафонтенъ, нашъ образецъ, учитель,
Любезный Вяземскій, достойный Феба сынъ,
И Пушкинъ, балагуръ, стиховъ моихъ хулитель,
Которому Вольтеръ лишь нравится одинъ,
И пола женскаго усердный почитатель,
Пріятный и въ стихахъ, и въ прозѣ нашъ писатель,
Князь Шаликовъ, съ тобой всѣ будутъ пировать:
Какъ мнѣ не горевать?
Вы будете, друзья, и пить и забавляться,
И спорить и смѣяться,
А я сидѣть одинъ, съ поникшей головой,
И къ вамъ лишь мыслями, увы, переноситься!
Горацій намъ твердитъ: «Часъ близокъ роковой —
«Спѣшите насладиться!»
Но Августовъ пѣвецъ подагры не имѣлъ
И всѣмъ, что въ жизни, наслаждался:
Онъ Пирру, Хлою пѣлъ
И въ сладостныхъ стихахъ философомъ являлся;
А мнѣ не до того:
Я мудрости такой и дара не имѣю;
Здоровье для утѣхъ нужнѣе намъ всего,
И только я теперь его цѣнить умѣю.

1816.
Изд. 1822 г.

LXXI.

НАДПИСЬ КЪ ПОРТРЕТУ В. А. ЖУКОВСКАГО.

Онъ сталъ извѣстенъ самъ собою;
На лирѣ онъ любовь, героевъ воспѣваетъ;
Любимецъ музъ соединяетъ
Прекраснѣйшій талантъ съ прекраснѣйшей душой.

Вѣстникъ Европы 1817 г., ч. XCII.

LXXII.

КЪ ГРАФИНѢ С. А. МУСИНОЙ-ПУШКИНОЙ

ПРИ ДОСТАВЛЕНИИ СТИХОВЪ.

Въ стихахъ баллады любишь ты —
Желанье исполняю:
Жуковскаго тебѣ мечты,
Дѣвъ Спящихъ, посылаю.
Въ кругу родныхъ, друзей садись
И въ вечеръ имъ осенній
Читай поэму; не страшись
Ни сновъ, ни привидѣній!
Искуснымъ чтеньемъ украшай
Поэта дарованье
И нѣжнымъ голосомъ вселяй
Въ сердца очарованье!
Для васъ, красавицъ, мы беремъ
Златыя лиры въ руки
И отъ прелестныхъ взоровъ ждемъ
Иль радости, иль муки.
Для васъ Жуковскій сталъ поэтъ;
Онъ пѣлъ любовь и славу:
И я теперь, подъ старость лѣтъ,
Пою тебѣ въ забаву!

1817.

Изд. 1822 г.

LXXIII.

РАЗГОВОРЪ ГОРАЦІЯ СЪ ЛИДІЕЙ.

ПОДРАЖАНІЕ.

Donec gratus eram tibi, etc.

ГОРАЦІЙ.

Когда я былъ любимъ тобою,
Когда увѣренъ былъ я въ нѣжности твоей,
Кто равенъ былъ со мною?
Я былъ довольнѣе вельможей и царей!

ЛИДІЯ.

Когда душой и сердцемъ я владѣла,
Когда плѣнялся ты моею красотой,
Когда соперницей я Хлою не имѣла,
Я Иліи была счастливѣе судьбой!

ГОРАЦІЙ.

Пріятнымъ голосомъ обворожаетъ Хлоя,
Мнѣ весело ее любить!
Безъ Хлои для меня нѣтъ счастья, ни покоя;
Я умереть готовъ, чтобъ дни ея продлить.

ЛИДІЯ.

Калаисъ юный ждетъ отрады,
Утѣхъ и счастія отъ взора моего;
За вѣрность и любовь достоинъ онъ награды:
Я жизнь свою отдать согласна за него.

ГОРАЦІЙ.

Но если-бъ, съ сердцемъ воздыхая,
Тобою, Лидія, я восхищался вновь,
И, связь постыдную на вѣки разрывая,
Тебѣ я возвратилъ всю прежнюю любовь?

ЛИДІЯ.

Хотя Калаисъ занятъ мною
И страстью нѣжною клянется въ вѣкъ горѣть,
Хотя невѣренъ ты!.. Но я хочу съ тобою
И жить, и умереть!

1817

Труды Общества любителей росс. словесности 1818 г., ч. X.—Горацій: кн. III, ода 9.

LXXIV.

КЪ АПОЛЛОНУ

ПОДРАЖАНІЕ ГОРАЦІЮ.

Quid dedicatum poscit Appollinem, etc.

Какого счастія желаетъ,
О, Аполлонъ, питомецъ твой,
Когда онъ въ честь твою изъ чаши изливаетъ
Вино усердною рукой?
Не проситъ камней онъ индійскихъ драгоцѣнныхъ,
Ни жатвъ Сициліи роскошныхъ береговъ;
Не проситъ сочныхъ онъ плодовъ
Странъ, тихою волной Мериса орошенныхъ.
Въ чапы дубовые сбирая виноградъ,
Пусть хвалится судьбой владѣющій садами!

Богатство получивъ за дальними морями,
Пусть счастливый пловецъ, средь нѣги и прохладъ,
Съ друзьями время провождаетъ
И кубокъ золотой
Съ виномъ фалернскимъ осушаетъ!
Да будетъ онъ хранимъ судьбой,
Да корабли его, несомые волнами,
Безъ опасенья бурь чрезъ океанъ текутъ
И перлы въ дань ему, и яхонты несутъ!
А я, подъ тѣнь древесъ, Минервѣ посвященныхъ,
Скрываясь, не прошу ни злата, ни садовъ:
Прошу я мирныхъ дней, часовъ уединенныхъ.
Да буду въ старости, по благости боговъ,
Покрытый сѣдинами,
Тебя, Латоны сынъ, на лирѣ воспѣвать
И нѣжно-звучными стихами
Мой ясный вечеръ услаждать!

Труды Общества любителей росс. словесности 1818 г., ч. XI.—Кн. I, ода, 31.

LXXV.

СТИХИ,
ПѢТЫЕ ВЪ ЧЕСТЬ ЕЯ СІЯТЕЛЬСТВА КНЯГИНИ НАТАЛІИ ПЕТРОВНЫ ГОЛИЦЫНОЙ ВЪ СЕЛѢ ИЛЬИНСКОМЪ.

Въ кругу дѣтей ты счастіе вкушаешь;
Любовь твою намъ счастіе даритъ;
Присутствіемъ своимъ ты восхищаешь,
Оно вездѣ веселіе родитъ.
Повелѣвай ты нашими судьбами!
Мы всѣ твои; тобою мы живемъ,
И нѣжну мать, любимую сердцами,
Въ день радостный съ восторгомъ мы поемъ:
Да дни твои къ отрадѣ всѣхъ продлятся!
Цвѣтами ихъ мы будемъ украшать;
Друзья твои съ дѣтьми соединятся,
Чтобъ всякій часъ тебя увеселять.

1819.

LXXVI.

ПОДРАЖАНІЕ МАРОТУ.

Въ пустыню дикую сокроюсь я несчастный:
Ждать отъ тебя любви и ласки — трудъ напрасный!
Оковы тяжкія довольно я носилъ:
Послужитъ пусть другой, какъ я тебѣ служилъ!
Прости, любовь! Прости, станъ гибкій и прелестный,

Подобный розамъ цвѣтъ, взоръ ангельскій, небесный!
Немного я отъ васъ отрады получилъ;
Рожденный съ нѣжною, чувствительной душою,
Любви подвластенъ сталъ и жизнь влачилъ стеня:
Увы, кто менѣе плѣняется тобою,
Тотъ будетъ, можетъ быть, счастливѣе меня!

Невскій Зритель 1820 г., № 3. — Marot. Chansons: «Puisque de vous je n'ay autre visage».

LXXVII.

QUATRAIN ADRESSÉ A MADAME CATALANI.

Les dieux se plaisent quelquefois
A crées des merveilles;
Et la Reine du chant par ses traits et sa voix
Sait captiver nos coeurs, mes yeux et nos oreilles.

Московскія Вѣдомости 1820 г., № 60.

LXXVIII.

СТИХИ ВЪ АЛЬБОМЪ О. Д. А.

Альбомъ есть памятникъ души,
Но скромность многаго сказать не дозволяетъ.
Пусть прозорливый умъ всю тайну отгадаетъ,
И, что я чувствую, сама ты напиши.

1821.

Изд. 1822 г.

LXXIX.

МАДРИГАЛЪ.

Когда приходитъ часъ съ тобою разставаться,
Другъ другу говоримъ: «Люблю, люблю тебя!»
Не увѣрять въ любви хотимъ мы тѣмъ себя,
Но только для того, чтобъ больше наслаждаться.

1821.

Изд. 1822 г.

LXXX.

МАДРИГАЛЪ.

Злословитъ кто любовь, зоветъ ее бѣдой,
О, Хлоя, пусть хоть разъ увидится съ тобой!

1821.

Изд. 1822 г.

LXXXI.

ЭПИГРАММА.

«Завистливость рождаетъ
«Ужасныя бѣды»—такъ говорилъ Даметъ.

А я ему въ отвѣтъ:
«Пустое, отъ нея завистникъ умираетъ».
1821.
Изд. 1822 г.

LXXXII.

ЭПИГРАММА.

На что мнѣ жизнь? Лишился я друзей,
Которые меня любить всегда хотѣли.
Что-жъ, умерли они къ злой горести твоей?
Нѣтъ, живы, но разбогатѣли.
1821.
Изд. 1822 г.

LXXXIII.

ЭПИГРАММА.

Гордецъ Клеонъ тебя ласкаетъ,
Съ тобою говоритъ, на балы приглашаетъ;
Признаться, я дивлюсь тому! —
Въ займы я денегъ далъ ему.
1821.
Изд. 1822 г.

LXXXIV.

ЭПИГРАММА.

Прозаикъ Сухословъ въ журналѣ увѣряетъ,
Что плоскіе стихи Безтолковъ сочиняетъ;
Риѳмачъ божиться радъ,
Что журналистъ своей насъ прозой усыпляетъ
И критикуетъ не впопадъ.
Риѳмачъ въ сужденьяхъ правъ, и тотъ не виноватъ.
1821.
Изд. 1822 г.

LXXXV.

ЭПИГРАММА.

О, какъ болтаньемъ докучаетъ
Глупецъ ученый Клитъ!
Онъ говоритъ все то, что знаетъ,
Не зная самъ, что говоритъ.
1821.
Изд. 1822 г.

LXXXVI.

ЭПИГРАММА.

Амура называютъ богомъ:
Никакъ я не согласенъ въ томъ,

И, съ Лизой сдѣлавшись знакомъ,
Я спорю, что похожъ на чорта онъ во многомъ.
1821.
Изд. 1822 г.

LXXXVII.

КНЯЗЮ П. И. ШАЛИКОВУ.

Поэту милому, товарищу и другу,
Счастливому отцу, счастливому супругу,
Вотъ отъ души подарокъ мой!
Въ часъ скуки и отдохновенья
Читай мои стихотворенья
И помни, что люблю любимымъ быть тобой.
1822.
Дамскій Журналъ 1830 г., ч. XXXI.

LXXXVIII.

СОВѢТЪ ОГОРЧЕННОМУ.

Надѣйся и терпи: все время исцѣляетъ!
Зима пройдетъ, въ лугахъ гвоздика расцвѣтаетъ;
Судьба за горемъ вслѣдъ веселія даетъ,
И бурный вѣтръ подчасъ насъ къ пристани ведетъ.
Дамскій Журналъ 1823 г., ч. I.

LXXXIX.

СПРАВЕДЛИВЫЙ ОТВѢТЪ.

«Я бѣденъ», говорилъ Протасъ,
«И вижу, что меня здѣсь всякій презираетъ».
«Но бѣдность не порокъ». — Несчастный отвѣчаетъ
«Ахъ, хуже во сто разъ!»
Дамскій Журналъ 1823 г., ч. I.

XC.

ВЕЛИКОДУШІЕ.

Злословить я тебя, Элиза, не хочу,
Хотя твою невѣрность знаю:
Когда я счастливъ — я молчу,
Обманутъ — забываю.
Дамскій Журналъ 1823 г., ч. I.

XCI.

КУПЛЕТЫ.

На голосъ: Du vaudeville de Florian.

Подчасъ и въ старости, друзья,
Пріятна жизнь для насъ бываетъ;

Смотрите: съ вами молодъ я,
Мой духъ еще не унываетъ.
Часы крылатые ловлю
Еще я съ чувствомъ, съ наслажденьемъ;
Васъ, милыхъ, всей душой люблю,
И дружество мнѣ утѣшеньемъ.

Приблизься, Вяземскій, ко мнѣ!
Тебѣ я счастія желаю;
Авось либо въ чужой странѣ
Попью съ тобой и погуляю;
Налей подагрику вина,
Американецъ нашъ почтенный!
Я рюмку осушу до дна
Для дружбы въ вечеръ незабвенный.

Гусаръ отважный и поэтъ,
И ты въ Москвѣ опять съ друзьями!
Ты будешь пить чрезъ сорокъ лѣтъ,
А мнѣ качать недолго съ вами.
Что дѣлать? Рока не боюсь,
Днемъ завтрашнимъ не занимаюсь;
Я съ вами пью и веселюсь,
И настоящимъ наслаждаюсь.

Дамскій Журналъ 1823 г., ч. I.

XCII.

ПОДРАЖАНІЕ ПЕТРАРКѢ.

Nova angeletta sovra l'ali accorta.

На крыльяхъ рѣзваго Зефира
Спустилась съ облаковъ прелестная Темира
На лугъ зеленый, гдѣ любовь
Оковы мнѣ приготовляла;
Я былъ одинъ, душа чего-то ожидала,
И волновалась кровь.
Среди душистыхъ розъ златая сѣть таилась:
Я вмигъ пойманъ былъ;
Хотѣлъ бѣжать, недоставало силъ.
Богиня красоты явилась;
Я на нее взглянулъ и сталъ подвластенъ ей:
Такъ сладокъ свѣтъ ея очей!

Дамскій Журналъ 1823 г., ч. II. Петрарка: «Madrigale» 3.

XCIII.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

Ты помнишь ли, скажи, о той подругѣ юной,
Которой скромный взоръ тебѣ пріятенъ былъ,

Которую ты пѣлъ на лирѣ златострунной
И въ цвѣтѣ дней ея любови покорилъ?

Тутъ не было ни клятвъ, ни тщетныхъ обѣщаній:
Простосердечная не знаетъ юность ихъ!
Любовь одна была вѣнцемъ ея желаній
И не вселяла въ грудь боязней никакихъ.

Кумира милаго она теперь лишилась,
И счастье ужъ ея не возвратится вновь;
Съ весною дней своихъ на вѣкъ она простилась,
Но первая при ней осталася любовь.

Дамскій Журналъ 1823 г., ч. IV.

XCIV.

НА СЛУЧАЙ КОНЧИНЫ СЕМНАДЦАТИЛѢТНЯГО ЮНОШИ, КНЯЗЯ С. А. ГОЛИЦЫНА.

Ты въ жизни сей мятежной
Не зналъ еще ни горестей, ни бѣдъ.
Лелѣянъ былъ любовью нѣжной
И въ цвѣтѣ юныхъ лѣтъ
Родителей несчастнѣйшихъ оставилъ;
Ты къ Богу быстрый свой полетъ
Съ душою чистою направилъ.

1824.

Дамскій Журналъ 1825 г., ч. X.

XCV.

ЭКСПРОМТЪ

графу М. Ю. Віельгорскому, спросившему, который мнѣ годъ.

Не спрашивай: который годъ?
Мой милый, я сказать страшуся!
Но если я для васъ гожуся,
И въ мнѣньи вашемъ не уродъ:
Еще я жизнью веселюся!
Что нужды вамъ до лѣтъ моихъ?
При васъ я забываю ихъ.

Дамскій Журналъ 1824 г., ч. VI.

XCVI.

КЪ Л. С. ПУШКИНУ

Благодарю тебя, племянникъ мой любезный,
Что вспомнилъ, наконецъ, о дядѣ ты своемъ;
Онъ пресмыкается еще въ юдоли слезной
И часто съ думою бесѣдуетъ вдвоемъ.
Не веселятъ меня веселія столицы,
Ни Прѣсненски пруды, ни славный новый садъ,
Гдѣ можно ѣсть бифштексъ, пить съ ромомъ лимонадъ,

И гдѣ встрѣчаются и дамы, и дѣвицы.
Въ Московскомъ клубѣ я, что Англійскимъ зовутъ,
Читаю иногда Булгарина и Греча.
Картежная идетъ ужасная пусть сѣча,
Мнѣ нужды нѣтъ: рублей мнѣ карты не даютъ,
И въ экарте играть я вовсе не умѣю;
Къ театру, признаюсь, охоту я имѣю,
Но ѣзжу въ мѣсяцъ разъ: живу я далеко;
Мнѣ въ креслахъ холодно, а въ ложахъ высоко.
Ришаръ и Гюллень-Соръ приводятъ въ восхищенье
Всѣхъ здѣшнихъ зрителей искусствомъ ногъ своихъ;
Воронина мила; люблю я видѣть ихъ,
Люблю прелестное Римлянокъ слышать пѣнье,
Люблю отличную ихъ ловкость и игру;
Но мнѣ, подагрику, разъѣздъ не по нутру,
И два часа въ сѣняхъ кареты дожидаться
Нѣтъ силъ.... и отъ забавъ мнѣ должно отказаться!
Итакъ, мой милый другъ, ты видишь, дядя твой
Отшельникомъ живетъ въ столицѣ знаменитой,
Но я не жалуюсь, друзьями не забытой.
Нашъ русскій Лафонтенъ и Вяземскій со мной
Въ свободные часы дѣлятъ уединенье;
Еще отрада есть—поэзія и чтенье.
Благодарю судьбу: я съ самыхъ юныхъ лѣтъ
Любилъ изящное, и часто отъ суетъ,
Отъ шума свѣтскаго я въ тишинѣ скрывался,
Учился и читалъ, и сердцемъ наслаждался;
Любилъ писать стихи, но зависти не зналъ;
Прямой талантъ въ другихъ я вѣчно уважалъ,
И лишь нелѣпостей былъ искренній гонитель:
Я не щадилъ невѣждъ и скаредныхъ писцовъ;
Что дѣлать! И теперь я всѣмъ сказать готовъ:
Фирсъ добрый человѣкъ, но глупый сочинитель.

Дамскій Журналъ 1824 г., ч. VII.

XCVII.

КЪ НЕЙ.

Гдѣ ты, мой другъ, моя родная,
Въ какой теперь живешь странѣ?
Блаженство райское вкушая,
Несешься-ль мыслію ко мнѣ?
Ты слышишь-ли мои рыданья?
Ты знаешь-ли, что въ жизни сей
Мнѣ безъ тебя нѣтъ ясныхъ дней
И нѣтъ на счастье упованья?
Кто будетъ заниматься мной,
И чья душа съ моей душой
Нѣжнѣйшей дружбой съединится?
Гдѣ ты, о ангелъ добротой?
Дай мнѣ туда переселиться?
Тамъ плача и вздыханій нѣтъ,

Тамъ тихій, невечерній свѣтъ
Для добродѣтельныхъ сіяетъ!
Взгляни съ небесной высоты:
Твой братъ и другъ къ тебѣ взываетъ!
Да будетъ горней красоты
Съ тобой онъ созерцатель вѣчный!
Прости на время, другъ сердечный!

1824.

Полярная Звѣзда на 1825 г.

XCVIII.

ЭКСПРОМТЪ

на прощаніе съ друзьями А. И. и С. И. Тургеневыми.

Прощайте, милые друзья!
Подагрикъ разстается съ вами;
Но съ вами сердцемъ буду я,
Пока еще хранимъ богами.
Часъ близокъ; можетъ быть, увы,
Меня не будетъ — будьте вы!

1824.

Полярная Звѣзда на 1825 г.

XCIX.

ПИСЬМО КЪ В***.

Благодарю. Вотъ «Русскій Инвалидъ»,
Вотъ и «Журналъ Санктпетербургскій».
Что дѣлаешь, любимецъ піеридъ?
Что дѣлаетъ любезный Вяземскій,
И гдѣ Тургеневы, холодные друзья?
Проклятая болѣзнь со всѣми разлучила;
Душа стѣснилась, пріуныла,
И катится долой съ плечъ голова моя.
Ты по театрамъ разъѣзжаешь,
Въ ладоши хлопаешь Ришару и Тегиль,
Танцуешь котильонъ и вальсы, и кадриль,
А обо мнѣ, страдальцѣ, забываешь.
Но скоро, къ радости моей,
Умолкнутъ гусли и тимпаны;
Купеческихъ колясокъ и саней
Не будутъ на бѣгу тянуться караваны:
Наступитъ постъ; увижусь я съ тобой,
Увижусь съ милыми друзьями,
Возвеселюсь и сердцемъ, и душой,
И снова прилетятъ ко мнѣ утѣхи съ вами.

1824.

Дамскій Журналъ 1825 г., ч. IX.

C.

СЧАСТЛИВЫЙ МЛАДЕНЕЦЪ.

Элегія.

Небесный ангелъ сребрюкрылый
Спустился въ храмину, гдѣ спалъ

Младенецъ непорочный, милый;
Во снѣ онъ крѣпостью сіялъ,
Играли на ланитахъ розы,
И улыбалися уста;
Душа его была чиста,
Какъ утренней зари сверкающія слезы;
И ангелъ, въ ней увидѣвъ образъ свой,
Къ одру младенца преклонился;
Блаженнымъ сномъ его, невинностью, красой,
Любуясь, веселился;
Смотрѣлъ, какъ по его плечамъ
Златыя кудри развивались,
Какъ руки къ персямъ прижимались;
Казалось, мысль его стремилась къ небесамъ.
Но будущее вдругъ предъ ангела предстало,
Туманъ чело его покрылъ;
Онъ тяжко воздохнулъ и очи отвратилъ;
Младенцу, видѣлъ онъ, все въ мірѣ угрожало.
Вѣтръ бурный съ дикія несущійся скалы
Съ грозою для него готовился ужасной;
Онъ слышалъ страшный свистъ несчастія стрѣлы,
Для правоты, невинности опасной;
Небесный гость къ премудрости святой
Вознесъ молитву съ умиленьемъ.
Всесильный повелѣлъ.... Духъ чистый съ восхищеньемъ,
Коснувшись спящаго рукой,
Тихонько приподнялъ и, въ вѣжды лобызая,
Сказалъ ему, на небо отлетая:
«Тебѣ я счастіе даю»....
Младенецъ умеръ—и въ раю.

1825.

Звѣздочка на 1826 г. (Русская Старина 1883 г., т. 39).

CI.

ПѢСНЯ.

Брюзгливый дядя всѣмъ твердитъ,
Что я шалунъ, что я мотаю,
Но онъ пустое говоритъ:
Я ничего не проживаю.
Вотъ на упреки мой отвѣтъ:
Ни гроша нѣтъ!
Сорить рублями не хочу,
Живу не прытко, но въ покоѣ,
Подушку ночью не верчу,
Чистъ совѣстью, карманомъ вдвое.
Не льститъ ничѣмъ мнѣ модный свѣтъ:
Ни гроша денегъ нѣтъ!
Въ роскошныхъ, лакомыхъ пирахъ
Имѣнье тратится Пахома;
Я-жъ вѣчно ѣмъ и пью въ гостяхъ
И часто не ночую дома.
Мнѣ нуженъ дружескій привѣтъ:
Ни гроша денегъ нѣтъ!
Питая къ картамъ сильну страсть,
Пятерпинъ золото бросаетъ;

Пріятель вашъ пошелъ бы въ часть,
Но онъ безъ денегъ не играетъ.
Игрецкихъ я страшусь бесѣдъ:
Ни гроша нѣтъ!
Красоткамъ нашъ Глупоновъ милъ,
Богатый звонкою монетой;
Я счастливъ и обманутъ былъ—
Все даромъ милою Лизетой;
Извѣстно ей, что я поэтъ:
Ни гроша нѣтъ!

1825.

Звѣздочка на 1826 г. (Русская Старина 1883 г., т. 39). Беранже: «L'homme rangé».

CII.

ЭКСПРОМТЪ НА ОТЪѢЗДЪ Н. М. КАРАМЗИНА ВЪ ЧУЖІЕ КРАИ.

Дельфійскій богъ, вѣнецъ тобою данъ
Историку, философу, поэту!
О, будь вождемъ его! Пусть, странствуя по свѣту,
Онъ возвратится здравъ для славы Россіянъ!

Московскій Телеграфъ 1826 г., ч. VIII.

CIII.

МАДРИГАЛЪ.

Ты хочешь тайну знать мою?
Смотри, не осердись! Я все тебѣ открою
И ничего не утаю:
Любовь и я узналъ.... увидѣвшись съ тобою.

1826.

Дамскій Журналъ 1827 г., ч. XVII.

CIV.

ЭПИГРАММА.

Ты думаешь, что глухъ брюшистый Ермолай,
Но ошибаешься ужасно;
Скажи ему: возьми; онъ слышитъ, и прекрасно;
Онъ глухъ, когда ему кто молвитъ: подавай.

1826.

Литературный Музеумъ на 1827 г.

CV.

БАБУШКА И ВНУЧКА.

Старушка, добрая Ненила,
Однажды внучкѣ говорила:
«Приходитъ старость и недугъ;
«Мнѣ, видно, умереть, Лукерьюшка, мой другъ!
«Ну, какъ случится это горе,
«Заплачешь-ли, скажи, о бабкѣ ты своей?»
— «А какъ-же, бабушка? Ей, ей,
«Я плачу обо всякомъ вздорѣ».

1826.

Дамскій Журналъ 1827 г., ч. XVII.

CVI.

ЭПИГРАММА.

«Ахъ, какъ я радъ! Прошу откушать:
«Сегодня у меня съ дичиною паштетъ». —
— «Согласенъ, мой сосѣдъ». —
«Еще прошу послушать
«Трагедію «Улиссъ и Филоктетъ». —
— «Я отобѣдалъ, мой сосѣдъ!»

1826.

Литературный Музеумъ на 1827 г.

CVII.

ОТРЫВОКЪ.

Подражаніе Байрону.

Вотъ часъ, когда вечерній соловей,
Пѣвецъ весны, въ дубравѣ воспѣваетъ,
И странника бѣгущій съ горъ ручей
Пріятнымъ шумомъ привлекаетъ;
Роса нисходитъ на луга,
Въ кустахъ зефиры вѣютъ,
И рѣкъ прохладныхъ берега
Въ безмолвной тишинѣ темнѣютъ.
Сіяютъ звѣзды въ небесахъ,
Луна явилась, и въ волнахъ
Сребристый лучъ ея играетъ;
Но для тебя-ль, прекрасная луна,
Въ одеждѣ скромной, и одна,
Чертогъ Ленора оставляетъ?
Что для нея краса твоя?
Что свѣтлыхъ ручейковъ журчанье?
Что алыхъ розъ благоуханье
И дивный голосъ соловья?
Въ душѣ ея — одно желанье:
Увидѣть друга и любить,
И для него весь міръ забыть.

1826.

Литературный Музеумъ на 1827 г.—Изъ« Паризины».

CVIII.

ЭКСПРОМТЪ.

Что мнѣ экспромтомъ написать
Дней быстрыхъ на закатѣ?
Мнѣ суждено терпѣть и горевать,
И въ пестромъ щеголять халатѣ.
Экспромты я тогда писалъ,
Когда надѣялся, влюблялся;
Теперь отъ радостей отсталъ
И отъ надежды отказался.
Итакъ, молчу, любезные друзья,
Съ стихами милыми прощаюсь:
Я тѣмъ лишь только утѣшаюсь,
Что въ старости не скученъ я.

7-го января 1827 г.

Московскій Вѣстникъ 1828 г., ч. VII.

CIX.

ЭЛЕГІЯ.

«Проснись, родимая, проснись!....»
Она молчитъ, не отвѣчаетъ! —
Смерть грозная ее съ тобою разлучаетъ,
Лей слезы и молись!

Но смерти онъ не понимаетъ,
Хрисанѳъ, младенецъ въ двадцать лѣтъ.
Живетъ онъ счастливо, безъ страха, безъ суетъ
И безъ надеждъ, и безъ желаній;
Нѣтъ для него воспоминаній
И будущаго нѣтъ!
Богъ матерь нѣжную послалъ
Несчастному въ награду;
Онъ все въ ней находилъ: и счастье, и отраду,
И мутный взоръ его одну ее искалъ.
Нерѣдко ко груди своей
Она безумнаго съ любовью прижимала,
Лелѣяла его, хранила, утѣшала;
Печальный безъ нея, онъ веселъ былъ при ней.
Но въ тяжкую болѣзнь, увы, Лариса, впала,
Лишилась силъ и въ уголку своемъ,
Задумавшись передъ огнемъ,
Она сидѣла, горевала:
Кто позаботится о немъ,
Когда Творецъ пришлетъ за мною?
—«Скажи, родимая, что ты не весела?
«Не провинился я ни въ чемъ передъ тобою;
«Я смиренъ, послушливъ, тебя не безпокою».
Она, обнявъ меня, вздохнула, умерла.
Къ усопшей всѣ сосѣди прибѣжали
Ей цѣлованіе послѣднее отдать;
Надъ нею плакали, рыдали.
Онъ, видя горесть ихъ, сталъ слезы проливать.
Ударилъ колоколъ, всѣ въ божій храмъ съ свѣчами,
Съ молитвами текутъ;
Священники кадятъ; печальный гробъ несутъ,
И тихими шагами
За плачущей толпой
Юродивый идетъ съ покойною душой.
Не вѣдаетъ причины онъ стенаньямъ,
Молитвамъ, пѣнію, рыданьямъ:
Улыбка на устахъ его.
Но гробъ въ могилу опускаютъ....
—«Куда ее, куда скрываютъ?»
Несчастный сынъ кричитъ; всѣ смотрятъ на него,
Молчатъ и слезы отираютъ.
«Родимая проснется; для нее
«Огонь, скамья и пища, все готово!
«О, люди добрые, отдайте мнѣ ее!

«Что вы такъ на меня взираете сурово?
«Я нуженъ ей одинъ!
«Отдайте мнѣ ее: я другъ ея, я сынъ!»
Никто не отвѣчаетъ.
Но вечеръ наступилъ. Луна изъ облаковъ
Кладбище освѣщаетъ.
Хрисанѳъ, оставшись тамъ, трупъ хладный вырываетъ
И, бѣлый снявъ съ него покровъ,
Бѣжитъ онъ съ ношею дорогой,
Ведущей къ хижинѣ убогой.
Огонь разложенъ, запылалъ,
Юродивый умершую сажаетъ;
Онъ съ нѣжностью ее ласкаетъ
И снова счастливъ сталъ.
«Проснись, родимая, рука твоя какъ ледъ;
«Согрѣйся у огня скорѣе;
«Скажи словечко мнѣ, я буду веселѣе!»
Она отвѣта не даетъ.
Всю ночь онъ мать свою въ объятіяхъ держалъ,
Къ закрывшимся очамъ устами прикасался,
Не плакалъ, не стеналъ,
А поутру и самъ скончался.

Московскій Вѣстникъ 1827 г., ч. II.

CX.

НА КОНЧИНУ***.

«Я вѣрю,» скажутъ всѣ объ ней:
«Она скончалась въ цвѣтѣ дней,
«Она плѣняла красотою,»
И позабудутъ всѣ. Весеннею-жъ порою,
Долина, гдѣ она лежитъ,
Душистыми покроется цвѣтами;
Толпа ея подругъ съ вѣнками прибѣжитъ,
И рѣзвость слезы замѣнитъ.
Когда же солнце за горами
Сокроется, охотникъ молодой
Тамъ сядетъ отдохнуть, незная,
Что попираетъ онъ ногой
Твой прахъ, прелестная Аглая.

Московскій Телеграфъ 1827 г., ч. XIV.

CXI.

ЭПИГРАММА.

Злослова, говорятъ, совсѣмъ перемѣнилась;
Видалъ-ли прежде кто, чтобы она бѣлилась?

А нынѣ безъ сего не можетъ дня пробыть.
Мнѣ кажется теперь за умъ она хватилась.
Не лучше-ль во сто разъ себѣ лицо бѣлить,
Чѣмъ славу добрую другихъ людей чернить?
1827.

Опытъ русской анѳологіи, 1828 г.

CXII.

ОТВѢТЪ НА ВОПРОСЪ: ЧТО ЗА ЛЮДИ ДАНТИСТЫ?

Пріемы ихъ довольно грубы:
Они стараются чужіе зубы
Какъ можно чаще вырывать,
Чтобы своимъ зубамъ доставить что жевать.
1827.

Опытъ русской анѳологіи, 1828 г.

CXIII.

УМИРАЮЩІЙ ЛѢНИВЕЦЪ.

Лѣнивецъ Клитъ, къ Харону отправляясь,
«Какъ счастливъ я!» сказалъ своей женѣ:
«Приходитъ смерть; съ заботами прощаясь,
«Въ землѣ лежать не трудно будетъ мнѣ.»

Московскій Телеграфъ 1827 г., ч. XVIII.

CXIV.

ПОСЛАНІЕ КЪ...

Нельзя ли, милые, отъ Коппа
Къ подагрику пріѣхать вамъ гурьбой?
Утѣшьте бѣднаго! Страдаетъ онъ ногой
И въ красномъ колпакѣ походитъ на Езопа.
Увы, какъ старость тяжела!
Она меня, злодѣйка, отвела
Отъ дружескихъ бесѣдъ пріятныхъ;
Мнѣ дома суждено скучать
И о потерѣ дней счастливыхъ, невозвратныхъ
Тихонько слезы проливать.
Бывало, въ дождь и непогоду,
Готовъ я былъ на пиръ, не отставалъ отъ васъ:
Клико и Шамбертенъ, все было въ добрый часъ!
А нынѣ безъ вина пью зельтерскую воду.....
Бывалъ и я забавъ душой,
И Пушкинъ Алексѣй, товарищъ вѣрный мой,
Со мною выходилъ на сцену;
Бывало, воспѣвалъ на лирѣ я Климену;

Стиховъ моихъ онъ не любилъ,
Но онъ любилъ играть комедію со мною;
Онъ вздоромъ часто насъ смѣшилъ
И умъ соединялъ съ блестящей остротою....
Его ужъ нѣтъ!.. Я живъ! Но что во мнѣ, друзья?
Гдѣ драгоцѣнное здоровье и веселье?
Мнѣ скоро быть на новосельѣ....
Ахъ, вспомните подчасъ, что былъ на свѣтѣ я!

Московскій Телеграфъ 1827 г., ч. XVII.

CXV.

ЦЕДУЛКА

КЪ Н* И** С***.

Я знаю: завтра, мой сосѣдъ,
Къ тебѣ на лакомый обѣдъ
И камергеръ, и подполковникъ
Явятся съ радостью большой;
А я, несчастнѣйшій чиновникъ,
Подагрою страдая злой,
Лежу, лью слезы и вздыхаю;
Лишь мыслію къ тебѣ несусь
И въ скромной хижинѣ пощусь.
Веселье всѣхъ воображаю,
Когда борзыя полетятъ,
Поймаютъ зайца удалова;
О стерлядяхъ уже ни слова:
Ты угощать сосѣдей радъ.
Но, ахъ, меня не будетъ съ вами!
Нельзя съ подагрою шутить;
Часовъ пріятнѣйшихъ дѣлить
Злодѣйка не велитъ съ друзьями.

Дамскій Журналъ 1828 г., ч. XXIII.

CXVI.

КЪ ПОСТУМІЮ.

Eheu fugaces, Postume, Postume...

Летятъ, летятъ, Постумій другъ,
Дни, мѣсяцы и годы!
Неизбѣжимъ законъ природы!
Наступятъ старость и недугъ
Потомъ и смерть. Хотя-бъ Плутону
Ты въ жертву сто воловъ принесъ,—
Все тщетно, и въ челнокъ къ Харону
Ты все пойдешь! Бѣднякъ и Крезъ,
Царь и пастухъ, — всѣ смерти чада,
И всѣмъ врата отверсты ада!
Хотя-бъ ты Марсу не служилъ
И моря грознаго страшился,
Въ уединеньи скромномъ жилъ,
Но гдѣ-бъ отъ рока ты укрылся?
Увидишь мрачный ты Коцитъ,
Сизифа, Титія страданья;
Мечты исчезнутъ, ожиданья
И все, что въ мірѣ семъ ни льститъ;
Съ подругой милою простишься,
Оставишь домъ богатый свой
И край, въ который преселишься,
Возьмешь лишь кипарисъ съ собой.
Наслѣдникъ твой благоразумной
Отыщетъ славное вино,
И въ дружеской бесѣдѣ, шумной
Польется, закипитъ оно.

Дамскій Журналъ 1828 г., ч. XXV. Горацій. Кн. II, ода 14.

CXVII.

КАПИТАНЪ ХРАБРОВЪ.

Повѣсть въ стихахъ.

(1828—1829 гг.).

Глава I.

Большой саратовской дорогой,
Въ кибиткѣ низенькой, убогой,
На родину тащился я,
Въ село, гдѣ въ домикѣ смиренномъ
Жила старушка мать моя,
И съ сердцемъ часто сокрушеннымъ
Воспоминала обо мнѣ.
Семь лѣтъ я не былъ въ той странѣ,
Семь лѣтъ съ родимой я разстался,
Въ походахъ и сраженьяхъ былъ,
Чинъ капитана получилъ
И орденами украшался.
Хотѣлъ бы я, романтикъ новый,
Осенній вечеръ описать
И тономъ жалостнымъ сказать,
Какъ вѣтеръ бушевалъ суровый,
Какъ съ неба дождь ушатомъ лилъ,
Какъ въ буркѣ я дрожалъ косматой;
Но Аполлонъ замысловатой,
Увы! меня не наградилъ
Талантомъ Байроновъ чудесныхъ
И на Руси теперь извѣстныхъ.
Подъѣхалъ мой ямщикъ къ рѣкѣ,
И вотъ паромъ. Тамъ въ далекѣ,
Я вижу, огонекъ мелькаетъ;
«Скорѣй», я закричалъ, «друзья!
«Ночлегъ насъ добрый ожидаетъ:
«Я васъ согрѣю, и себя».
Старикъ съ плѣшивой головою,
Съ сѣдою длинной бородою
Стоитъ на берегу другомъ
И насъ встрѣчаетъ съ фонаремъ;
А дождь все льетъ, и съ мокрымъ снѣгомъ.
Слуга мой вѣрный Еремѣй
Въ шинели фризовой своей
Въ домъ къ старику пустился бѣгомъ,
А я за нимъ, старикъ за мной;
Ночлегу радъ я всей душой.

Мы входимъ въ горницу. На лавкѣ
Старуха сгорбившись сидитъ,
Лучинка передъ ней горитъ;
Въ ногахъ ея мальчишка въ шапкѣ
Играетъ съ кошкою своей. —
«Старушка добрая, здорово!
«Согрѣй намъ чайникъ поскорѣй!»
— «Сейчасъ, бояре! Все готово!» —
И самоваръ уже кипитъ,
Ромъ на столѣ, я согрѣваюсь;
Хозяинъ пристально глядитъ,
Какъ я ко сну приготовляюсь.
Мой добрый спутникъ Еремѣй
Давно храпитъ: онъ спать охотникъ.
Старикъ, старуха и работникъ
Всѣ вышли вонъ. Сверчокъ злодѣй
Мнѣ скучнымъ крикомъ спать мѣшаетъ,
Огарокъ сальный догораетъ;
Но какъ заснуть? Тамъ сотни крысъ
Возиться, кажется, сошлись.
Я вдругъ вскочилъ отъ нетерпѣнья,
Пошелъ убѣжища искать;
Въ сѣняхъ чуланъ и тамъ кровать:
Вотъ мѣсто для отдохновенья.
Я легъ — и слышу разговоръ:
У старика съ женою споръ.
«Что мѣшкаешь? Ступай скорѣе!
«Пріѣзжіе сномъ крѣпкимъ спятъ».
— «Къ разсвѣту наши прилетятъ:
«Ихъ подожду. Тогда смѣлѣе
«Къ концу мы дѣло приведемъ;
«Пощады нѣтъ! Мы ихъ убьемъ!» —
«А гдѣ-жъ ямщикъ?» — «Онъ связанъ мною
«И пьяный на сѣнѣ лежитъ.» —
«Ну, какъ все кончится бѣдою?»
— «Ни слова болѣ! Я сердитъ
«И проучить тебя умѣю.» —
«Я, Климычъ, за тебя робѣю».

Умолкли. Я тихонько всталъ,
Кинжалъ и пистолеты взялъ;
Сонливый мой слуга проснулся,
Пошли мы ямщика будить:
Насилу нашъ бѣднякъ очнулся. —
«Послушай, насъ хотятъ убить:
«Мы у разбойниковъ. Скорѣе
«Коней въ кибитку запрягай;
«Прочь колокольчикъ! Не зѣвай!
«Спасемся ночью мы вѣрнѣе».
Готова тройка. Мы съ большимъ
Трудомъ ворота отворили;
Бѣжитъ старикъ, работникъ съ нимъ:
«Вы насъ», кричатъ, «не ускорили!
«Мы здѣсь. Трудненько вамъ спастись!
«Смотри же, баринъ, берегись!»
Батракъ за повода хватаетъ,
Хозяинъ съ топоромъ въ рукахъ.
Занесъ его!.. Откинувъ страхъ,
Я выстрѣлилъ: онъ упадаетъ.

Мы ускакали. Провидѣнье
Избавило отъ смерти насъ!
Вотъ видимъ солнца восхожденье:
Насталъ пріятный утра часъ;
Утихла буря; стадо въ поле
Шагами тихими идетъ,
Пастухъ играетъ; дождь не льетъ.
Хоть птичекъ хоръ не слышенъ болѣ,
Хоть листъ желтѣетъ и летитъ,
Но Божій міръ всегда прекрасенъ.
Сводъ неба чистъ, и все сулитъ,
Что будетъ день хорошъ и ясенъ.
И вотъ село! Прелестный видъ:
Тамъ на горѣ крутой, высокой,
Великолѣпный храмъ стоитъ,
Внизу рѣка. По ней широкой
И длинный мостъ ведетъ въ посадъ.
Народъ копышется. Въѣзжаемъ.
Отрядъ мы казаковъ встрѣчаемъ
И стражи внутренней солдатъ:
Они разбойниковъ поймали.
Ямщикъ остановился мой.
Къ намъ офицеръ передовой
Бѣжитъ... Другъ друга мы узнали:
«Ахъ, это ты, Храбровъ! Откуда?
«Не ожидалъ такого чуда,
«Чтобъ здѣсь увидѣться съ тобой!»
«—Я ѣду въ отпускъ на покой,
«Готовился покой мнѣ вѣчный;
«Богъ спасъ меня, мой другъ сердечный!»—
Я тутъ ему пересказалъ
Ночное наше приключенье;
И что-жъ? Какое удивленье!
Онъ самыхъ тѣхъ воровъ поймалъ,
Которыхъ ждалъ старикъ плѣшивый.
Романтикъ бы краснорѣчивый
Представилъ кучу тутъ картинъ;
Скажу я просто: мы разстались
И, какъ друзья, поцѣловались:
«Прости, мой милый Валентинъ!»
—«Прости, Храбровъ! Мы повидались;
«Судьбѣ спасибо! Добрый путь!»—
Мнѣ нужно было отдохнуть,
Я ночь не спалъ. На постояломъ
Остановились мы дворѣ,
И на разостланномъ коврѣ,
Одѣтый теплымъ одѣяломъ,
Заснулъ я крѣпко. Вотъ мой сонъ:

Мнѣ чудилось, что на кладбище,
Умершихъ вѣчное жилище,
Куда-то я перенесенъ;
Брожу, а вечеръ наступаетъ;
На небѣ молнія сверкаетъ,
И громъ раскатисто гремитъ;
Сова хохочетъ, жукъ жужжитъ,
И мышь крылатая летаетъ.
И что жъ? Могила предо мной
Съ ужаснымъ трескомъ разступилась,
И въ длинномъ саванѣ явилась
Тѣнь блѣдная; меня рукой
Она холодной обнимаетъ....
«Проститься я пришла съ тобой:
«Смерть лютая насъ разлучаетъ!»
Сказала.... и узналъ я въ ней
Тѣнь нѣжной матери моей.
Я плакалъ. Сердце трепетало.
Громъ грянулъ.—Я проснулся вдругъ.

Родимая, мой милый другъ,
Не вѣрю, чтобъ тебя не стало!
Нѣтъ, отъ бѣды избавитъ Богъ!
Я, право, обойтись не могъ,
Чтобъ не представить сновидѣнья;
Романтики такого мнѣнья,
Что тотъ поэтъ не удалецъ,
Кому не видится мертвецъ.

Верстъ десять ѣхать намъ осталось.
Отъ нетерпѣнія казалось,
Что время медленно текло.
Вотъ наша роща и село,
Вотъ церковь, прудъ, садъ плодовитый,
Домъ, черепицею покрытый,
Вотъ конопли и огородъ;
Мы подъѣзжаемъ—я вбѣгаю
И мать старушку обнимаю
И цѣлый дѣвокъ хороводъ.
Терентій Карповъ, дядька мой,
Служитель пьяный и глухой,
Съ почтеньемъ руку лобызаетъ;
Ѳедора ключница бѣжитъ,
Отъ радости на всѣхъ брюзжитъ
И намъ обѣдъ приготовляетъ.
«Мой другъ, Парѳенъ! Богъ мнѣ велѣлъ
«Еще увидѣться съ тобою!
«Ты возмужалъ, похорошѣлъ»,
Сказала мать, «а мнѣ судьбою
«Дочь милая еще дана;
«Ты будь ей братомъ! Вотъ она».
И вдругъ я вижу предъ собою
Красавицу въ шестнадцать лѣтъ:
Въ романахъ Вальтеръ-Скотта, Мура,
Нодье, виконта д'Арленкура
Читали вы ея портретъ.
За столъ мы сѣли: и рубцы
Намъ подаютъ, къ нимъ пряженцы,
Бараній бокъ съ горячей кашей,
Жаркаго гуся и пирогъ;
Но ѣсть я ничего не могъ,
А любовался все Наташей.

Въ домъ матушка ее взяла,
Ей было девять лѣтъ, не болѣ;
Священникъ нашего села
Нашелъ ее младенцемъ въ полѣ,
Принесъ домой и воскормилъ.
Наташу попадья любила,
Но Богъ помощницы лишилъ
Почтеннаго отца Кирилла.
Тогда онъ, плача, упросилъ,
Чтобъ матушка взяла Наташу.
«Богъ наградитъ за щедрость вашу!»
Упавъ къ ногамъ, онъ говорилъ:
«Теперь живу я одинокой;
«Какъ мнѣ за дѣвочкой смотрѣть?
«Къ тому же, въ старости глубокой
«И мнѣ недолго умереть.»

Родительница съ восхищеньемъ
Наташу согласилась взять,
Ее учить и наблюдать
За добрымъ нравомъ, поведеньемъ
И, сколько можно, утѣшать.
Наташа многое ужъ знала:
Умѣла колпаки вязать,
На гусляхъ пѣсенки брянчать
И полотенца вышивала.
Прошло еще пять иль шесть лѣтъ.
Другимъ Наташа занималась,
И въ длинный талію корсетъ
Она затягивать старалась;
Носила кисею, перкаль,
Большія букли завивала,
Свѣтлану наизусть читала;
Лишь одного ей было жаль:
Она не знала по французски.
Тиранка мода губитъ насъ:
И даже въ деревняхъ, подчасъ,
Никто не говоритъ по-русски.
Наташа въ обществахъ бывала,
Но и съ хорошенькимъ лицомъ
Большою частью все молчала.
Всякъ можетъ согласиться въ томъ,
Что было ей довольно скучно:
Молчанье съ скукой неразлучно.

Представлю я въ главѣ другой,
Читатель, новыя картины.
Дошедъ разсказа половины,
Я смѣлой напишу рукой

Рядъ цѣлый точекъ...
. . . .
И отъ правилъ
Романтиковъ не отступлю:
Я точки въ повѣстяхъ люблю;
Лордъ Байронъ тысячи ихъ ставилъ,
И подражатели его:
Гиро, Суметъ, Викторъ Гюго,
Лишь точками извѣстны стали
И славу за вихоръ поймали.

Глава II.

Читатель, можетъ быть, дивится,
Что я такъ свѣдущъ и учёнъ;
Но я всегда любилъ учиться,
И мой полковникъ, графъ Вальтронъ,
Саксонецъ, Гёте обожатель,
Былъ мой наставникъ и пріятель;
Онъ колдуновъ, чертей любилъ,
И, признаюсь, ему въ угоду,
Я принялъ новую методу:
Расина-трагика бранилъ,
Не смѣлъ Вольтера звать поэтомъ,
А восхищался я Гамлетомъ
И Фауста переводилъ.
Мнѣ нужно было отступленье;
Читателю я доказалъ,
Что службы долгъ мнѣ не мѣшалъ
Любить и книги, и ученье.
Теперь къ Наташѣ я своей
Въ восторгѣ сердца обращаюсь.
Вотъ мѣсяцъ, какъ въ деревнѣ съ ней
Живу и жизнью наслаждаюсь.
Хоть снѣгъ порхаетъ по полямъ,
Мы съ нею рѣзвимся, гуляемъ,
При матушкѣ, по вечерамъ,
Романы, повѣсти читаемъ;
Старушка дремлетъ, и для насъ
Тѣмъ лучше: тысячу я разъ
У милой руку поцѣлую;
Она въ невинности своей
Твердитъ, что я любезенъ ей;
Я веселъ, счастливъ, торжествую!
Ахъ, безъ любви пустыня свѣтъ!
Однажды утромъ мнѣ пакетъ
Приносятъ съ почты; я читаю:
«Мой другъ! Тебя увѣдомляю,
«Что старика ты не убилъ:
«Ему ты руку раздробилъ;
«Онъ раненъ, но въ живыхъ остался;
«Во многомъ, къ счастію, признался,
«И я въ Саратовъ буду съ нимъ.
«Съ тобой, товарищемъ моимъ,
«Увижусь къ радости сердечной.
«Твой другъ не лицемѣрной, вѣчной
Валентинъ.»

Я доброй матери моей
Прочелъ пріятеля посланье;—
«Исполни Богъ мое желанье!»
Она сказала: «можетъ ей
«Онъ и женихъ! Не правда-ль, милой?
«Стараться будемъ всею силой,
«Чтобъ онъ Наташу полюбилъ!
«Онъ не богатъ, я это знаю,
«Но честенъ, говорятъ, и милъ;
«А честность я предпочитаю
«Богатству и чинамъ большимъ».
Я былъ въ смущеньи, недвижимъ
И не сказалъ въ отвѣтъ ни слова,
А милая была готова
Заплакать отъ такихъ рѣчей.
Но, къ счастью, капитанъ-исправникъ,
Великій краснобай, забавникъ,
На дворъ катитъ съ женой своей,
Большой охотницей до чтенья,
Питомицей мадамъ Жарни.
«Скорѣе чаю и варенья»,
Кричитъ старушка: «вотъ они.
«А, Петръ Ѳомичъ, прошу садиться!
«Аксинья Павловна, ко мнѣ,
«Поближе, только не чиниться!
«Давно мы въ здѣшней сторонѣ
«Гостей любезныхъ не видали.
«Прошу Парфена полюбить;
«Надѣюсь, вы о немъ слыхали:
«Онъ отпущенъ со мной пожить;
«Господь старуху утѣшаетъ».
И Петръ Ѳомичъ меня тотчасъ
Съ восторгомъ къ сердцу прижимаетъ,

Жена учтиво присѣдаетъ:
«Monsieur Храбровъ, мы ждали васъ
«Съ большимъ, повѣрьте, нетер-
пѣньемъ!
«Я слышала, что вы поэтъ!
«Скажите, правда или нѣтъ?
«Я очень занимаюсь чтеньемъ,
«И романтизмъ меня плѣнилъ.
«Недавно Ларина Татьяна
«Мнѣ подарила Калибана:
«Ахъ, какъ онъ интересенъ, милъ!
«Заиры, Федры, Андромахи
«Не въ модѣ болѣе у насъ;
«Съ презрѣньемъ говорятъ подъ-часъ».
—«Что, каково», Ѳомичъ вскричалъ,
«Умомъ хозяйка щеголяетъ?
«Недѣлю каждую журналъ
«Она не даромъ получаетъ;
«Языкъ французскій ей знакомъ,
«И розовый ея альбомъ
«Наполненъ разными стихами,
«Рисунками и вензелями».
Но вотъ Наташа за столомъ
Чай ароматный разливаетъ.
Франтиха съ головы снимаетъ
Московскій щегольской беретъ;
«Подобнаго въ уѣздѣ нѣтъ»,
Она съ улыбкою сказала:
«Мадамъ Ле-Буръ шлетъ всякій годъ
«Мнѣ кучу иностранныхъ модъ;
«Но дорога несносно стала,
«А съ ней разстаться не могу,
«Въ большомъ я живучи кругу».
Чай отпили, и ночевать
Остались гости дорогіе;
Ихъ должно было удержать:
Проѣзды осенью дурные.
И Петръ Ѳомичъ, исправникъ нашъ,
Хоть должностью давненько правилъ,
Мостовъ же вовсе не исправилъ,
Свой наблюдая авантажъ
Иль прибыль, говоря по-русски;
Чтобъ мнѣ отъ риѳмы не отстать,
Одно словечко написать
Осмѣлился я по-французски.
Ты смѣлость не почти виной,
Читатель, благосклонный мой!

Глава III.

Пимомица мадамъ Жарни,
Супругъ ея и bon ami
У насъ довольно погостили,
И только чрезъ четыре дни
Мы ихъ въ Саратовъ отпустили.
Ахъ, сколько мы прочли стиховъ,
На сцену вызвавъ колдуновъ
Нѣмецкихъ, англійскихъ, шотланд-
скихъ,
Норвежскихъ, шведскихъ и лапланд-
скихъ!
И, въ чертовщину углубясь,
Съ восторгомъ мы о ней читали;
Вкусъ тонкій и въ твореньяхъ связь
Мы сущимъ вздоромъ почитали.
Еленой *) Фаустовой быть
Аксинья Павловна желала,
Чего-то тайнаго искала,
И не хотѣла говорить
О классикахъ она ни слова;
Но всей душой была готова
Съ рогами чорта полюбить
И всю вселенну удивить
Рожденіемъ Эвфоріона.
Исправникъ былъ другого тона:
Онъ слушалъ насъ и все зѣвалъ,
Съ старушкою въ пикетъ игралъ,
И пуншъ ему былъ утѣшеньемъ.
Романсовъ русскихъ нѣжнымъ пѣньемъ
Наташа забавляла насъ.
«Ахъ, милая, какъ жаль, что васъ
«Мадамъ Тегиль пѣть не учила»,
Вздохнувъ, франтиха говорила:
«Въ Москвѣ я пѣла и сама,
«Но, къ огорченью, все забыла.
«Въ провинціи сойти съ ума

---

*) Читай «Елену», новую поэму г. Гёте.

«Немудрено отъ страшной скуки;
«Я здѣсь четвертый годъ живу,
«Все какъ во снѣ, не на яву
«И не беру гитары въ руки».—
Вотъ какъ мы быстрые часы
Съ гостьми своими провождали;
Сосѣдей клали на вѣсы
И всѣхъ почти критиковали;
Такъ водится: людей хвалить
Труднѣй гораздо, чѣмъ бранить.

На святкахъ предводитель Хватовъ
Даетъ огромный маскарадъ
И приглашаетъ насъ въ Саратовъ.
Я приглашенью очень радъ;
Но тамо милая со мною
Мазурку будетъ танцовать
И легкостью, и красотою
Всѣмъ нравиться и всѣхъ плѣнять.
Мы съѣхались, и полковая
На хорахъ музыка гремитъ;
Приличность и порядокъ зная,
Нашъ предводитель Неофитъ
Ивановичъ, одѣтый Грекомъ,
Княгиню Милову ведетъ;
Танцуя польскій, руку жметъ;
Онъ самымъ моднымъ человѣкомъ
У насъ въ губерніи слыветъ,
И, душъ двѣ тысячи имѣя,
Жать руки можетъ не робѣя.
Аксинья Павловна со мной
Идетъ, жеманясь въ сарафанѣ;
Супругъ ея, въ ямскомъ кафтанѣ,
Съ предлинной черной бородой,
Наташу подхвативъ, тащится
За маскарадною толпой;
Вбѣгаетъ въ залу и кружится
Кадриль пастушекъ, пастуховъ;
Губернскій стряпчій Батраковъ
Является въ усахъ гусаромъ;
Разнощикъ съ ленточнымъ товаромъ
Смѣшные дѣлаетъ прыжки
И дамамъ подаетъ стишки.
Армяне, арлекины, Турки
Тѣснятся, бѣгаютъ кругомъ.
Какой шумъ, крикъ, какой содомъ!
Но полночь бьетъ, и вмигъ мазурки,
Къ отрадѣ многихъ, начались.
Я взялъ Наташу. Понеслись
Мы съ нею вихремъ по паркету.
Часа три посвятивъ пикету,
Старушка мать явилась къ намъ.
Мазурки кончились, мы сѣли.
Разносятъ виноградъ гостямъ
И яблоки, и карамели,
Оршадъ и медъ, и лимонадъ,
И пуншъ, охотникамъ до рома.
Почтеннѣйшій хозяинъ дома
Всѣхъ угощать душевно радъ.
Но что я вижу? Въ парикѣ
И упираясь на клюкѣ,
Подходитъ маска съ длиннымъ посомъ
И тотчасъ къ матушкѣ съ вопросомъ:
«Давно-ль сынокъ пріѣхалъ твой,
«И долго-ль поживетъ онъ съ нами?
«Какой же молодецъ собой!
«Подай мнѣ руку, милый мой!
«Мы были въ старину друзьями».—
И вдругъ мнѣ на ухо шепнулъ:
«Я Валентинъ!» — и ускользнулъ.

Здѣсь Валентинъ и въ маскарадѣ
Въ дурацкомъ рѣзвится нарядѣ,
Подумалъ я: онъ шутъ большой
И до проказъ охотникъ вѣчно.
Ко мнѣ онъ будетъ? Радъ сердечно:
Онъ добрый сослуживецъ мой.
Въ Наташу влюбится? Такъ что же?
Я въ ней увѣренъ; для нее
Я всѣхъ милѣе и дороже,
Открыто сердце мнѣ ее.
Но вотъ ужъ солнца на восходѣ,
Московской повинуясь модѣ,
Пустились гости по домамъ;
По нашимъ воронымъ конямъ
Ямщикъ брадастый вмигъ ударилъ
И скоро насъ въ село поставилъ.

Глава IV.

Зима настала; снѣгъ пушистой
Покрылъ и холмы, и луга;

И пышной Волги берега
Освѣщены луной сребристой.
Летитъ на тройкѣ удалой
Къ намъ гость доселѣ небывалой
Князь Пустельгинъ, плясунъ лихой,
Охотникъ псовой, добрый малой,
Хотя не много и болтливъ.
Гусаромъ будучи, военной
Онъ какъ-то службы не взлюбивъ,
Въ Московскій перешелъ архивъ.
Богатый дядя и почтенной,
Какимъ-то случаемъ, ему
Чинъ камеръ-юнкера доставилъ;
Въ прибавокъ, старичокъ, къ тому,
Скончавшись, молодцу оставилъ,
Такъ сказать, pour la bonne bouche,
Въ Саратовѣ пять тысячъ душъ.
У предводителя на балѣ
Съ Наташей князь вальсировалъ
И даже ей на опахалѣ
Экспромптъ какой-то написалъ,
Чувствительный и кудреватый,
Изъ антологіи имъ взятый.
Итакъ, князь Пустельгинъ у насъ:
Счастливый для старушки часъ!
Она въ сердечномъ восхищеньи.
Ѳедора и весь домъ въ волненьи:
Чѣмъ угостить? Что подавать?
Вотъ несутъ кофе съ сухарями,
Витушками и кренделями.
«Прошу на гусляхъ поиграть»,
Наташѣ матушка сказала:
«Давно я очень не слыхала
«Любимой пѣсенки моей:
«Соловей, мой соловей!»
Наташа милая запѣла
Пріятно, просто, какъ умѣла;
Я, блѣдный, близъ нея стоялъ
И ноты ей перебиралъ.
«Прелестно, sur mon Dieu, прелестно!»
Съ ужимкой Пустельгинъ сказалъ:
«И Булаховъ, пѣвецъ чудесной,
«Хотя въ столицѣ и живетъ,
«Не лучше этого поетъ.»
Потомъ, ко мнѣ подсѣвъ поближе,
«Вы были, слышалъ я, въ Парижѣ,
Промолвилъ онъ; «скажите намъ,
«Чѣмъ болѣ занимались тамъ?
«Каковъ Тальма въ игрѣ Ореста?
«Пріятна ли Мейвьель-Федоръ?
«Вы всѣхъ ихъ знали... Я-жъ ни съ мѣста
«И нигдѣ не былъ до сихъ поръ;
«Но я вояжъ предпринимаю,
«И прямо въ Римъ. Отъ скуки здѣсь
«Скачу я по полямъ, порскаю
«И въ карты проигрался весь!»
Мы послѣ вдругъ заговорили
О новыхъ книгахъ, о стихахъ
И модный романтизмъ хвалили.
«Хвала Германцамъ! О чертяхъ
«Они понятіе намъ дали!»
Вскричалъ нашъ князь: «и доказали,
«Что шабашъ вѣдьмъ и колдуновъ,
«Мяуканье и визгъ котовъ,
«Крикъ филиновъ и змѣй шипѣнье—
«Прямое сцены украшенье;
«И что «Британникъ», «Магометъ»,
«Въ которомъ чертовщины нѣтъ,
«Ни всей прелестной, адской свиты,
«Несносны, скучны, позабыты!..»
Что вижу я? Товарищъ мой,
Романтикъ скромной, не большой,
Къ вечернему столу явился.
«Насилу я освободился,
«Мой другъ Храбровъ, отъ скучныхъ дѣлъ.
«Разбойникъ, атаманъ Маркелъ,
«Во всемъ передъ судомъ открылся.
«Пятнадцать лѣтъ назадъ тому
«Случайно удалось ему
«Ограбить барина съ женою.
«Въ коляскѣ, позднею порою,
«Несчастный ѣхалъ изъ гостей
«Съ подругой доброю своей,
«Съ дитятей, нянею, слугою.
«И съ грозной шайкою злодѣй

«На нихъ напалъ. Всѣ пали мертвы.
«Но дочь, младенецъ двухъ годовъ,—
«Самъ Богъ ей, видно, былъ покровъ,—
«Въ живыхъ осталась, и сей жертвы
«Всесильный не хотѣлъ принять:
«Злодѣи на нее поднять
«Рукъ кровожадныхъ постыдились,
«Хотя, оставивъ подъ кустомъ,
«Они съ добычей удалились;
«И утромъ, ѣхавши верхомъ,
«Священникъ, говорятъ, почтенный
«Нашелъ ее и, пораженный
«Младенца ангельской красой,
«Отвезъ ее въ кровъ мирный свой...»
«И вотъ она!» старушка закричала.
Наташа въ обморокъ упала;
Я въ трепетѣ ее держалъ
И въ чувство привести старался.
Весь домъ на помощь къ ней сбѣжался,
А камеръ-юнкеръ ускакалъ,
Увидѣвъ общее смятенье
И хлопоты, и огорченье.

Подснѣжникъ, 1829 г.—Сѣверные Цвѣты на 1829 г.—Радуга на 1830 г.—Денница на 1830 г.

CXVIII.

КЪ А. С. ПУШКИНУ.

Поэтъ-племянникъ, справедливо
Я названъ классикомъ тобой!
Все, что умно, краснорѣчиво,
Все, что написано съ душой,
Мнѣ нравится, меня плѣняетъ.
Твои стихи, повѣрь, читаетъ
Съ живымъ восторгомъ дядя твой.
Латоны сына ты любимецъ,
Тебя онъ вкусомъ одарилъ;
Очарователь и счастливецъ,
Сердца ты наши полонилъ
Своимъ талантомъ превосходнымъ,
Всѣ мысли выражать способнымъ.
Русланъ, Кавказскій Плѣнникъ твой,
Фонтанъ, Цыганы и Евгеній
Прекрасныхъ полны вдохновеній!
Они всегда передо мной,
И не для критики пустой
Я ихъ твержу, для наслажденья.
Тацита нашего творенья
Читаетъ журналистъ иной,
Чтобъ славу очернить хулой.
Зоилъ достоинъ сожалѣнья;
Онъ позабылъ, что не вредна
Граниту бурная волна.

Московскій Телеграфъ 1829 г., ч. XXVI.

CXIX.

КУМУ-ИМЕНИННИКУ.

Хочу любезнаго я кума подарить
Въ день Ангела стихами.
Да будетъ онъ хранимъ благими Небесами!
Да мирныхъ дней его не пресѣчется нить
Еще полвѣка или болѣ!
Да всѣ завидуютъ его счастливой долѣ!
Да будетъ съ нѣжною супругой онъ своей,
Съ любезными дѣтьми и съ добрыми друзьями
Путь жизни устилать цвѣтами!
Вотъ искренней души моей

Надежды и желанья!
Прости, кумъ милый, до свиданья!

29 іюня.
Дамскій Журналъ 1829 г., ч. XXVII.

CXX.

КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ.

Товарищъ-другъ! Ты помнишь ли, что я
Еще живу въ семъ мірѣ?
Что были въ старину съ тобою мы друзья,
Что я на скромной лирѣ
Бывало воспѣвалъ талантъ изящный твой?
Бывало часто я, бесѣдуя съ тобой,
Читалъ твои баллады и посланья:
Пріятныя, увы, для сердца вспоминанья!
Теперь мнѣ некому души передавать:
Съ тобою, Вяземскимъ, со всѣми я въ разлукѣ;
Мнѣ суждено томиться, горевать
И дни влачить въ страданіяхъ и скукѣ.
Гдѣ Блудовъ? Гдѣ Дашковъ? Жизнь долгу посвятивъ,
Они заботятся, трудятся;
Но и въ трудахъ своихъ нерѣдко, можетъ статься,
Приходитъ имъ на мысль, что другъ ихъ старый живъ.
Я живъ, чтобъ васъ любить, чтобъ помнить всякій часъ,
Что васъ еще имѣю;
Благодаря судьбу, я въ чувствахъ не хладѣю.
Молю, чтобъ Небеса соединили насъ.

Москва. 9-го января 1830.
Литературная Газета 1830 г., т. I.

CXXI.

ВЪ АЛЬБОМЪ

К. Г. и Н. В. Л.***

Болѣзнью тяжкой удрученный,
Живу для дружбы лишь одной:
Я васъ узналъ—и полюбилъ душой.

Подъ бременемъ и лѣтъ, и горестей согбенный,
Еще блаженствую я въ участи моей:
Имѣю друзей.

Дамскій Журналъ 1830 г., ч. XXXI.

CXXII.

ВЪ АЛЬБОМЪ ДАМѢ, КОТОРОЙ ИМЯ ВѢРА.

Три добродѣтели даютъ блаженство намъ:
Любовь, надежда, вѣра;

Безъ нихъ и жизнь не жизнь чувствительнымъ сердцамъ.
Мечтанья тщетны изувѣра.
Младенецъ лишь родится въ свѣтъ
И открываетъ вѣжды, —
Ужъ любитъ, вѣруетъ; надежда въ немъ живетъ.
А я теперь, увы, достигнувъ позднихъ лѣтъ,
Хоть Вѣру и люблю, но жаль, что безъ надежды.
1830.
Дамскій Журналъ 1831 г., ч. XXXIII.

CXXIII.

А. С. ПУШКИНУ.

Племянникъ и поэтъ! Позволь, чтобъ дядя твой
На старости въ стихахъ поговорилъ съ тобой.
Хоть мо́дный романтизмъ подъ-часъ я осуждаю,
Но истинный талантъ люблю и уважаю.
Посланіе твое къ вельможѣ есть примѣръ,
Что не забытъ тобой затѣйливый Вольтеръ.
Ты остроуміе и вкусъ его имѣешь
И нравиться во всемъ читателю умѣешь.
Пусть бѣсится, ворчитъ московскій Лабомель:
Не оставляй свою прелестную свирѣль!
Пустыя критики достоинствъ не умалятъ;
Жуковскій, Дмитріевъ тебя и чтутъ, и хвалятъ;
Крыловъ и Вяземскій въ числѣ твоихъ друзей;
Пиши и утѣшай ихъ музою своей,
Наказывай глупцовъ, не́ говоря ни слова,
Печатай имъ на зло скорѣе Годунова.
Творенія твои для нихъ тяжелый бичъ,
Нибуромъ никогда не будетъ нашъ Москвичъ,
И авторъ повѣсти топорныя работы
Не можетъ, кажется, проситься въ Вальтеръ-Скотты.
Довольно и того, что журналистъ сухой
Въ журналѣ чтитъ себя романтиковъ главой.
Но полно! Что тебѣ парнасскіе пигмеи,
Нелѣпая ихъ брань, придирки и затѣи!
Счастливцу некогда смѣяться даже имъ.
Благодаря судьбу, ты любишь и любимъ.
Вѣнчанный розами ты граціи рукою
Вселенную забылъ, къ ней прилѣпясь душою.
Прелестный взоръ ея тебя животворитъ
И счастье прочное, и радости сулитъ.
Блаженствуй, но въ часы свободы, вдохновенья,
Бесѣдуй съ музами, пиши стихотворенья,

Словесность русскую, языкъ обогащай,
И вѣчно съ миртами ты лавры съединяй.

1830.

Рукопись въ Имп. П. Библіотекѣ.

ЗАПИСКИ ВЪ СТИХАХЪ КЪ КНЯЗЮ П. И. ШАЛИКОВУ.

1.

Вотъ третій день, мой кумъ-поэтъ,
Какъ въ бѣлокаменну Москву я возвратился.
Скажи, какъ безъ меня ты жилъ и веселился?
Что дѣлаетъ нашъ модный свѣтъ?
Здоровы-ли кума и крестникъ?
О чемъ толкуетъ намъ Европы старый Вѣстникъ?
Чѣмъ занимается К(окошки)на причетъ?
Изрядно ли Филисъ въ «Jean de Paris» играетъ,
И отчего любезный мой собратъ
Журнала своего ко мнѣ не присылаетъ?
Увидѣться съ тобой я сердцемъ буду радъ:
На этихъ дняхъ въ семьѣ твоей явлюся къ чаю,
А до свиданья всѣхъ васъ въ мысляхъ обнимаю.

2.

Въ день именинъ я кума поздравляю:
Здоровья, счастія и радостей желаю.
Наташѣ, граціи младой,
Желаю жениха, и чтобъ она собой
Родителей своихъ почтенныхъ утѣшала;
Амурамъ-сыновьямъ желаю быть въ чинахъ
И въ крестникѣ своемъ увидѣть генерала.
Въ Сокольники на этихъ дняхъ
Пуститься я хочу, хотя на костыляхъ,
Китайскій нектаръ пить, бесѣдовать съ друзьями,
Но только прозой—не стихами.

3.

Любезный князь, недѣли двѣ,
Какъ чувствую я боль въ спинѣ и головѣ;
Сижу все дома и страдаю;
Къ тому-жъ и «Дамскаго Журнала» не читаю.
Любимецъ Вакха, твой солдатъ,
На водку денегъ проситъ,
А самъ пріятнаго журнала мнѣ не носитъ.
Я, право, тароватъ
И гривны дать за трудъ нимало не жалѣю:
Потѣшить бѣднаго курьера я умѣю.
Пришлите книжку мнѣ скорѣй,

Болящаго утѣшьте!
Онъ любитъ васъ душою всей,
И вы словамъ его, собратъ любезный, вѣрьте!

4.

Любезный Шаликовъ, прозаикъ и поэтъ,
Ты завтра пріѣзжай къ больному на обѣдъ!
Бояринъ С(онцо)въ здѣсь; пріѣдетъ онъ съ тобою.
А я вечернею порою
На Прѣсню отвезу, какъ водится, тебя:
Ты посѣщеніемъ обрадуешь меня.

5.

Не будь, любезный князь, къ пріятелю жестокъ:
Оставь несносныя газеты въ четвертокъ!
Неужель къ тремъ часамъ не будешь ты свободенъ
И наше общество увеселять способенъ?
Обѣдаетъ у насъ вельможа и поэтъ;
И ради Піэридъ не молви слова: нѣтъ!

6.

О ты, играющій съ пріятностью на лирѣ!
Я къ чаю жду тебя сегодня въ семь часовъ,
А завтра мы съ тобой обѣдаемъ въ трактирѣ:
Мой милый кумъ, ты будь готовъ!
Я льщусь надеждою, что нашъ Люблинскій житель
Оставитъ для друзей прекрасную обитель
И ровно въ три часа прискачетъ въ людный садъ:
Съ любезными я быть вездѣ душою радъ.

7.

За Дамскій я Журналъ тебя благодарю;
Любя твой вкусъ, талантъ, любя тебя сердечно,
Я твой подписчикъ вѣчно;
Но съ сожалѣніемъ, кумъ милый, говорю:
Ты, вѣрно, позабылъ, что завтра, въ понедѣльникъ,
Здѣсь на Руси сочельникъ.
Я въ этотъ день пощусь, скоромнаго не ѣмъ,
И на столѣ моемъ
Нѣтъ ни говядины, ни курицы, ни утки,
А щуки, караси, — и на такой обѣдъ
Собрата приглашать желанья, право, нѣтъ.
Итакъ, оставя все, и болтовство, и шутки,
Прошу я въ середу пожаловать ко мнѣ;
Обрадуешь пустынника собою,
Любящаго тебя и сердцемъ, и душою,
И преданнаго въ вѣкъ, любезный кумъ, тебѣ.

8.

Къ обѣду я вчера тебя, кумъ милый, ждалъ;
Тѣмъ болѣе, что ты журнала не прислалъ;
Я думалъ, что его ты привезешь съ собою;
Приборъ твой на столѣ стоялъ,
Но, видно, ты къ другимъ былъ увлеченъ судьбою!
Я дома всякій день, я боленъ и забытъ,
А выѣзжать еще не смѣю.
Терпѣніе — мой врачъ мнѣ часто говоритъ;
И, слава Богу, я давно терпѣть умѣю.
Пришли мнѣ свой журналъ и къ куму пріѣзжай —
Сегодня, завтра, иль въ субботу,
Когда оставишь ты газетную работу.
Я радъ всегда душой! И щи, и коровай
Для милаго готовы.
Пріятель твой старинный, а не новый!

9.

Хоть я и не большой прислужникъ нынѣ моды,
Но минеральныя глотать я началъ воды;
Не знаю, будетъ-ли мнѣ польза отъ того?
Увидимъ. На обѣдъ я кума своего
Сегодня приглашаю;
А завтра на прудахъ
Порхать, какъ бабочка, онъ будетъ на цвѣтахъ.
Я къ тремъ часамъ тебя, любезный, ожидаю.

10.

О ты, котораго люблю я всей душою!
Сегодня въ шесть часовъ увижусь я съ тобою;
Бумагу привезу, горячаго напьюсь,
Потомъ въ Кремлевскій садъ съ тобою я пущусь,
Иль поглазѣемъ мы на вашемъ булеварѣ.
Смотри-же, въ семь часовъ пекись о самоварѣ!

11.

Вотъ, милый кумъ, процентовъ сто рублей,
А за журналъ еще рублей не присылаю;
Какъ рыба бьюсь объ ледъ; однакожъ уповаю,
Что скоро получу изъ вотчины моей
И денегъ, и гусей.
Тебя-жъ я къ трапезѣ сегодня ожидаю.

12.

Сегодня у меня литературный ужинъ;
Къ обѣду не зову, а вечеромъ ты нуженъ.

Съ тобой знакомымъ быть желаетъ нашъ баронъ, (*)
И В(яземск)ій готовъ всѣмъ сердцемъ примириться:
Не знаетъ злобы онъ.
А ежели случится,
Что будетъ П(олев)ой,
Не убѣгай его, о кумъ любезный мой!
Въ моемъ дому все будетъ ладно.
Откажешь, — будетъ мнѣ прискорбно и досадно.

13.

Опять, мой другъ, опять страданья!
Исполнить не могу сердечнаго желанья:
Пекинскій нектаръ пить съ тобой,
Всю ночь не спалъ отъ боли несказанной
И принужденъ сидѣть въ Басманной
Съ поникшей головой.
Съ тобой бесѣдовать пріятно мнѣ стихами,
Но, чуръ, стиховъ моихъ въ печать не отдавать!
Къ чему холоднымъ людямъ знать,
Что происходитъ между нами?
Мы шутимъ, другъ друга любя,
И я пишу лишь только для тебя,
Совсѣмъ не для судей холодныхъ,
Критиковать всегда готовыхъ и способныхъ.
Прости, не забывай больного своего!
Онъ радъ тебѣ душой, онъ твой: люби его!

14.

Не можешь ли, любезный кумъ,
Оставить кучу думъ,
Заботъ газетныхъ и журнальныхъ,
Веселыхъ по часамъ, а иногда печальныхъ,
Ко мнѣ пріѣхать на обѣдъ?
Не говори мнѣ слова: нѣтъ!
Явись и будь со мною!
Съ любовью встрѣчу я, возрадуюсь душою.

15.

Въ день именинъ тебя, кумъ милый, поздравляю
И, разумѣется, желаю
Отъ сердца и души тебѣ счастливыхъ дней.
Пріятною бесѣдою твоей
Ужо пріѣду наслаждаться,
И съ Маргариточкой моей;

(*) Баронъ Дельвигъ.

И очень можетъ статься,
Что съ вами на бульваръ отправлюсь я гулять.
Въ седьмомъ часу меня изволь, любезный, ждать.

16.

На милое письмо я отвѣчать спѣшу:
Посланье напишу
И въ скорости его доставлю;
Еще, любезный кумъ, прибавлю,
Что въ пятницу у васъ обѣдать я готовъ,
Но только въ этотъ день Алишки именины;
Скажу безъ лишнихъ словъ:
Боюсь такой причины;
Но, кажется, сестрой я буду отпущенъ:
Алишки нѣтъ въ Москвѣ; мнѣ отлучиться можно
И съ тѣмъ бесѣдовать, люблю кого не ложно;
Иначе буду я, конечно, огорченъ.
Но, нѣтъ, надежда есть, что гость я буду вѣрный,
Покорнѣйшій слуга и другъ нелицемѣрный.

17.

О ты, съ которымъ я въ столь дружеской связи,
Мой милый! Окажи услугу:
Обѣдать пріѣзжай къ товарищу и другу,
И Вѣстника съ собой Европы привези;
Не худо притащить «Бомбайца» удалого;
Еще кого-нибудь другого,
Хоть, напримѣръ, извѣстнаго «Лгуна».
Въ деревнѣ живучи, со всѣми я разстался,
И надоѣла мнѣ она;
Отъ клуба нашего я также отказался:
Въ уединеніи подагрикъ долженъ быть
И въ дружбѣ лишь одной отраду находить.

18.

Увы, мой другъ! Подагрою страдаю;
И къ огорченью моему
Нельзя уже пріѣхать къ чаю
И посѣтить моихъ и кума, и куму!
Досадно! Такъ и быть! Помочь тому неможно:
Съ подагрою въ морозъ скакать неосторожно.
Съ слезами на глазахъ о томъ тебѣ пишу;
Ты, вѣрно, обо мнѣ, любезный, пожалѣешь:
Я знаю, ты любить умѣешь.
Твой преданный, пока еще дышу.

19.

Желая избѣжать и крика, и содома,
Сегодня, милый кумъ, обѣдаю я дома;
Съ сотрудникомъ твоимъ зову тебя къ себѣ.
Не откажите мнѣ,
И въ три часа къ обѣду вы явитесь,
А за стихи мои дурные не сердитесь.

20.

Не можно-ль, милый другъ, оставя всѣ заботы
И Ц(иціано)ва, въ день завтрашней субботы
Откушать у меня?
Я нездоровъ; зову тебя
Съ сердечною любовью,
И въ этомъ подпишусь я кровью.
Пришли мнѣ свой журналъ, любезнѣйшій поэтъ!
У кума твоего девятой книжки нѣтъ.

21

Любезный кумъ, я не бездѣльникъ,
Но видѣться съ тобой сегодня не могу;
Сижу, повѣся носъ; невольный я отшельникъ:
Боль страшная въ спинѣ, въ колѣнахъ; ей, не лгу!
Къ тому-жъ и дождь, и вихрь, и мокрая погода!
И для здороваго народа
Она несносна, тяжела;
Проклятая-жъ болѣзнь всѣ силы отняла.
Гдѣ бодрость прежняя? Гдѣ юность и веселье?
Осталось сердце лишь со мной!
Ахъ, скоро быть на новосельѣ
Назначено судьбой!

22.

Любезнѣйшій собратъ, мы завтра въ пять часовъ
Въ Остафьево поскачемъ къ другу,
Поэту милому, счастливому супругу,
Который насъ принять душою всей готовъ.
Я самъ заѣду за тобою,
И удовольствіе я тѣмъ свое удвою.

23.

Вотъ, князь любезнѣйшій, и дрожки за тобою:
Прошу пожаловать на скромный мой обѣдъ:
Супъ съ жирной курицей, съ полдюжины котлетъ,
Жаркое, кашица... вотъ нынѣшней порою
Чѣмъ потчивать тебя могу:
Я эгоистъ — твое здоровье берегу.

24.

Итакъ, я завтра, въ среду,
Жду къ скромному обѣду
М(акаро)ва съ тобой.
Радъ буду вамъ душой;
А Г(лѣбовы)хъ не смѣю,
Какъ васъ, любезныхъ, ждать:
Надежды не имѣю
Ихъ встрѣтить и обнять;
Я, ихъ любя сердечно,
Нерѣдко приглашалъ;
Но, ахъ! все тщетно ждалъ:
Имъ недосужно вѣчно.
А я, когда здоровъ,
Быть въ домѣ ихъ готовъ.
Итакъ, я завтра, въ среду,
Безъ околичныхъ словъ,
Ждать буду васъ къ обѣду.
Нельзя-ль въ числѣ гостей,
Чтобъ былъ сотрудникъ милый
Газетъ, Вѣдомостей?
Старайся всею силой,
Кумъ и товарищъ милой,
Привезть его съ собой.
Слуга покорный твой.

25.

Хоть я теперь пощусь, говѣю,
Однако-жъ не грѣшно бесѣдовать съ тобой.
Двухъ книжекъ «Дамскаго Журнала» не имѣю:
Пришли ихъ мнѣ, любезный мой!
Я все, къ несчастію, въ недугѣ,
Ногами двигаю едва;
То грудь болитъ, то голова;
Но, право, всякій часъ я думаю о другѣ,
Люблю его и сердцемъ, и душой,
Люблю чистосердечно;
И будь увѣренъ, что я вѣчно
Преданнѣйшій есмь твой.

26.

Вотъ деньги куму за журналъ.
Вчера я ихъ не посылалъ;
Поистинѣ, не можно было:
Одинъ мой кучеръ занемогъ,
Другой былъ пьянъ, ходить не могъ;
Все это голову вскружило;
Тутъ и подагра на бѣду.
Но завтра я къ обѣду жду
Тебя, собрата дорогого.
Пришли журналъ мнѣ Полевого,
И «Атеней» хочу прочесть:
Въ нихъ доброе, быть можетъ, есть.

27.

Любезный, милый кумъ, не въ понедѣльникъ, въ среду,
Зову тебя къ обѣду.
Мнѣ завтра грозный врачъ микстуру предписалъ,
Искоренить мою подагру онъ желая;
Увижу, будетъ ли отрада мнѣ какая?
Давно ее, увы! въ глаза я не видалъ.
Пора мнѣ отдохнуть отъ скуки и страданья!..
Прости, товарищъ, до свиданья!

28.

Кумъ милый, дорогой!
Когда увижусь я съ тобой?
Сегодня, какъ извѣстно мнѣ,
Обѣдаешь ты въ Тишинѣ
И кушаешь прекрасно;
Когда-жъ на скромный мой обѣдъ
Возьмешь ты быстрый свой полетъ
Я радъ тебѣ всечасно.
Я дома. Охаю, вздыхаю
И злой подагрою страдаю,
Но съ другомъ быть всегда желаю.

29.

Какая, милый, мнѣ услуга!
Благодарю врача, благодарю и друга!
Миронъ мой будетъ живъ!
Я не краснорѣчивъ,
Но одолженія въ вѣкъ чувствовать умѣю,
И истинно твоимъ себя назвать я смѣю.

30.

Мой милый кумъ, я боленъ
И истинно своей судьбою недоволенъ.
Ты завтра, въ пятницу, обѣдать пріѣзжай:
Утѣшь отшельника больного!
Сегодня-жъ мнѣ журналъ пріятный присылай
И напиши къ моей отрадѣ хоть два слова.

31.

Нельзя-ль, любезный, вечеркомъ
Пожаловать къ больному?
Я напою тебя чайкомъ
И буду радъ душой, какъ истинно родному.
Подагра лютая отъ ногъ не отстаетъ:
Ни днемъ, ни ночью мнѣ покоя не даетъ;
Скорблю и изнываю,
Но видѣть милаго собрата я желаю.

32.

Здорово, именинникъ мой!
Любя тебя сердечно,
Желаю, чтобъ съ тобой
Веселье жило вѣчно;
Чтобы въ кругу твоихъ друзей,
Съ супругой нѣжною своей
И съ милыми дѣтьми ты жизнью наслаждался;
Чтобъ въ вѣкъ печалей ты не зналъ,
И чтобъ пріятный твой журналъ
Всѣхъ больше Вѣстниковъ въ столицѣ раздавался.

33.

Хочу я у тебя, любезный мой собратъ,
На этихъ дняхъ напиться чаю;
Я дня не назначаю,
Но ты мнѣ будешь радъ:
Я это очень знаю.
Проценты отъ меня ты долженъ получать,
Но я прошу дней семь, иль восемь подождать:
Я жду изъ вотчины оброка;
Доселѣ получалъ его я прежде срока,
А въ нынѣшнемъ году
Все измѣнилось на бѣду.
Твой милый гость пріятное далъ слово
Ко мнѣ пожаловать съ тобой.
Назначьте день. Я всею радъ душой
Принять пріятелей, и будетъ все готово:
И сердце, и вино:
Бесѣду веселитъ оно.

34.

Сегодня празднуя Катиши именины,
Зову я кума на обѣдъ;
Направь ты къ другу своей полетъ,
А завтра буду я обѣдать у кузины;
Мнѣ врачъ позволилъ выѣзжать,
Но только понемногу;
Итакъ, пускаюсь я въ дорогу;
На долго-ли—не смѣю я сказать.
Надѣюсь милаго я въ три часа
обнять.

35.

Кума-друга поздравляю;
Счастья, радостей желаю
И тебѣ, и всѣмъ твоимъ.
Богомъ будь всегда хранимъ!
Въ семь часовъ я буду къ чаю;
Жди меня, любезный мой!
Побесѣдую съ тобой.

36.

Любезный кумъ, я боленъ
И лютою судьбой своею недоволенъ;
Я муху шпанскую поставить принужденъ:
Въ плечо стрѣляетъ, въ шею;
Для мукъ я, видно, сотворенъ:
Ни днемъ, ни ночью я покоя не имѣю.
Что дѣлать! Такъ и быть! Терплю и не ропщу
И въ чтеніи себѣ отрады я ищу:
Еще душой я къ музамъ пламенѣю.
Пришли-жъ мнѣ свой журналъ, вздохни и пожалѣй
Объ участи моей!

37.

Намѣсто С(онцевы)хъ тебя прошу я въ среду
Пожаловать къ обѣду;
А завтра, милый кумъ, глотаю я ревень.
Я боленъ, изнываю,
Пишу въ страданьяхъ дребедень,
Но отъ души тебя и сердца обнимаю.

38.

Въ среду кума ожидаю
И любезнѣйшихъ гостей;
Къ сердцу васъ прижать желаю
Въ скромной хижинѣ моей.
Позабуду всѣ страданья
И подагру, и бѣды.
Руку, милый! До свиданья!
До веселой середы!

39.

Не въ пятницу, а завтра, въ среду,
Я жду тебя къ обѣду;
К(урбато)вы хотятъ больного посѣтить;
Тебѣ пріятно съ ними быть,
Я это очень знаю;
И для того тебя, кумъ милый, приглашаю.

40.

Индѣекъ, каплуновъ и утокъ посылаю:
Ты на здоровье кушай ихъ;
И денегъ, милый кумъ, я скоро ожидаю:
Гласъ совѣсти во мнѣ, конечно, не затихъ;
Все заплачу, какъ должно.
Душою преданный тебѣ всегда неложно.

41.

Итакъ, любезнѣйшій поэтъ,
Вновь буду въ кумовствѣ съ тобою!
Тебѣ отказа вѣрно нѣтъ,
Любя тебя я всей душою;
Скажу безъ дальнихъ словъ,
Что я на все готовъ.

42.

Нельзя-ль, любезнѣйшій собратъ,
Пожаловать откушать!
Душой и сердцемъ буду радъ
Васъ покормить и васъ послушать;
А я въ подагрѣ и кричу,
Но съ милымъ кумомъ быть хочу.

43.

Нашъ Лафонтенъ не будетъ за тобою.
Вотъ дрожки, милый другъ, садись и пріѣзжай!
Обѣда славнаго никакъ не ожидай;
Но вѣрь, что радъ тебѣ и сердцемъ, и душою.

44.

Вотъ, милый нашъ поэтъ,
На балъ тебѣ билетъ;
Зоветъ насъ переплетчикъ,
Я за тебя отвѣтчикъ,

И въ восемь ты часовъ,
Пожалуй, будь готовъ;
Я за тобой заѣду
И пустимся въ бесѣду.
Не скучно будетъ намъ!
Ты, кумъ, увидишь тамъ
Супругу молодую,
Красавицу прямую,
Въ осьмнадцать ровно лѣтъ:
И славный, модный свѣтъ,
Я молвить, право, смѣю,
Украсился бы ею.

45.

Любезнѣйшій мой кумъ,
Куда дѣвался умъ,
Что ты меня оставилъ
И тѣмъ болѣзни мнѣ прибавилъ?
Обѣдать завтра пріѣзжай,
Не откажи и точно знай,
Что твой собратъ всегда доволенъ,
Когда бесѣдуешь ты съ нимъ;
Онъ забываетъ, что онъ боленъ,
Одушевляемый присутствіемъ твоимъ.

46.

Нельзя-ли завтра, въ среду,
Явиться къ моему обѣду,
Кумъ дорогой?
Скучаю, что давно не вижуся съ тобой.
Что дѣлаетъ кума? Что дѣлаетъ мой крестникъ?
Будь завтра добрый вѣстникъ.

47.

Ѣдемъ, ѣдемъ, кумъ мой милый!
Я готовъ, подагрикъ хилый,
Ѣхать за-городъ съ тобой
Въ Люблино. Поэтъ-герой
Насъ съ любовью ожидаетъ;
Онъ тамъ счастіе вкушаетъ
И достоенъ по всему:
Чтобъ счастливилось ему.

48.

Вотъ, мой собратъ, тебѣ реестръ:
Прими по немъ гусей и утокъ;
Мнѣ это привезли изъ тѣхъ прекрасныхъ мѣстъ,
Куда, безъ всякихъ шутокъ,
Поѣдемъ лѣтомъ мы съ тобой.
Прошу принять подарокъ мой
И кушать съ милою кумою.
Въ четвергъ увижусь я съ тобою.

49.

Вотъ, милый кумъ, подарокъ отъ меня:
Я обѣщанье исполняю
И добраго тебѣ коня
Съ усердьемъ посылаю.
Хотя бездѣлицей пріятно мнѣ дарить;
Пріятно мнѣ тебѣ подчасъ полезнымъ быть.

50.

Мнѣ завтра, въ пятницу, въ Сокольники пу.титься
Никакъ не можно, кумъ-собратъ!
Въ субботу я твой гость и всей душою радъ
Бесѣдою твоей пріятной насладиться.
Пріѣду въ шесть часовъ.
Итакъ, безъ лишнихъ словъ,
Оставя всѣ заботы,
Мы будемъ ждать субботы.

51.

Хотя сегодня понедѣльникъ,
Но сжалься надо мной: обѣдать пріѣзжай!
Контору скучную, газеты оставляй!
Собрату будетъ радъ подагрикъ и отшельникъ.

52.

Нельзя-ль сегодня, безъ чиновъ,
Откушать у собрата?
Я въ одиночествѣ скорблю и нездоровъ;
Приходитъ худо мнѣ отъ Крона-супостата.
Я жду тебя, мой милый кумъ!
Съ тобою освѣжится умъ,
И сердцу будетъ веселѣе.
Не откажи бесѣдовать со мной:
И мой обѣдъ простой
Покажется вкуснѣе!

53.

Обремененный кумъ газетною заботой,
Пожертвуй мнѣ субботой!
У Ц(иціано)ва почтеннаго не будь
И къ трапезѣ моей направь свой борзый путь.
Измайловъ, нашъ собратъ, обѣдать будетъ съ нами,
И съ В(яземски)мъ я жду тебя.
Скажи ему о томъ иль прозой, иль стихами;
Обоимъ буду радъ, сердечно васъ любя.

54.

Нельзя-ли завтра, въ среду,
Пріѣхать къ моему, любезный кумъ, обѣду?
Илью Иваныча (*) съ собою пригласить;
Я не былъ у него; но льзя-ль не извинить
Того, который вѣчно боленъ?
Отмѣнно буду я доволенъ,

(*) Вмѣсто Ивановича: licentia poetica. *Соч.*

Когда исполнитъ онъ желаніе мое.
Въ тебѣ-жъ не сомнѣваюсь:
Пріѣдешь ты ко мнѣ, надеждою ласкаюсь,
Извѣстно сердце мнѣ твое.

55.

Завтра, въ среду,
Ты къ обѣду,
Другъ, явись!
Въ легки дрожки,
Склавши ножки,
Ты садись!
Только слово —
Все готово:
Вороные,
Удалые
Прилетятъ!...
Отъ поэта
Ждетъ отвѣта
Твой собратъ.

56.

Любезный кумъ, товарищъ милый,
Тебя зоветъ подагрикъ хилый
На скромный свой обѣдъ.
Надѣюсь—мнѣ отказа нѣтъ;
И завтра, въ пятницу, конечно,
Исполнишь друга ты желаніе сердечно.

57.

Я боленъ, милый кумъ, и никуда не ѣду;
Прошу пожаловать къ обѣду;
Кузинъ мнѣ посѣщать въ другой придется разъ;
Я буду ждать тебя въ обыкновенный часъ.

58.

Что вижу? Стражъ ночной, могучею рукою
Схвативъ дщерь Вакхову, на съѣзжую помчалъ.
Ни перси нѣжныя, ни щекъ ея кораллъ,
Ни черные власы—надъ хладною душою
Ничто не дѣйствуетъ! Онъ скачетъ на конѣ
И высѣчетъ ее, какъ мнится мнѣ.

59.

Вотъ, милый кумъ, процентовъ сто рублей,
Да тридцать пять еще за твой журналъ пріятный
По дружбѣ искренней твоей
Ты извинишь, что я платилъ неаккуратно;
Не будетъ этого впередъ!
Прошу сегодня на обѣдъ,
И привези ко мнѣ М(акаро)ва съ собою;
Я боленъ, но гостямъ любезнымъ радъ душою.

60.

Нѣтъ надежды, другъ мой милой,
Ѣхать завтра въ Люблино.
Я поэтъ здоровьемъ хилой;
Мнѣ судьбою суждено

Взаперти сидѣть въ ненастье,
Думу думать и скучать.
Быть здоровымъ—вотъ и счастье!
Кто здоровъ, тотъ ликовать
Можетъ здѣсь и безъ наслѣдства.
Что мнѣ въ немъ, когда нѣтъ средства
Съ другомъ кубокъ осушать?
22-го іюня.

Именинницамъ почтенье
И отъ сердца поздравленье;
Генерала обойми.
Мыслилъ съ добрыми людьми
Пировать. Не тутъ-то было!
Что-то сердце пріуныло,
Плохо жить приходитъ мнѣ.
Веселися въ Люблинѣ!

61.

Что дѣлать, милый кумъ! Страдалецъ я на свѣтѣ,
И выѣхать нельзя мнѣ даже и въ каретѣ.
Ходить я не могу
И плачу, истинно не лгу,
Что вечеромъ не буду съ вами,
Моими добрыми друзьями;
Что не увижуся съ прелестною кумой,
Которую я чту душой
И очень рѣдко вижу.
На этихъ дняхъ я повстрѣчался съ ней;
И что-же? Къ горести моей,
Ее за вистъ (а вистъ, ты знаешь, ненавижу)
Изволила хозяйка посадить.
Сегодня думалъ съ нею быть:
Проклятая болѣзнь веселія лишаетъ.
Твой кумъ горюетъ, унываетъ;
О немъ, любезный, пожалѣй
И будь увѣреннымъ въ преданности моей.

62.

Нельзя-ли, милый кумъ, газетамъ поклонясь,
Сегодня у меня съ товарищемъ *) откушать?
Обоихъ я хочу и видѣть, и послушать,
А выѣхать боюсь. Какая сырость, грязь!
Какая для меня несносная погода!
Моя-жъ болѣзнь такого рода,
Что долженъ взаперти сидѣть, повѣся носъ.
Пошли, о Боже, намъ морозъ!
Тогда и я возьму отвагу
И, заложивъ свою четверкой колымагу,
Пущусь по улицамъ скакать,
Пріятелей, родныхъ, любезныхъ навѣщать,
Благодарить за посѣщенье.

*) Разумѣется, съ любезнымъ Александромъ Дмитріевичемъ Курбатовымъ.
Соч.

Дождемся скоро мы зимы и красныхъ дней!
Покамѣстъ посижу въ каморкѣ я моей...
Терпѣнье, милые, терпѣнье!

14-го ноября.

63.

Нельзя-ли, милый князь, оставить вамъ газеты?
Ко мнѣ сбираются любимцы музъ—поэты,
И завтра васъ прошу на скромный мой обѣдъ.
Неужли скажете вы къ огорченью: нѣтъ?
Неужли въ четвертокъ вамъ должно быть въ конторѣ
И не участвовать въ пріятномъ разговорѣ?
Оставьте ложь. Прошу и ожидаю васъ,
А я подагрою страдаю всякій часъ.

ПРОЗА.

I.

О КАРУСЕЛЯХЪ.

Благородному московскому обоего пола сословію посвящаетъ кавалерскаго карусельнаго собранія членъ Василій Пушкинъ. Un jour, ces souvenirs auront pour nous des charmes. L'abbé Delille, traduction de l'Enéide, livre 1-er.

Карусели имѣютъ древнѣйшее происхожденіе. Тертуліанъ *) утверждаетъ, что богиня Цирцея была изобрѣтательницею каруселей, и что она учредила ихъ въ честь Солнца, отца своего. Отъ того самаго иные думаютъ, что слово карусель происходитъ отъ carrus solis или carro del sole. Вѣроятнѣе всего, что карусели получили свое названіе отъ колесницъ, въ сихъ рыцарскихъ упражненіяхъ употребляемыхъ.

Карусели напоминаютъ намъ о прежде бывшихъ рыцарскихъ играхъ и поединкахъ. Французы, Англичане и Нѣмцы спорятъ между собою объ учрежденіи такъ называемыхъ турнировъ (tournois) и опредѣляютъ оное въ девятомъ вѣкѣ.

Древніе остатки народныхъ богатырскихъ пѣсенъ и сказокъ доказываютъ, что въ Россіи, также какъ и въ другихъ европейскихъ государствахъ, такія игры и поединки существовали, и также господствовала система странствующихъ рыцарей. Вступающимъ въ сіе званіе предлагаемы были три статьи. Рыцари клятвенно ихъ сохранять обязывались.

*) Извѣстный писатель (Quintus Septimius Floreus Tertulianus), родившійся въ Африкѣ, въ Карѳагенѣ, принявшій христіанскую вѣру въ царствованіе императора Северія и прославившійся своимъ краснорѣчіемъ.

1) Никогда не отступать отъ добродѣтели. Преступникъ, недостойный милости Всемогущаго, лишаясь спокойствія душевнаго, лишается и способности къ великимъ подвигамъ.

2) Видя слабаго, притѣсняемаго сильнѣйшимъ, не оставлять безъ защищенія. Не помогающій ближнему не можетъ и самъ ожидать помощи.

3) Покровительствовать всегда беззащитнымъ женщинамъ, находящимся въ гоненіяхъ и напастяхъ. Любовь умягчаетъ нравъ ратоборцевъ, могущій легко въ звѣрство обратиться.

Руководствуемые сими правилами витязи за честь себѣ вмѣняли наказывать неправедныхъ и защищать слабыхъ. Насилія вельможъ, разбои и опустошенія отъ злонамѣренныхъ враговъ около 996 года при владѣніи великаго князя Владиміра Святославича, по всей Россіи распространявшіяся, заставляютъ предполагать, что онъ былъ первымъ учредителемъ рыцарскаго богатырскаго въ Россіи ордена: ибо по лѣтописямъ ни при которомъ государѣ не упоминается столько о ратоборцахъ, необычайною силою одаренныхъ. Въ дошедшихъ до насъ чрезъ изустныя преданія сказкахъ и донынѣ многіе изъ нихъ поименно прославляются. Вскорѣ сіи рыцари пресѣченныя для путешествующихъ по Россіи дороги сдѣлали опять безопасными и кроющіяся въ лѣсахъ и вертепахъ скопища злодѣевъ истребили. Къ молвѣ, разнесшейся повсюду о силѣ и отважности ихъ, по тогдашнему образу мыслей, примѣшались чудесности духовъ, которые защитникамъ невинности благопріятствовали, и мнимое сверхъестественное могущество рыцарей распространило спасительный страхъ на всѣхъ обидчиковъ и утѣснителей.

Писатели византійской исторіи увѣряютъ, что восточные народы переняли у Французовъ искусство въ ратоборствѣ, и нѣкій иностранный историкъ называетъ турниры поединками французскими. Намъ извѣстно только то, что Россія почти въ то же самое время, какъ начались турниры въ прочихъ европейскихъ государствахъ, то есть, въ девятомъ вѣкѣ, славилась также своими храбрыми витязями и могущими богатырями.

Мы читаемъ въ лѣтописяхъ, что въ 993 году, во время царствованія равноапостольнаго князя Владиміра, на берегу рѣки Трубежа, былъ славный поединокъ между исполиномъ печенѣгскимъ и сильнымъ богатыремъ русскимъ Яномъ Усмовичемъ, который, схвативъ Печенѣга, приподнялъ его, ударилъ объ землю и повергъ мертва. Отъ сего поединка зависѣла участь Русскія земли. Побѣдитель, вооружась потомъ палицею, вмѣстѣ съ Владиміромъ на ужаснувшихся Печенѣговъ наступилъ. Робостью объятые полки супостатовъ побѣжали, а Россіяне, въ торжествѣ преслѣдуя ихъ, покрыли поля множествомъ убіенныхъ.

Въ самомъ началѣ турнировъ женщины не присутствовали при сихъ военныхъ увеселеніяхъ; но любовь къ славѣ искоренила въ сердцахъ ихъ врожденную робость, и онѣ потомъ брали въ оныхъ величайшее участіе.

Всѣ подвиги рыцарей были посвящены женскому полу. Каждый рыцарь носилъ любимый цвѣтъ своей красавицы, украшалъ щитъ свой ея именемъ, шлемъ—шитымъ ею покрываломъ, копье—полученною отъ нея лентою или ожерельемъ; любовь, честь и слава были истинныя добродѣтели рыцарей, а поцѣлуй, данный красавицею побѣдителю, былъ величайшая для него награда.

Въ 1559 году, Генрихъ II, король французскій, потерялъ жизнь въ турнирѣ, и Французы, пораженные такимъ несчастіемъ, прекратили сіи опасныя увеселенія. Однако-жъ, годъ спустя послѣ кончины сего молодого государя, былъ въ Орлеанѣ послѣдній турниръ, на которомъ принцъ крови, Генрихъ Бурбонъ-Монпансье, упавъ съ лошади, умеръ. Духъ рыцарства исчезъ съ прекращеніемъ сихъ рыцарскихъ поединковъ, и мы видимъ только слабые остатки онаго въ учрежденныхъ потомъ каруселяхъ.

Людовикъ XIV, король французскій, государь, любившій пышность и забавы, во время даннаго имъ каруселя въ 1661 году, самъ былъ начальникомъ римской кадриліи. Праздникъ сей былъ, какъ сказываютъ, великолѣпнѣйшій, и на немъ присутствовали пріѣхавшіе тогда нарочно въ Парижъ иностранные принцы и вельможи.

Въ 1750 году, въ Берлинѣ, братья Фридриха Второго показывали въ карусели свое искусство и проворство; но славнѣйшій изъ каруселей былъ данъ въ Россіи въ 1766 году, при началѣ царствованія блаженныя памяти Екатерины Великія. Четыре были кадриліи: славянская, римская, индѣйская и турецкая.

Государыня была одѣта по-славянски. Она любила славу и народъ русскій. Одѣяніе рыцарей и дамъ было великолѣпнѣйшее. Казалось, что на случай сего торжественнаго празднества, алмазы всѣхъ четырехъ частей свѣта были собраны и привезены въ Россію. Украшенный сѣдинами фельдмаршалъ графъ Минихъ былъ главнымъ судьею рыцарей. По окончаніи ристаній и при раздаваніи прейсовъ, сей достопочтенный мужъ произнесъ трогательную рѣчь, въ которой изобразилъ милости великія монархини и блаженство ея подданныхъ. «Извѣстно всѣмъ», такъ говорилъ онъ, «что не проходилъ одинъ день, который бы не показалъ знака материнскихъ попеченій нашей всемилостивѣйшей императрицы о возвышеніи славы ея имперіи, о благополучіи всѣхъ вообще ея подданныхъ и о умноженіи знаменитости, особливо всѣхъ благородно рожденныхъ». Потомъ, описавъ великолѣпіе каруселя и подвиги рыцарей, графъ Минихъ окончилъ рѣчь свою сими словами: «Что до меня принад-

лежитъ», сказалъ онъ, «то въ старости и сѣдинѣ моей, чрезъ шестьдесятъ и пять лѣтъ, подъ бременемъ службы, безъ сомнѣнія, нахожу себя древнимъ солдатомъ и старѣйшимъ въ Европѣ фельдмаршаломъ. Послѣ того, какъ я имѣлъ честь не единожды приводить россійскую армію къ побѣдамъ, за особливое почитаю себѣ воздаяніе и тѣмъ славлюся, знаменитыя дамы и кавалеры, что въ сей день не только я свидѣтель, но еще и главный судія вашихъ благородныхъ подвиговъ».

Лирикъ Петровъ, извѣстный по стихотвореніямъ своимъ, поднесъ императрицѣ оду, въ которой онъ воспѣлъ рыцарскія игры и блескъ двора Россійскаго. Нѣкоторыя строфы, здѣсь прилагаемыя, послужатъ къ удовлетворенію любопытства читателей.

Уборомъ дорогимъ покрыты,
Даютъ махъ кони гривъ на вѣтръ;
Бразды ихъ пѣною облиты,
Встаетъ прахъ вихремъ изъ-подъ бедръ;
На нихъ подвижники избранны
Несутся въ путь пескомъ устланный,
И кровь въ предсердіи кипитъ;
Душевный даръ изнесть на внѣшность,
Явить нетрепетну поспѣшность,
Ихъ честь, ихъ царскій взоръ крѣпитъ.

Но что за красоты сіяютъ
Съ гремящихъ верха колесницъ,
Что рукъ искусствомъ превышаютъ
Діану и ея стрѣлицъ?
Не храбрыя-ль спартански дѣвы,
Презрѣвъ, хотятъ ихъ гнать по мхамъ?
Народныя россійски дщери,
Въ дозволенны вшедъ чести двери,
Оспорить тщатся лавръ мужамъ.

Потомъ, описавъ каждаго начальника кадриліи особенно, поэтъ наконецъ восклицаетъ:

Такъ быстро воины Петровы
Скакали въ Марсовыхъ поляхъ,
Такія въ нихъ сердца орловы,
Такой чела и рукъ былъ взмахъ!
И легка членовъ преобратность,
Надъ мыслей дѣюща понятность,
Когда въ жару кровавыхъ сѣчъ
Летали молніей по строю
И безошибочной рукою
Сжинали главы съ шведскихъ плечъ.
И се подвижнѣйшихъ героевъ
И дѣвъ побѣдоносный хоръ
Въ чертогъ вожди пріемлютъ воевъ,
Судей избраннѣйшихъ соборъ.
Тамъ мужъ украшенъ сѣдиною
Той лавры раздаетъ рукою,
Изъ коей въ браняхъ громъ металъ;

Луна отъ тѣхъ метаній тмилась,
Какъ противъ солнца опомчилась,
И понтъ волнъ черныхъ встрепеталъ.

Первый прейсъ изъ рыцарей получилъ римской кадриліи полковникъ и унтеръ-шталмейстеръ Василій Михайловичъ Ребиндеръ. Второй прейсъ получилъ турецкой кадриліи подполковникъ кирасирскаго полку князь Иванъ Андреевичъ Шаховской. Третій прейсъ получилъ римской же кадриліи конной гвардіи ротмистръ графъ Штейнбокъ. Изъ дамъ: первый прейсъ—ея сіятельство графиня Наталья Петровна Чернышева, нынѣ вдовствующая княгиня Голицына, штатсъ-дама и ордена Св. Екатерины второго класса кавалерственная дама. Второй прейсъ—ея сіятельство графиня Екатерина Александровна Бутурлина, нынѣ штатсъ-дама и кавалерственная дама, супруга его сіятельства князя Юрія Володиміровича Долгорукова. Третій прейсъ—Анна Васильевна Лопухина.

Таковы были увеселенія Екатерины Великія! Внукъ ея, государь императоръ Александръ I, шествующій во всемъ по ея стопамъ, соизволилъ нынѣ на желаніе московскаго благороднаго общества дать публикѣ карусель, въ которомъ оно назначило учредителемъ его высокопревосходительство Степана Степановича Апраксина. Главнымъ же судьею рыцарскихъ подвиговъ нынѣ честь имѣемъ называть его сіятельство главнокомандующаго здѣшнею столицею фельдмаршала графа Ивана Васильевича Гудовича.

Въ 1784 году, во время главнаго начальства въ Москвѣ покойнаго генералъ-фельдмаршала графа Захара Григорьевича Чернышева и подъ распоряженіемъ флигель-адъютанта ея императорскаго величества государыни Екатерины II генералъ-маіора Ивана Николаевича Корсакова и генералъ-маіора Степана Степановича Апраксина, былъ на Дѣвичьемъ полѣ довольно замѣчательный карусель. Прейсы выиграли кавалеры: князь Александръ Сергѣевичъ Трубецкой, Иванъ Николаевичъ Корсаковъ, Степанъ Степановичъ Апраксинъ и Василій Алексѣевичъ Хованскій.

Въ 1777 году, при королѣ шведскомъ Густавѣ III, былъ славный карусель въ Стокгольмѣ. Въ 1803 году, во время главнаго начальства въ Москвѣ покойнаго фельдмаршала графа Ивана Петровича Солтыкова, былъ также карусель подъ распоряженіемъ графа Ивана Петровича Солтыкова, князя Александра Ѳеодоровича Щербатова, князя Сергѣя Сергѣевича Голицына и Алексѣя Михайловича Пушкина. Прейсы выиграли: графъ Петръ Ивановичъ Солтыковъ, Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ, князь Сергѣй Сергѣевичъ Голицынъ и графъ Варѳоломей Васильевичъ Толстой.

Нынѣшній карусель составляется изъ нижеслѣдующихъ особъ: Учредитель всего каруселя—Степанъ Степановичъ Апраксинъ. Главный судья главнокомандующій графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ. Судьи: князь Юрій Володиміровичъ Долгорукой, Степанъ Степановичъ Апра-

ксинъ, графъ Ѳедоръ Васильевичъ Растопчинъ, князь Иванъ Сергѣевичъ Барятинскій, Николай Васильевичъ Обрѣсковъ, Ѳедоръ Петровичъ Уваровъ, Василій Николаевичъ Чичеринъ, Александръ Алексѣевичъ Чесменскій. Главный церемонмейстеръ всего каруселя—князь Василій Алексѣевичъ Хованскій; старшій конный церемонмейстеръ—князь Александръ Ѳедоровичъ Щербатовъ; старшій пѣшій церемонмейстеръ—графъ Петръ Ивановичъ Салтыковъ. Господа конные церемонмейстеры: князь Петръ Алексѣевичъ Хованскій, Николай Сергѣевичъ Солтыковъ, князь Александръ Сергѣевичъ Трубецкой, Аѳанасій Ивановичъ Юрасовъ. Господа пѣшіе церемонмейстеры: Саковнинъ, Бартеневъ, Гусятниковъ, князь Иванъ Сергѣевичъ Одоевскій. Герольдмейстеръ: графъ Илья Андреевичъ Толстой. Гофмейстеръ: князь Димитрій Евсеевичъ Циціановъ. Маршалъ каруселя: Алексѣй Александровичъ Пашковъ. При учредителѣ господа конные ассистенты: Вальцевъ, Масловъ, В. Войноловичъ, И. Войноловичъ, Лесли. Господа ассистенты главнаго церемонмейстера: Александръ Черновъ, Калининъ. Господа ассистенты гофмейстера: Степанъ Черновъ, Крыловъ. Господа ассистенты герольдмейстера: Грасъ, Протопоповъ. Главный секретарь: г. Ивановъ. Секретари: гг. Пенскій, Яковлевъ. 1-й военной кадриліи шефъ: Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ. Господа кавалеры 1-й кадриліи: князь Гагаринъ, Обрѣсковъ (адъютанты генералъ-фельдмаршала), Мордвиновъ, Мерлинъ. 2-й кадриліи шефъ: Сергѣй Ивановичъ Талбухинъ. Господа кавалеры 2-й кадриліи: Нелединскій, князь Волконскій, Волковъ, Бехтѣевъ. 3-й кадриліи шефъ: Димитрій Николаевичъ Болховской. Господа кавалеры 3-й кадриліи: графъ Апраксинъ, Валуевъ, князь Гагаринъ, графъ Апраксинъ. 4-й кадриліи шефъ: Всеволодъ Андреевичъ Всеволожскій. Господа кавалеры 4-й кадриліи: Шепелевъ, графъ Толстой, Демидовъ, Вишняковъ. Главный берейторъ при карусели: г. Шульцъ. Архитекторъ: г. Компорези.

Почетные члены, учавствовавшіе въ заведеніи каруселя: графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская, Екатерина Володиміровна Апраксина, князь Николай Борисовичъ Юсуповъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Валуевъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Долгорукій, дѣйствительный тайный совѣтникъ Лунинъ, генералъ-лейтенантъ Кноррингъ, генералъ-лейтенантъ Брозинъ, генералъ-лейтенантъ Гессе, сенаторъ князь Багратіонъ, сенаторъ Барановъ, генералъ-маіоръ Бахметевъ, генералъ - маіоръ Мерлинъ, сенаторъ Левашовъ, генералъ-лейтенантъ князь Шаховской, генералъ-маіоръ графъ Гудовичъ, сенаторъ Нарышкинъ, генералъ-маіоръ Позняковъ, сенаторъ Нелединскій, генералъ-маіоръ графъ Разумовскій, тайный совѣтникъ Юшковъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Демидовъ, полковникъ Дмитріевъ, бригадиръ Дурасовъ, генералъ-маіоръ баронъ Корфъ, камеръ-юнкеръ князь Вяземскій, бригадиръ Исленьевъ, Сергѣй Соковнинъ, Николай Масаловъ, Ѳеодоръ Масаловъ, Александръ Облязовъ.

1811.

II.

Любовь перваго возраста.

Сказка на заданныя слова: *Простота*, *кораблекрушеніе*, *терпѣніе*, *для чего*, *равнодушіе*, *надежда*, *война*, *насѣкомое*, *громъ*, *ручей*, *селеніе*, *ладья*, *торжество*, *обольщеніе*.

Вы желаете, милостивая государыня, чтобы я написалъ вамъ сказку, и мнѣ надобно повиноваться, ибо мнѣ пріятно исполнить волю вашу. Отъ васъ требую только не большого вниманія, а большого снисхожденія. Знаю, что вкусы различны: одни ищутъ въ сказкахъ правдоподобія и *простоты*, другіе любятъ чудесныя происшествія, привидѣнія, разбойниковъ, *кораблекрушеніе*, темницы и все, что заключаютъ въ себѣ плодовитые романы г-жи Радклифъ.

Авторъ находится всегда въ бо̀льшемъ затрудненіи, нежели читатель: если книга скучна, то онъ покидаетъ ее и беретъ другую, тогда какъ авторъ долженъ довести до конца то, что онъ началъ. Правда, что мы, бумагомаратели, какъ скоро потеряемъ *терпѣніе*, можемъ бросить въ огонь наше произведеніе, но отъ самолюбія ли, или по дѣйствію небеснаго наказанія, вмѣсто того, чтобы слѣдовать сей прекрасной методѣ, многіе писатели предаютъ себя тисненію, и только для однихъ читателей остается удовольствіе торжественнаго всесожженія. Если сказка моя еще при началѣ будетъ имѣть несчастіе вамъ скучить, то позволяю вамъ сіе невинное удовольствіе, ибо въ лѣта ваши пріятна забава, а скука страшнѣе всего на свѣтѣ. Я начинаю. Пора, скажете вы мнѣ; но *для чего*, сударыня? Не столько ли же пріятно разговаривать съ вами, какъ и разсказывать вамъ сказки. Впрочемъ, то, что я разскажу вамъ, не сказка, но быль, и которая до меня только касается.

Я былъ молодъ, любилъ, какъ и другіе, и въ первый разъ узналъ нѣжную склонность и сердечное влеченіе къ любезности и красотѣ женской. Я влюбился, какъ влюбляются въ молодости, то-есть, страстно. Я рѣдко видѣлъ Зюльмею (позвольте мнѣ дать ей это имя, ибо оно первое мнѣ представилось). Рѣдко видѣлъ, но видѣлъ довольно часто для того, чтобы ее боготворить и питать воображеніе тѣми прелестными мечтами, которыхъ скоро лишаемся и о которыхъ всегда сожалѣемъ.

Красавица не подозрѣвала моей тайной склонности. Веселая, рѣзвая, безпечная, она думала только о забавахъ своего возраста; ей было шестнадцать лѣтъ; и никогда не читая романовъ, не примѣчала ни моего смятенія, когда начиналъ говорить съ нею, ни унынія, которому предавался я въ ея присутствіи; и *равнодушіе* Зюльмеи ко мнѣ и другимъ молодымъ людямъ, ее окружавшимъ, происходило только отъ невиннаго и непорочнаго ея сердца. Иногда взглядъ Зюльмеи поселялъ въ душѣ моей *надежду*; но, увы! надежда недолго продолжалась, и другой взглядъ возвращалъ меня къ

неизвѣстности и печали. Молодой шестнадцатилѣтній человѣкъ всегда робокъ, и я не смѣлъ произнести слова любви передъ той, которую любилъ болѣе своей жизни. Нѣсколько разъ покушался выговорить его, но слово замирало на устахъ моихъ. Въ это время Русскіе вели *войну* со Шведами. Я ожидалъ офицерскаго чина и повелѣнія слѣдовать за арміею. Я не хотѣлъ разстаться съ Зюльмеею, не открывъ ей любви своей; а между тѣмъ готовъ былъ уѣхать, не сказавъ ни одного слова. Каждый вечеръ безчисленное множество мыслей стекалось въ головѣ моей, и я, ложась въ постель, придумывалъ разговоръ съ Зюльмеею, готовился говорить съ нею языкомъ сердечной нѣжности и, увидя ее, все забывалъ и только вздыхалъ и только взглядывалъ на нее въ то самое время, въ которое она всего менѣе о томъ думала, и когда взоры ея обращались въ противную сторону. Всего чаще встрѣчался я съ Зюльмеею въ домѣ моего дяди, который чрезмѣрно любилъ меня. Онъ имѣлъ въ Москвѣ прекрасный домъ и садъ. (Вы угадываете, что Зюльмея была Москвитянка). Это было въ маѣ мѣсяцѣ. Въ одинъ вечеръ, когда мой дядя угощалъ у себя немногихъ пріятелей, я встрѣтился съ Зюльмеею. Всѣ были въ саду. Старики и другіе гости пили чай на террасѣ, а молодые люди рѣзвились, и Зюльмея, живая Зюльмея, будучи рѣзвѣе всѣхъ подругъ своихъ, поймала прекрасную бабочку, которую всѣмъ показывала съ тайнымъ восхищеніемъ. «Ради Бога, пусти на волю бѣднаго *насѣкомаго*», сказала Азема, дочь моего дяди:—«это—эмблема непостоянства, а непостоянство для меня ужасно». «А мнѣ кажется», воскликнула Зюльмея, «что бабочка — эмблема удовольствія». Эти слова, произнесенныя съ живостію, привели меня въ трепетъ. Я видѣлъ въ Зюльмеѣ защитницу непостоянства, сдѣлалъ невольное движеніе, которое она замѣтила, и въ первый разъ еще подошла ко мнѣ спросить, какая была причина моего движенія. «Не знаю, что со мною сдѣлалось», отвѣчалъ я, «но съ нѣкотораго времени не хорошо себя чувствую».—«Я это угадывала», вскричала Зюльмея»: «нахожу, что вы печальны; я говорила о томъ Άземѣ; конечно, отъѣздъ огорчаетъ васъ?»—«Долгъ мой повелѣваетъ мнѣ явиться въ армію», отвѣчалъ я, потупивъ глаза въ землю; «съ радостію готовъ его выполнить; но возможно ли не огорчаться разлукою съ милыми для сердца людьми, и разлукою, можетъ быть, вѣчною».—«О, нѣтъ, мы еще увидимся», сказала съ жаромъ Зюльмея и скрылась какъ молнія. Азема, подслушавшая разговоръ нашъ, улыбалась, но я былъ внѣ себя; сердце мое сильно билось, щеки горѣли, и мнѣ казалось, что принятое во мнѣ участіе удовлетворяло всѣ мои желанія.

Черезъ нѣсколько дней я уѣхалъ. Едва миновалъ заставу и думалъ уже о моемъ возвращеніи, о прекрасномъ офицерскомъ мундирѣ, о крестикѣ св. Георгія, который надѣялся получить, и о томъ

впечатлѣній, которое все это будетъ имѣть на сердце Зюльмеи. Между тѣмъ въ утѣшительныхъ размышленіяхъ я и не примѣчалъ, какъ буря вокругъ меня свирѣпствовала. *Громъ* гремѣлъ надъ моею головой; молніи одна за другою сверкали; лошади, пугаясь, останавливались на каждомъ шагу, и камердинеръ мой, дрожа какъ листъ, кричалъ: «Мы погибли!» Вдругъ громовой ударъ раздробилъ древній дубъ за пятьдесятъ шаговъ отъ насъ, стоявшій передъ лѣсомъ. За нимъ послѣдовалъ проливной дождь; *ручьи* превратились въ потоки, и на бѣду переломилась ось у моей кибитки. Я принужденъ былъ тащиться пѣшкомъ до ближняго *селенія*. Оно стояло на берегу рѣки; надлежало переѣхать на другой берегъ. Къ счастію, нашелъ я перевозчика съ *лодкою,* а въ селеніи—недавно выстроенный опрятный домикъ и гостепріимнаго хозяина. Между тѣмъ, какъ сушилось мое платье, ибо меня насквозь промочило, я писалъ на стѣнѣ стихи и прозу въ честь Зюльмеи. Увы! можетъ быть, время еще не изгладило сихъ выраженій пламенной души, которая въ первый разъ любила; время не могло перемѣнить ихъ; но тотъ, который писалъ ихъ съ такимъ удовольствіемъ, сдѣлался уже другимъ человѣкомъ. Двадцатилѣтнія печали измѣнили лицо мое и притупили мою чувствительность; и если сердце мое иногда питается искрою чувства, то скоро печальный и холодный разсудокъ гаситъ ее и оставляетъ въ сердцѣ одни воспоминанія и сожалѣнія. Извините мое отступленіе. Иногда сказочники любятъ уклоняться отъ своего предмета, чтобы завести далѣе читателя, а мои размышленія сами собою мнѣ представились; они искренни и, слѣдственно, не могутъ быть излишними.

Когда буря утихла и починили мою кибитку, я отправился далѣе и въ три дни пріѣхалъ въ Петербургъ. Осенью заключенъ былъ миръ со Швеціею. Я получилъ чинъ гвардейскаго офицера; но, вмѣсто пріятной надежды возвратиться въ Москву, принялъ наложенную на меня должность, которая не позволяла мнѣ оставить полкъ свой. Великая Екатерина, которой все царствованіе было безпрерывнымъ *торжествомъ*, любила торжества и праздники, и столица праздновала миръ со всѣми возможными увеселеніями. Только и говорили о парадахъ, иллюминаціяхъ, балахъ и фейерверкахъ. Разсѣяніе не мѣшало мыслямъ моимъ заниматься Зюльмеею; я тосковалъ объ ней и въ свободныя минуты писалъ страстныя къ ней письма, которыя, правда, оставались всегда въ моемъ кабинетѣ, но которыя читалъ я съ восторгомъ брату, единственному повѣренному моего сердца.

Потомъ, пустившись въ блистательныя общества, я сталъ не такъ робокъ и началъ пріобрѣтать ту свѣткость, которой только научаются, можно сказать, въ обращеніи съ знатными и придворными. Всегда любилъ я поэзію и всегда ею занимался. Графъ Стр***,

князь Бѣл***, графы Сег*** и Коб***, княгиня Д*** и графиня Ш*** читали стихи мои съ обязательнымъ снисхожденіемъ и позволяли мнѣ участвовать въ ихъ забавахъ. Тогда въ обыкновеніи были благородные спектакли. Я игралъ комедію съ лучшими актерами, какихъ могло только произвести хорошее общество. Это образовало мой вкусъ и научило меня съ пріятностью изъясняться. Но сердце мое пылало любовью къ Зюльмеѣ, и когда встрѣчалъ я прекрасную, ловкую и любезную женщину, то всегда сравнивалъ съ тою, которая совершенно владѣла мною.

Такимъ образомъ протекли два года. Я готовился возвратиться въ Москву, какъ вдругъ узналъ, что Зюльмея вышла за господина Н***. Не могу изъяснить вамъ той горести и тоски, которыя овладѣли мною. Мать моя и двѣ сестры, которыхъ любилъ я нѣжно и которыя жили въ Москвѣ, ожидали меня съ нетерпѣніемъ, и давно сердце мое желало съ ними соединиться. Я увидѣлъ ихъ, прижалъ къ своему сердцу и оросилъ слезами, пролитыми отъ радости и печали. Меня отпустили на 6 мѣсяцевъ. Я хотѣлъ воспользоваться симъ отпускомъ, чтобы посвятить себя трудамъ кабинета. Я рѣдко выѣзжалъ, ибо страшился встрѣтиться съ Зюльмеею. Между тѣмъ главнокомандующій давалъ великолѣпный балъ на случай рожденія нынѣшняго императора. Я поѣхалъ на балъ, но противъ воли и съ нѣкоторымъ предчувствіемъ, которое оправдается, какъ вы увидите. Когда я вошелъ въ танцовальную залу, первая представилась мнѣ Зюльмея, сидящая подлѣ своей матери и пожилого, но здороваго человѣка, который имѣлъ въ лицѣ остроуміе и откровенность. Мнѣ не трудно было узнать въ немъ господина Н***. Я поблѣднѣлъ, остановился и, чтобы скрыть мое замѣшательство, сказалъ нѣсколько незначущихъ словъ одному изъ моихъ пріятелей, который, по счастію, стоялъ рядомъ со мною. Пришедши нѣсколько въ себя, обратилъ я взоры на Зюльмею. Красота ея меня поразила; но прежняя живость изчезла; въ чертахъ ея видно было уныніе, и, повѣрите-ли? эта мысль меня успокоила. Побѣдивъ себя, подошелъ я къ дамамъ сказать имъ, какъ мнѣ пріятно свиданіе съ ними. Г-жа С***, мать Зюльмеи, представила мнѣ своего зятя; мы раскланялись вѣжливо, но холодно, какъ новые знакомцы. Г-жа С***, великая говорунья, предлагала мнѣ тысячу вопросовъ о петербургскихъ обществахъ, говорила о замужествѣ своей дочери, о богатствѣ г. Н***, не оставляя ему времени сказать мнѣ одного слова. Но всего болѣе спѣшила она пригласить меня къ себѣ и объявить, что они всѣ живутъ въ великолѣпномъ домѣ и всякую пятницу даютъ у себя балы. Это внезапное приглашеніе привело меня въ смятеніе. Я отвѣчалъ только низкимъ поклономъ. Г. Н*** прибавилъ, что онъ радъ будетъ видѣть меня у себя въ домѣ, тѣмъ болѣе, что онъ зналъ моего отца и любитъ его память. Зюльмея, ничего еще не сказавъ мнѣ и во все

время сего разговора играя своею шалью съ дѣтскою безпечностію, спросила меня, наконецъ, долго ли я намѣренъ пробыть въ Москвѣ? «Уѣду черезъ три мѣсяца», отвѣчалъ я тихо и робко; «но если бы мнѣ было возможно, то уѣхалъ бы тотчасъ». — «Конечно, вы очень любите Петербургъ», говорила она, «когда вы такъ спѣшите». Вдругъ подошелъ молодой человѣкъ; она подала ему руку, чтобы идти танцовать, оставивъ меня одного съ матерью и мужемъ своимъ. Отсутствіе ея меня успокоило. Г. Н*** говорилъ со мною о прекращенной со Швеціею войнѣ, и я увидѣлъ въ немъ человѣка свѣдущаго, опытнаго и здравомыслящаго. Начались вальсы. Я всталъ съ мѣста своего, чтобы идти смотрѣть на танцующую красавицу; но, къ великому удивленію моему, она возвратилась на свое мѣсто и не вальсировала. Я свѣдалъ послѣ, что г. Н*** не любитъ вальсовъ, и что изъ повиновенія къ нему она перестала вальсировать. «Имѣю нѣчто поговорить съ вами», сказала Азема, отведя меня въ сторону. — «Г-жа Н*** на васъ жалуется; вы говорили съ нею языкомъ оскорбительнымъ». — «Я, я оскорбилъ г-жу Н***! Возможно ли подумать?» — «Успокойтесь и выслушайте меня: завтра ввечеру зову на чай Зюльмею. Чтобы заставить васъ пріѣхать ко мнѣ, довольно сказать вамъ, что васъ находятъ любезнымъ и радуются свиданію съ вами». Едва договорила Азема, и я въ безпамятствѣ схватилъ и облобызалъ ея руку. Это былъ единственный отвѣтъ мой. Вскорѣ я уѣхалъ съ балу. Сколько *обольщеній* придумалъ я, возвратясь домой! То хотѣлъ, чтобы Зюльмея нашла меня веселымъ, рѣзвымъ и вѣтренымъ, то желалъ показаться ей печальнымъ и задумчивымъ, какимъ былъ въ самомъ дѣлѣ.

Что сказать вамъ? За приглашеніемъ Аземы слѣдовали другія. Всякій день видѣлся я съ г-жею Н***, и любовь моя до того усилилась, что я не могъ уже скрывать ее. Наконецъ, осмѣлился открыть сердце мое, и красавица была тронута... Но я забываю, что всѣ слова прибраны, и я дописалъ заданный мнѣ предметъ. Если плѣнительная Зюльмея никогда не существовала, какъ то вѣроятно, ибо повѣсть не есть исторія, то покрайней мѣрѣ я представилъ себя такимъ, какимъ былъ въ молодости и не пересталъ, кажется, быть и въ теперешнихъ моихъ лѣтахъ, когда всѣ мечты изчезаютъ.

Буду доволенъ, если могъ пріятно занять васъ; и когда вамъ случится черезъ нѣсколько годовъ найти между бумагами вашими мою бездѣлку, то она напомнитъ вамъ время нашей страннической жизни, нашихъ невинныхъ упражненій и того счастія, которое доставило мнѣ знакомство ваше. Тогда, быть можетъ, меня уже не будетъ на свѣтѣ; но при концѣ жизни назову себя рѣдкимъ счастливцемъ, если останусь жить въ памяти вашей.

Нижній-Новгородъ. 24-го апрѣля 1813 г.

Россійскій Музеумъ 1815 г., № 9.

III.

Рѣчь члена «Вотъ».

Правила почтеннѣйшаго нашего сословія повелѣваютъ мнѣ, любезнѣйшіе Арзамасцы, совершить себѣ самому надгробное отпѣваніе, но я не почитаю себя умершимъ. Напротивъ того, я воскресъ, ибо нахожусь посреди васъ; я воскресъ, ибо навсегда оставляю мертвыхъ умомъ и чувствами. Не мертвъ-ли духомъ и умомъ тотъ, который почитаетъ Омира и Виргилія скотами, который не позволяетъ переводить Тасса и въ публичномъ, такъ называемомъ ученомъ собраніи ругаетъ Горація? Не мертвъ-ли чувствами и тотъ, который прекрасныя баллады почитаетъ твореніемъ уродливымъ, а самъ пишетъ уродливыя оды и не понимаетъ того, что ему предстоятъ не рукоплесканія, но свистки и Мидасовы уши.

Нынѣ, говоря объ ушахъ Мидасовыхъ, долгомъ почитаю обратиться къ пресловутой Петербургской Бесѣдѣ. О, сколько тутъ длинныхъ ушей находится! Сколько мы въ ней встрѣчаемъ старыхъ, юныхъ, сухихъ, чреватыхъ, блѣдныхъ и румяныхъ Мидасовъ! Бесѣда Петербургская ни въ чемъ, конечно, Московской не уступаетъ, но, по моему мнѣнію, во всемъ ее превосходитъ.

Къ сожалѣнію моему, я исполню сердца любезныхъ Арзамасцевъ чувствительною горестію. Я возвѣщу вамъ кончину юноши, въ дѣтствѣ ума и дѣтствѣ тѣлесномъ пребывающаго, юноши достойнѣйшаго, питомца великаго патріарха Халдеевъ, утверждающаго, что тротуары должны называться пѣшниками, а жареный гусь печениной; юноши, которому кортикъ не препятствовалъ держать въ рукѣ перо на безславіе литературы, но во славу досточестной Бесѣды.

Тщетно я силюсь, чувствомъ гнетомый (позвольте мнѣ употребить собственныя слова умершаго), тщетно я силюсь изобразить все происходящее въ Бесѣдѣ. Она лишается наилучшихъ усастыхъ сочленовъ своихъ.

Тучей надъ ними гибель виситъ.
Туча, обрушась, варваровъ губитъ,
Губитъ ихъ глупость, губитъ безстыдство,
Губитъ ихъ уши, губитъ языкъ.
Тысяща поприщъ тѣлами полны,
Множеству тѣней тѣсенъ сталъ адъ.

Такъ точно! Они валятся какъ мухи отъ мухоморовъ, и мы здѣсь, въ почтеннѣйшемъ нашемъ собраніи, отпѣваемъ ихъ, превозносимъ и удивляемся ихъ дарованіямъ. Напримѣръ, какъ не дивиться творцу лирическаго пѣснопѣнія! Сотворить поэму, въ которой находится несчетное множество строфъ, и нѣтъ поэмы; отказаться навсегда отъ Аполлона и музъ и, не смотря на то, заниматься поэзіей? Не ему-ли одному сіе предстояло? Не онъ-ли во-

спѣлъ, какъ отъ грознаго взора патріарха Халдейскаго гальское слово умираетъ на устахъ каждаго. Не ему-ли надлежало на такой предметъ сочинить оду? Изящный талантъ превозмогалъ всѣ трудности, и вмѣстѣ съ талантами возрастали и уши лирикопѣснопѣвца. Нѣтъ болѣе невиннаго умомъ и тѣломъ. Онъ лежитъ бездыханенъ.

Обратимся, слушатели, къ плачевному сему зрѣлищу. Слѣдуйте за мною въ мрачную храмину, обитую академическими сочиненіями! Горящія свѣчи, обернутыя въ «Письма Скимнина», освѣщаютъ воздвигнутый усопшему катафалкъ. «Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ» служитъ ему возглавіемъ, разсужденіе объ одахъ въ десницѣ его, «Бдѣнія Тассовы», похвальныя слова и переводы «Андромахи», «Ифигеніи», «Гамлета» и «Китайской Сироты» лежатъ у подножія гроба. Патріархъ Халдеевъ изрыгаетъ корни словъ въ ужасной горести своей. Онъ, уныло преклонивъ сѣдо-желтую главу свою, машетъ надъ лежащими въ гробѣ «Извѣстіями Академическими» и кадитъ въ него «Прибавленіемъ» къ «Прибавленіямъ». Онъ не чувствуетъ, что тѣмъ лишь умножается печаль, скука и угрюмость друзей, хладный трупъ окружающихъ. Плодовитый творецъ безчисленныхъ и безсмысленныхъ одъ, палачъ Депрео и Расина, стоитъ смиренно надъ гробомъ и, осыпая умершаго грязью и табакомъ, бормочетъ стихи въ похвалу его. Увы! Онъ еще сплелъ ихъ до кончины несчастнаго, успѣлъ напечатать, ибо любитъ писать стихи, отдавать въ печать, раздаетъ ихъ сотоварищамъ своимъ, и сотоварищи его не читаютъ ихъ. Секретарь Бесѣды, ничего никогда не сочинившій и едва знающій грамотѣ, бѣснуясь, топаетъ ногами и стучитъ крючковатою тростію. Толсточреватый сочинитель «Липецкихъ Водъ» кропитъ ими въ умершаго и тщится согрѣть его овчинными шубами своими. Но все тщетно: онъ лежитъ бездыханенъ! Давно-ли я, дерзновенный, воспѣвалъ невиннаго юношу, именуя его Варягороссомъ и кумомъ славянофила? И се успе! Длинныя уши его повисли, уста охладѣли, ноги протянулись. Стихотворенія пѣснопѣвца, въ которыхъ столь мало глаголовъ и столь много пустоглаголанія, останутся навсегда въ подвалахъ Глазунова и Заикина, останутся на съѣденіе стихожаднымъ крысамъ, и даже самъ патріархъ халдейскій забудетъ о нихъ!

O vanitas vanitatum, omnia vanitas!

Почтеннѣйшіе сограждане Арзамаса! Я не буду исчислять подвиговъ вашихъ. Они всѣмъ извѣстны. Я скажу только, что каждый изъ васъ приводитъ сочлена Бесѣды въ содроганіе, точно такъ какъ каждый изъ нихъ производитъ въ собраніи нашемъ смѣхъ и забаву. Да вѣчно сіе продолжится! Что съ нами будетъ, если не будетъ «Извѣстій Академическихъ?» Что намъ останется дѣлать, если патріархъ Халдейскій престанетъ безумствовать въ разборѣ происхожденія словъ и принимать черное за бѣлое? Куда сокроемся мы, если

толсточреватый комикъ догадается, что комедіи его ничто иное суть какъ печать глупости, злобы и невѣжества? Какая намъ будетъ польза въ томъ, если неутомимый риѳмоткачъ узнаетъ, наконецъ, что у козла нѣтъ свиной туши, а у голубей зубовъ, точно такъ, какъ нѣтъ здраваго разсудка въ стихахъ его; не совершенная ли бѣда для насъ будетъ, если Мидасы, оглянувшись другъ на друга, примѣтятъ, что уши ихъ еще длиннѣе похвальныхъ словъ, читаемыхъ въ прословутой ихъ Бесѣдѣ? Да сохранятъ насъ отъ того златовласый Фебъ и музы. Пусть сычи вѣчно останутся сычами: мы вѣчно будемъ удивляться многоплоднымъ ихъ произведеніямъ, вѣчно отпѣвать ихъ, вѣчно забавляться ихъ трагедіями, плакать и зѣвать отъ ихъ комедій, любоваться нѣжностію ихъ сатиръ и колкостію ихъ мадригаловъ. Вотъ чего я желаю, и чего вы любезнѣйшіе товарищи, должны желать непрестанно для утѣшенія и чести Арзамаса.

1816.

Русскій Архивъ 1876 г., кн. I.

IV.

Замѣчанія о людяхъ и обществѣ.

Горесть, которую никому открыть не можно, есть величайшая.

Многіе изъ насъ готовы на совѣты, рѣдкіе на услуги.

Въ обществѣ добрыхъ людей сердце всегда бываетъ на просторѣ; ты при нихъ можешь быть самимъ собою и не опасаться ни кривыхъ толковъ, ни язвительныхъ насмѣшекъ.

Нищій проситъ малаго; но ты, подавая ему милостыню, дѣлаешь для себя многое.

Не говори съ Ликастомъ: онъ тебя слушаетъ съ небреженіемъ, или лучше сказать, онъ и не слышитъ рѣчей твоихъ. У него въ головѣ совсѣмъ другое! Онъ думаетъ объ обѣдѣ, на который онъ отозванъ; объ игрѣ, которая его въ тотъ вечеръ ожидаетъ, а совсѣмъ не о тебѣ. Ты ему лишь только докучаешь своими вопросами и разсужденіями. Говори съ людьми умными, вѣжливыми; ихъ бесѣда всегда пріятна, и ты имъ не въ тягость.

«Тартюфъ» и «Мизантропъ» превосходнѣе всѣхъ нынѣшнихъ трилогій. Не опасаясь гнѣва модныхъ романтиковъ и не смотря на строгую критику Шлегеля, скажу искренно, что я предпочитаю Мольера—Гете и Расина — Шиллеру. Французы перенимали у Грековъ, и сами сдѣлались образцами въ драматическомъ искусствѣ.

Что вы думаете о новой поэмѣ Козлова? — Ничего, я стиховъ не читаю. А о сочиненіяхъ въ прозѣ Жуковскаго?—Я прозы не люблю.

На этихъ дняхъ ты былъ у Розаліи; она приняла тебя учтиво, ласково, и ты нашелъ ее любезною. Вчера ты встрѣтился съ нею на балѣ у княгини Д.... Она тебя не узнала и не хотѣла поклониться съ тобою. Что тому причиною? Сущая бездѣлица. Розалія,

будучи дома, не жеманится; на балѣ—дѣло совсѣмъ другое. Столько разныхъ предметовъ ее тамъ занимаютъ! У тебя же нѣтъ ни богатаго мундира, ни знаковъ отличія; ты въ отсавкѣ и одѣтъ просто. Чему удивляться, что въ многолюдномъ собраніи тебя модная дама не примѣтила? Довольно и того, что она тебя примѣчаетъ, когда ты бываешь въ гостяхъ у ея мужа; иныя и того не дѣлаютъ и дѣлать не хотятъ.

Видѣли ли вы италіанскую оперу Семерамиду? — Видѣлъ, но для меня четвертая часть Русалки гораздо забавнѣе; къ тому же знатоки говорятъ, что и музыка оперы Русалки несравненно лучше.

Любовь — прелесть жизни, дружба — утѣшеніе сердца. О нихъ говорятъ много, но рѣдкіе ихъ знаютъ.

Атеизмъ есть совершенное безуміе. Взгляни на солнце, на луну и звѣзды, на устройство вселенной, на самого себя, и скажешь съ умиленіемъ: есть Богъ!

Какая выгода быть добрымъ? Злые благоденствуютъ, добрые угнетены судьбою.—Ты забылъ, что сіи послѣдніе наслаждаются первѣйшимъ благомъ въ жизни—чистою совѣстью.

Клеонъ всегда занятъ. Каждое утро у него въ домѣ настоящая ярмарка. Поѣзжай къ нему, и ты найдешь его окруженнаго пѣсельниками, барышниками, цыганами. Въ гостиной у него сидитъ виртуозъ на балалайкѣ и играетъ варіаціи; въ другой комнатѣ торговка раскладываетъ платки и шали. Разносчикъ изъ Охотнаго ряда является съ устрицами, оффиціантъ подаетъ кулебяку и лимоны. Хозяинъ торгуетъ у Бойцова лихаго иноходца и отдаетъ за него четверку вороныхъ лошадей, медвѣжью шубу и старинную золотую табакерку. Дѣло сдѣлано: Клеонъ въ восторгѣ. Съѣзжаются пріятели, пѣсельники кричатъ, цыгане пляшутъ, и шампанское льется рѣкою. Прекрасно, весело! Но сохрани Боже быть частымъ собесѣдникомъ Клеона! Ты всегда возвратишься отъ него съ шумомъ въ головѣ и съ пустотою въ сердцѣ.

Вотъ прекрасная молитва одного мусульманина: «Господи, яви милость свою надъ злыми, ибо ты все сдѣлалъ для добрыхъ, сдѣлавъ ихъ добрыми!»

1826.

Литературный Музеумъ на 1827 г.

ПИСЬМА.

I.

Н. М. Карамзину.

28-го іюня 1803 г. Берлинъ.

Пишу къ вамъ съ сердечнымъ удовольствіемъ, любезный Николай Михайловичъ. Вы увѣрены, конечно, сколь много почитаю и

люблю васъ; а я увѣренъ, что мое письмо будетъ вамъ пріятно. Путешествіе мое благополучно; я ѣду тихо, но покойно. Въ Ригѣ жилъ пять дней. Этотъ городъ мнѣ понравился чрезвычайно. Я осмотрѣлъ ратушу, библіотеку, домъ Черноголовыхъ (Schwarzhäupter); гулялъ въ саду Фитингофа, провелъ цѣлыя сутки въ деревнѣ добраго господина Гая, банкира моего. Жители въ Ригѣ богаты, а женщины любезны; говорятъ всѣ по французски и очень обходительны. Въ первый день пріѣзда моего въ Ригу я пошелъ искать домъ господина Гая; долго не находилъ его: вижу прекрасную женщину, сидящую подъ окномъ, съ книгою въ рукахъ. Она догадалась, что я пріѣзжій; позвала меня очень учтиво и спросила, кого мнѣ надобно. Мужъ ея вышелъ, пригласилъ къ себѣ, и я очутился въ домѣ богатаго купца Эльснера. Жена его, или лучше сказать грація, читала ваше путешествіе; натурально, что я говорилъ о васъ: сказалъ, что васъ знаю, что вы меня любите, что на канунѣ отъѣзда моего я провелъ цѣлый день съ вами. Г. Эльснеръ далъ мнѣ письмо къ брату своему въ Парижъ; онъ самъ недавно оттуда возвратился; очень знакомъ съ Сіесомъ, съ Франсуа де-Нёшато и со многими другими учеными людьми. Въ Данцигѣ я видѣлъ великолѣпную соборную церковь. Картина Страшнаго Суда достойна примѣчанія; только я удивляюсь воображенію живописца Ван-Эйка. Архангелъ Гавріилъ держитъ вѣсы и вѣситъ грѣшниковъ: кто тяжелъ, тотъ и грѣшенъ; того и тащитъ сатана крюкомъ въ адъ. Блаженные, идущіе въ рай, чрезвычайно другъ на друга похожи и что-то не такъ веселы, какъ бы имъ быть надлежало; но краски живы, и нѣкоторыя физіономіи чрезвычайно хорошо изображены; а особливо нашей братьи, грѣшниковъ. Порокъ, видно, во всемъ легче представить, нежели добродѣтель! Въ Данцигѣ есть собраніе на подобіе нашего Англійскаго клуба. Банкиръ мой, господинъ Пельтръ, меня туда пригласилъ съ собою; я читалъ газеты и разговаривалъ съ Пельтромъ о нашей литературѣ. Путешествіе ваше ему очень извѣстно, но похвальнаго слова онъ еще не имѣетъ.

Въ Берлинѣ я живу очень пріятно. Господинъ Алопеусъ, министръ нашъ, человѣкъ умный и благосклонный. Господинъ Коцебу былъ у меня, и я третьяго дня у него ужиналъ; подарилъ ему портретъ вашъ, и онъ благодарилъ меня чрезвычайно. Вчера я видѣлъ въ первый разъ Ифланда: актеръ безподобный, и какихъ я, конечно, видалъ мало. Онъ играетъ такъ натурально, такъ хорошо, что я, хотя по-нѣмецки знаю плохо, но понималъ все. Актрисы здѣсь также очень хороши: Унцельманъ, Миллеръ и пр. Я сидѣлъ въ ложѣ у Коцебу; играли его новую комедію Die Pagen-Streiche, которая еще неизвѣстна въ Россіи. Сегодня я званъ на вечеръ къ господину Мерта, здѣшнему книгопродавцу; ученому и любезному человѣку. Въ Берлинѣ я видѣлъ всѣ рѣдкости,

все, что достойно любопытства: дворецъ, въ которомъ всего болѣе мнѣ полюбилась картина Ангелики Кауфманъ—Іисусъ; арсеналъ, оперный домъ, католическую церковь, фарфоровую фабрику, королевскую библіотеку. Фасадъ оперпаго дома прекрасенъ; но великолѣпнѣйшее зданіе въ Берлинѣ, зданіе, которое прославляетъ царствованіе Фридриха-Вильгельма,—ворота Бранденбургскія, построенныя на подобіе аѳинскихъ Пропилеевъ, всего болѣе прельщаютъ глаза путешественника. Паркъ есть обыкновенное гулянье здѣшнихъ жителей. Въ немъ построено много прекрасныхъ домиковъ, куда собираются пить кофе, пиво, лимонадъ и курить табакъ. Лучшій домъ принадлежитъ славному Ифланду. Я тамъ гулялъ и провелъ цѣлый вечеръ съ нашимъ священникомъ Иваномъ Борисовичемъ Чудовскимъ. Онъ съ удовольствіемъ вспоминаетъ о васъ и сказывалъ мнѣ, что вы у него пили чай въ Дрезденѣ. Я живу въ Hôtel de Russie; просыпаюсь и вижу липовую аллею; вижу берлинскихъ красавицъ съ корзинками въ рукахъ, которыя прогуливаются и работаютъ. Знатныхъ господъ теперь въ городѣ мало. Вдовствующая королева въ Фреенвальдѣ: мѣсто пріятное и извѣстное своими банями.

За хозяйскимъ обѣдомъ я познакомился съ однимъ Полякомъ, господиномъ Бернаки, который любитъ русскій языкъ и читаетъ русскія книги. Онъ мнѣ сообщилъ польскіи басни, и я перевелъ одну, которую вамъ посылаю.

Сейчасъ я возвратился изъ института глухихъ и нѣмыхъ. Г. профессоръ Этке есть истинный другъ человѣчества. Одного нѣмого спросили при мнѣ, что такое Россія?—«Великая имперія».— Какъ называютъ императора Россійскаго? — «Александръ». Профессоръ сказалъ ему мое имя; онъ тотчасъ написалъ: Пушкинъ. Я былъ тронутъ до слезъ. Кто любитъ добро, долженъ любить и почитать такихъ людей, каковъ Этке. Они дѣлаютъ честь роду человѣческому. Оттуда ѣздилъ я въ Hôtel de Charité, домъ сумасшедшихъ: зданіе огромное, и которое находится подъ надзираніемъ славнаго Гуфланда. Лучше и пріятнѣе видѣть несчастныхъ нѣмыхъ, которые, посредствомъ искусства, перестаютъ быть несчастными, нежели вѣчныхъ страдальцевъ.

Вѣстникъ Европы 1803 г., ч. X.

II.

Н. М. Карамзину.

12-го сентября 1803 г. Парижъ.

Желаніе мое исполнилось, любезный Николай Михайловичъ, я въ Парижѣ и живу пріятно и весело. Каждый день вижу что-нибудь новое и каждый день наслаждаюсь. Сегодня поутру ходилъ я слушать славнаго метафизика Сикара. Онъ говоритъ хорошо, но слиш-

комъ плодовито. Ученикъ его, Масье, удивилъ меня своими отвѣтами. На вопросъ: что такое Богъ? — «Солнце вѣчности», отвѣчалъ онъ: «душа вселенной, отецъ отцовъ, причина причинъ, машинистъ природы».— Маленькая дѣвочка лѣтъ одиннадцати, глухая и нѣмая отъ рожденія, читала вслухъ стихи и выговаривала довольно чисто; только monde (свѣтъ) она иначе сказать не можетъ, какъ mo-de, и на каждомъ словѣ должна непремѣнно останавливаться. — Сикаръ чрезвычайно самолюбивъ; онъ доказывалъ, что аббатъ де л'Епе во многомъ ошибался. J'ai trouvè le verre, сказалъ однажды ему сей почтенный человѣкъ: c'est à vous à faire des lunettes (я изобрѣлъ стекло, а вамъ остается сдѣлать очки.)

Каждую середу обѣдаю у г. Балка съ здѣшними учеными и успѣлъ уже со многими познакомиться. Дюсизъ и Бернарденъ-де-Сен-Пьеръ—добрые и милые люди; послѣдній очень старъ и дряхлъ, но еще пріятенъ умомъ. Арно, авторъ трагедіи «Марія», человѣкъ съ отмѣнными дарованіями. Виже уменъ и довольно любезенъ, но такъ много о себѣ думаетъ, такъ много говоритъ, что наконецъ проклинаешь и умъ его, и любезность. Мерсье-ничто иное, какъ сумасшедшій: онъ недавно сочинилъ сатиру, въ которой ругаетъ какъ можно болѣе астрономію, Ньютона, Бюффона и пр. Я выпишу изъ нея нѣсколько стиховъ, чтобъ дать вамъ идею о цѣломъ сочиненіи:

Les constellations je les ai dans ma poche;
Le globe de la terre est toujours à la broche,
Sous les yeux du soleil, ce beau dindon rôti
D'un si large bienfait n'est pas seul investi.
Tournez également, succulentes planètes! etc.

На сихъ дняхъ я былъ у госпожи Жанлисъ. Она принимаетъ хорошо, говоритъ умно и просто. — «Я рѣдко вижусь съ авторами», сказала она мнѣ: «люблю ихъ читать, а не быть съ ними». Госпожа Жанлисъ ненавидитъ философію, вздыхаетъ о прошедшемъ и пишетъ романы въ ожиданіи будущаго. Она всѣмъ недовольна, а болѣе всего, кажется мнѣ, старостью.

Въ прошедшее воскресенье, въ день блаженнаго Августина, славный ораторъ, аббатъ де-Булонь, говорилъ проповѣдь. Многіе утверждаютъ, что онъ не хуже Массильона. Я слушалъ его съ удовольствіемъ; но признаюсь, что всего болѣе поражало меня умиленіе Французовъ, которые недавно жгли церкви и гнали священниковъ. Ораторъ говорилъ о пользѣ религіи, о монастырскихъ учрежденіяхъ, о о должномъ почтеніи въ пастырямъ церкви и пр. Я самъ думаю, что Боссюэтъ, Фенелонъ, Массильонъ достойнѣе любви Вольтера и Дидерота; одни были истинные друзья человѣчества; другіе желали отнять у насъ единственное утѣшеніе—вѣру.

Кто хочетъ видѣть совершенную красавицу, тотъ долженъ идти въ музей Наполеона и смотрѣть на прелестную Венеру Медицисъ. Я согласенъ съ Дюпати, что въ ней все Венера. Въ той же залѣ по-

ставлена славная группа Лаокоона и величественный Аполлонъ Бельведерскій. Антиной также достоенъ удивленія. Онъ задумался; кажется, что меланхолія запечатлѣла уста его. Въ другой залѣ представляется взору славная Венера Капитолійская. Многіе знатоки предпочитаютъ ее Венерѣ Медицисъ; но я не знатокъ и люблю то, что болѣе дѣйствуетъ на мое сердце.

Французы ласковы и любятъ иностранныхъ. Красавицъ вездѣ много, но должно признаться, что нигдѣ нѣтъ столько любезныхъ женщинъ, какъ во Франціи. Все нимфы и граціи! Госпожа Рекамье мила, добра, но совсѣмъ не такъ хороша, какъ говорятъ объ ней. Здѣсь продаютъ ея портреты, и когда она показывается въ обществѣ, то всѣ бѣгутъ и толпятся вокругъ ея. Мужъ ея принялъ меня очень хорошо. Вчера я у него обѣдалъ, а госпожа Рекамье предложила мнѣ мѣсто въ ложѣ своей. У нихъ въ домѣ познакомился я съ славною актрисою Дюшеноа, которая чрезмѣрно дурна лицомъ, но играетъ въ трагедіяхъ прекрасно. Вы знаете мою страсть къ спектаклямъ и можете вообразить, съ какимъ удовольствіемъ бываю въ парижскихъ! Изъ здѣшнихъ многихъ гульбищъ самое пріятнѣйшее есть Фраскати... Тамъ встрѣтился я съ нашею московскою знакомкою, любезною госпожею Вайлеръ, которой подлинное имя есть Дюкре де'Вильнёвъ. Она и мужъ ея чрезмѣрно обрадовались такой нечаянной встрѣчѣ.

Мы были въ Сенъ-Клу представлены первому консулу. Физіономія его пріятна, глаза полны огня и ума; онъ говоритъ складно и вѣжливъ. Аудіенція продолжалась около получаса. Тамъ, въ большой залѣ, стоитъ картина, изображающая Федру съ Ипполитомъ. Она есть славное произведеніе живописца Гереня. Федра сидитъ подлѣ Тезея; мечъ Ипполитовъ въ ея рукахъ, на блѣдномъ лицѣ ея изображается любовь и отчаяніе. Ипполитъ кажется говоритъ:

«Le jour n'est pas plus pur que le fond de mon coeur». Расинъ, увидѣвъ эту картину, конечно, обнялъ бы Гереня отъ всего сердца. Насъ представляли также и госпожѣ Бонапарте, которая принимаетъ всѣхъ съ величайшею любезностью.

Не буду вамъ говорить о Версаліи, великолѣпномъ ея дворцѣ и садахъ, которые вы знаете. Подобно вамъ, я гулялъ въ Тріанонѣ и наслаждался пріятнымъ вечеромъ. Тамъ, гдѣ все украшалось нѣкогда присутствіемъ Маріи-Антуанеты, видны теперь меланхолическія развалины! Ресторатор живетъ въ ея комнатахъ. Тріанонскія воды обратились въ луга; гдѣ прежде ловили рыбу, тамъ косятъ сѣно. Гротъ, хуторъ, хижина существуютъ и нынѣ, но все близко къ разрушенію.

Le Journal des Débats и l'Observateur Français любопытнѣе всѣхъ прочихъ журналовъ. Жоффруа заступилъ здѣсь мѣсто покойнаго Фрерона: ругаетъ и критикуетъ Вольтера, Жанъ-Жака и др.

Онъ пишетъ очень умно и забавно, и всѣ читаютъ съ удовольствіемъ его журналъ, даже и враги его. Издатель Французскаго Наблюдателя также пишетъ пріятно и всегда старается противорѣчить сопернику своему Жоффруа. Прочіе журналы здѣсь въ совершенномъ забвеніи.

Нынѣшній вечеръ провелъ я съ аббатомъ Сикаромъ. Онъ разсуждалъ о безсмертіи души, и мнѣ казалось, что я бесѣдую въ Афинахъ съ Платономъ.— «Атеисты и матеріалисты не чистосердечны», сказалъ Сикаръ: «они сами увѣрены, что мы имѣемъ шестое чувство, которое управляетъ прочими. Глазъ, напримѣръ, видитъ, а душа различаетъ и говоритъ: это дерево, столъ, цвѣтокъ и пр. Думать—есть говорить съ собою внутреннимъ словомъ, parole interieure, а говорить — есть думать вслухъ. Даръ слова происходитъ непосредственно отъ Бога». — Виже спорилъ съ Сикаромъ объ одномъ граматическомъ правилѣ; наконецъ, согласился съ нимъ, обнялъ его и сказалъ: «Mon ami, je suis un Grammatiste, mais vous êtes un Gram-«mairien».

Вѣстникъ Европы 1803 г., ч. XI.

III.

Князю П. А. Вяземскому.

14-го декабря (1812 г.) Нижній-Новгородъ.

Наконецъ, любезнѣйшій князь, я дождался письма твоего. Оно меня сердечно обрадовало, въ чемъ я думаю ты и не сомнѣваешься. Поздравляю тебя съ сыномъ. Да будетъ онъ со временемъ твоимъ другомъ и утѣшителемъ!

Я вижу изъ письма твоего, что ты грустишь о Москвѣ, но какъ и не грустить о кормилицѣ нашей? Другой Москвы не будетъ, и часъ-отъ-часу разореніе столицы намъ будетъ чувствительнѣе. Я потерялъ въ ней все движимое мое имѣніе. Новая моя карета, дрожки, мебели и драгоцѣнная моя библіотека,—все сгорѣло. Я ничего вынесть не могъ; денегъ у меня не было, и никто не помогъ мнѣ въ такой крайности. Что дѣлать? Я благодарю теперь Бога, что Онъ осѣнилъ щитомъ своимъ храбрыя наши войска, поражающія бѣгущаго злодѣя. Аттила нашего вѣка покрылъ себя вѣчнымъ стыдомъ, и бѣдствія наши ни малѣйшей не принесли ему пользы.

Ты спрашиваешь, что я дѣлаю въ Нижнемъ-Новгородѣ? Совсѣмъ ничего. Живу въ избѣ, хожу по морозу безъ шубы, и денегъ нѣтъ ни гроша. Вотъ завидное состояніе, въ которомъ я теперь нахожусь. Алексѣй Михайловичъ, однофамилецъ мой, кричитъ громче и куритъ табакъ болѣе прежняго. Онъ съ утра до вечера играетъ въ карты и выигралъ уже тысячъ до восьми. Я довольно часто бываю здѣсь у Бибиковыхъ и у Архаровыхъ. Кокошкинъ пишетъ изъ Ярославля, что онъ переводитъ «Федру». Читалъ-ли ты подражаніе его пророку Аввакуму? Знаешь-ли ты, что Батюшковъ входитъ въ военную

службу и будетъ адъютантомъ у Алексѣя Николаевича Бахметева? Блудова и Сѣверина я ни мало не виню: они служатъ въ дипломатическомъ корпусѣ и если поѣхали въ чужіе краи, то поѣхали не по пустякамъ. Баклуши бить, право, скучно: я это и по себѣ знаю.

Посылаю тебѣ стихи мои къ жителямъ Нижняго-Новгорода. Три первые куплета тебѣ извѣстны. Вотъ и послѣдніе. Не знаешь ли ты чего о Жуковскомъ? Пишетъ ли онъ къ тебѣ и здоровъ ли онъ? Прости, любезнѣйшій. Я тебѣ повторяю то же: надѣйся и мужайся! Богъ милосердъ!

Русскій Архивъ 1866 г.

IV.

А. С. Пушкину.

(17-го апрѣля 1816 г. Москва).

Благодарю тебя, мой милый, что ты обо мнѣ вспомнилъ. Письмо твое меня утѣшило и точно сдѣлало съ праздникомъ. Желанія твои сходны съ моими; я истинно желаю, чтобъ *непокойные* стихотворцы оставили насъ въ покоѣ. Это случиться можетъ только послѣ *дождика въ четвергъ*. Я хотѣлъ было отвѣчать на твое письмо стихами, но съ нѣкоторыхъ поръ муза моя стала очень лѣнива, и ее тормошить надобно, чтобъ вышло что-нибудь путное. Вяземскій тебя любитъ и писать къ тебѣ будетъ. Николай Михайловичъ въ началѣ мая отправляется въ Царское Село. Люби его, слушайся и почитай. Совѣты такого человѣка послужатъ къ твоему добру и, можетъ быть, къ пользѣ нашей словесности. Мы отъ тебя многаго ожидаемъ. Скажи Ломоносову, что не похвально забывать своихъ пріятелей; онъ написалъ къ Вяземскому предлинное письмо, а мнѣ и поклона нѣтъ. Скажи, однако, что хотя я и пеняю ему, но люблю его душевно. Что до тебя касается, мнѣ въ любви моей тебя увѣрять не должно. Ты сынъ Сергѣя Львовича и братъ мнѣ по Аполлону. Этого довольно. Прости, другъ сердечный! Будь здоровъ, благополученъ, люби и не забывай меня!

Вотъ эпиграмма, которую я сдѣлалъ въ Яжелбицахъ *): Сходство съ Шихматовымъ и хромымъ почталіономъ.

Шихматовъ! Почтальонъ! Какъ не скорбѣть о васъ?
Признаться надобно, что участь ваша злая:
У одного нога хромая,
А у другого хромъ Пегасъ.

Складчина. С.-Пб. 1874.

V.

Н. И. Гнѣдичу.

(Начало августа 1816 г. Москва.)

Благодарю сердечно любезнаго Николая Ивановича за прекраснѣйшую критику. Батюшковъ истинно отгадалъ въ одну минуту,

*) Въ Яжелбицахъ мы нашли почталіона хромого, и Вяземскій мнѣ эту задалъ эпиграмму.

что вы авторъ столь справедливыхъ и остроумныхъ замѣчаній. Онъ боленъ, но душою здоровъ и пишетъ стихи безподобные. Что до меня касается, я вовсе ничего не дѣлаю, «молчу и слушаю другихъ». Откуда взялся рыцарь Грибоѣдовъ? Кто воздоилъ сего кандидата Бесѣды пресловутой? Ради Бога, освободите насъ отъ нелѣпостей и не слушайте Батюшкова. Пишите, браните и наказуйте! Должно вранью сдѣлать конецъ! Крылову отъ меня усердный поклонъ. Тургенева мы ждемъ нетерпѣливо, и ждемъ много новаго и пріятнаго. Кажется мнѣ, что я съ музами и Петербургомъ простился навсегда или по крайней мѣрѣ на долго. Нѣтъ ни воображенія, ни денегъ. Du destin qui fait tout tel est l' arrêt cruel. Цѣлую Омира или Омера и поручаю себя въ его дружбу. Василій Пушкинъ.

Сочиненія К. Н. Батюшкова, т. III, стр. 391.

VI.

Н. И. и О. С. Павлищевымъ.

2-го февраля 1828 г. Москва.

Любезные друзья, Николай Ивановичъ и Ольга Сергѣевна! Молю Бога, чтобъ Онъ благословилъ васъ, и чтобъ вы были счастливы совершенно. Я васъ поздравляю отъ искренняго сердца и увѣренъ, что во всякое время вы будете стараться быть утѣшеніемъ вашихъ родителей. Поручая себя въ вашу любовь, остаюсь преданный вамъ и любящій васъ дядя Василій Пушкинъ.

Л. Н. Павлищевъ. Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ. М. 1890, стр. 48.

VII.

М. П. Погодину.

29-го іюня (1828 г. Москва.)

Милостивый государь мой Михаилъ Петровичъ! Исполняю вашу просьбу и посылаю вамъ томъ сочиненій Дюсиза, въ которомъ находится «Отелло»; но это не переводъ, а подражаніе Шекспиру. Сдѣлайте одолженіе, возвратите мнѣ мою книгу поскорѣе. Я вамъ признаюсь чистосердечно, что мнѣ пріятно услужить вамъ, но я не всѣмъ книги мои повѣряю; онѣ составляютъ единственное мое удовольствіе. Очень сожалѣю, что я совсѣмъ забытъ вами и что никогда васъ не вижу.

Съ истиннымъ почтеніемъ моимъ имѣю честь пребыть, милостивый государь мой, покорный вашъ слуга Василій Пушкинъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

СТИХИ.

I. Басни и сказки.

VII (*стр. 4.*) Басня эта переведена съ польскаго (см. стр. 146 настоящаго изданія).

XVIII (*стр. 12*). Въ другой редакціи эта басня напечатана въ «Трудахъ Общества любителей россійской словесности» 1817 г., ч. 9 и въ «Невскомъ Альманахѣ» на 1825 годъ.

XXXIV (*стр. 24*). Пушкинъ видѣлся съ Батюшковымъ въ концѣ августа 1818 г., когда послѣдній находился въ Москвѣ предъ своимъ отъѣздомъ за границу. По поводу сказки Пушкина И. И. Дмитріевъ въ письмѣ къ А. И. Тургеневу, отъ 30-го сентября 1818 г. говоритъ: «Старый Пушкинъ читалъ уже мнѣ начало сказки, почерпнутой изъ собранія французскихъ сказокъ; но онъ совершенно обрусилъ ее, назвавъ одного изъ рыцарей Печенѣгомъ, а другого—Кіевскимъ княземъ». (Соч. И. И. Дмитріева, изд. редакціи журнала «Сѣверъ», т. II. стр. 234). Сказка эта была читана Пушкинымъ 7-го декабря 1818 г. въ засѣданіи Общества любителей россійской словесности.

XXXV (*стр. 26*). Эта сказка, хотя и переведена съ французскаго, но заключаетъ въ себѣ нѣсколько оригинальныхъ строкъ (*стр. 30*), въ которыхъ Пушкинъ осмѣиваетъ Шишкова подъ именемъ Башкира и кн. Шаховскаго подъ именемъ брюхастаго стиходѣя. Въ шуточной поэмѣ Пушкина «Опасный Сосѣдъ» находятся, между прочимъ, слѣдующія строки, относящіяся къ Шаховскому:

Двѣ гостьи дюжія смѣялись, разсуждали
И «Стерна Новаго» какъ диво величали:
Прямой талантъ вездѣ защитниковъ найдетъ!

Послѣдняя строка заключаетъ въ себѣ ѣдкую иронію, если вникнуть какого рода читательницы восхищались произведеніемъ князя Шаховскаго. Эта же сказка переведена прозою Жуковскимъ и напечатана въ Вѣстникѣ Европы 1809 г., ч. XLVII, № 19.

II. Разныя стихотворенія.

X (*стр. 49*). Стернъ нашъ — Карамзинъ.

XI (*стр. 50*). Михаилъ Тарханіотъ, прозванный Маруллiемъ († 1500 г.), былъ родомъ Грекъ, но писалъ на латинскомъ языкѣ. Онъ сочинялъ гимны и эпиграммы, изданные въ 1532 году. Образцомъ для вольнаго подражанія служила Пушкину піеса подъ заглавіемъ: «Epitaphium Aurae».

XII (*стр. 50*). Иванъ Абрамовичъ Ганнибалъ († 1800 г.) былъ въ родствѣ съ Пушкиными. Его родной братъ, Осипъ Абрамовичъ, былъ женатъ на Марьѣ Алексѣевнѣ Пушкиной, дочь которой, Надежда Осиповна, въ 1796 году вышла замужъ за Сергѣя Львовича Пушкина, роднаго брата Василія Львовича.

— (*стр. 51.*) Christian Cai Lorenz Hirschfeld, родился въ 1769 г. † 1792 г., профессоръ Кильскаго университета. Его сочиненія: 1) Landleben. Bern. 1767; 2) Der Winter. Eine moralische Betrachtung. Leipzig. 1767; 3) Theorie d. Gartenkunst. Leipzig. 1775—1785; 4) Von der Gastfreundschaft. Eine Analogie für die Menschheit. Leipzig. 1777.

XIII (*стр. 52*). Посланіе относится къ Сергѣю Львовичу Пушкину, который тогда находился въ Петербургѣ, служа въ л.-гв. Егерскомъ полку. Въ 1798 году онъ вышелъ въ отставку и переѣхалъ на жительство въ Москву.

XVII (*стр. 55*). Французскимъ оригиналомъ этой піесы воспользовался впослѣдствія и А. С. Пушкинъ для одной изъ своихъ эпиграммъ на Надеждина (1829 г.).

XXIII (*стр. 60*). Переложеніе въ стихи ирмоса, который поется въ Великую Субботу на утрени.

XXIV (*стр. 60*). Кассія (Кассіана, Икасія) жила въ началѣ IX в., при Византійскихъ императорахъ: Θеофилѣ и Михаилѣ. Отказавшись отъ супружества съ Θеофиломъ, она удалилась отъ общества и построила монастырь Икасію. Кассіана извѣстна составленіемъ многихъ стихиръ и другихъ церковныхъ пѣснопѣній. Переложенный Пушкинымъ стихиръ поется въ среду на 7-й недѣлѣ великаго поста.

XXIX (*стр. 62*). Ипполитъ Θеодоровичъ Богдановичъ, авторъ поэмы «Душенька», скончался въ Курскѣ 6-го января 1803 г.

XXX (*стр. 62*). Піеса эта, переведенная съ французскаго, появилась первоначально въ «Другѣ Просвѣщенія», а затѣмъ была напечатана въ С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ 1812 г. и въ Амфіонѣ 1815 г. Первыя двѣ редакціи, по замѣчанію самого переводчика, отличались неисправностями и пропусками.

XXXVII (*стр. 66*). Елисавета Васильевна Хераскова, жена Михаила Матвѣевича скончалась въ сентябрѣ 1807 г.

XLIII (*стр. 68*). Ольга Прекрасная — героическая опера въ 2-хъ дѣйствіяхъ, соч. С. Н. Глинки. Музыка Кашина. Представлена въ первый разъ 14-го января 1809 г.

XLIV (*стр. 68*). Эти пѣсни находятся въ одномъ изъ рукописныхъ масонскихъ сборниковъ, хранящихся въ Румянцевскомъ музеѣ: «Hymnes et cantiques pour la R □ des Amis Réunis à l'O. de St.-Pétersbourg. A Jerusalem l'an 5810 (1810 г.) de Z. V. Z.» Третья пѣсня, въ которой Пушкину принадлежитъ только приведенное заключеніе, сочинена Дальмасомъ.

XLVII (*стр. 70*). Дюмарсе—одинъ изъ первыхъ французскихъ грамматиковъ XVIII в.

— Поэма громкая—Петръ Великій, соч. кн. С. А. Шихматова.

— Пиндаръ нашихъ странъ — Ломоносовъ.

— Балдусъ — А. С. Шишковъ.

— (*стр. 71*). Аристъ — Шишковъ.

XLVIII (*стр. 72*). Это стихотвореніе, вмѣстѣ съ посланіемъ къ Жуковскому, было издано въ 1811 году, въ Петербургѣ, отдѣльной брошюрой, подъ заглавіемъ «Два посланія», съ слѣдующимъ «предувѣдомленіемъ» автора: «Первое изъ сихъ посланій» (къ В. А. Ж.) напечатано было въ 12-мъ номерѣ «Цвѣтника» 1810 г. и было причиною происшествія весьма страннаго въ нашей словесности. Всѣмъ извѣстна польза, проистекающая изъ сего рода дидактическихъ сочиненій: древніе и новые писатели употребляли оныя для исправленія пороковъ, или, переходя отъ общаго къ частному, для направленія на прямой путь въ словесности молодыхъ, неопытныхъ авторовъ. Важная и благородная цѣль сочиненій сихъ всегда была достойно уважаема. Кто бы подумалъ,

что въ наше просвѣщенное время будутъ презирать ихъ, подражанія онымъ называть «модными посланіями» и, что всего хуже, отвѣчать на нихъ непозволительными личностями? Въ одномъ «присовокупленіи», читанномъ, какъ увѣряютъ, въ Академіи (въ чемъ, однако-жъ, я весьма сомнѣваюсь), г. сочинитель говоритъ слѣдующее: «Сіи судьи и стихотворцы въ посланіяхъ своихъ взываютъ къ Виргиліямъ, Гомерамъ, Софокламъ, Еврипидамъ, Гораціямъ, Ювеналамъ, Саллустіямъ, Ѳукидидамъ, затвердя одни только имена ихъ и, что всего удивительнѣе, научась благочестію въ «Кандидѣ» и благонравію и знаніямъ въ парижскихъ переулкахъ, съ поврежденнымъ сердцемъ и помраченнымъ умомъ вопіютъ противъ невѣжества и, обращаясь къ тѣнямъ великихъ людей, толкуютъ о наукахъ и просвѣщеніи».

Risum teneatis, amici? И я, вмѣсто того, чтобы сердиться на такую нескладицу, хотѣлъ бы лучше самъ посмѣяться ей отъ добраго сердца; но обвиненія, относящіяся до нравственности и вѣры, слишкомъ важны. Я долженъ былъ опровергнуть оныя и, кажется, исполнилъ сіе во второмъ посланіи, къ Д. В. Дашкову, равномѣрно навлекшему на себя учтивою критикою гнѣвъ новѣйшихъ нашихъ Славянъ».

— (*стр. 73*). Старословъ — Шишковъ.

— Подъ рѣчами безъ плана разумѣется «Разсужденіе о краснорѣчіи Священнаго Писанія», Шишкова.

— Подъ томами, написанными на древняго Бояна, Пушкинъ разумѣетъ обширный коментарій на «Слово о полку Игоревѣ», напечатанный Шишковымъ въ «Сочиненіяхъ и переводахъ, издаваемыхъ Россійской Академіей» (1805 г.).

L (*стр. 74*). Павелъ Николаевичъ Приклонскій, директоръ московскихъ театровъ, былъ авторомъ нѣсколькихъ драматическихъ піесъ. Онъ и братъ Василія Львовича, Николай Львовичъ, были женаты на Измайловыхъ.

LI (*стр. 75*). И. И. Дмитріевъ говорилъ, что эти стихи напоминаютъ ему колодника, который подъ окномъ проситъ милостыню и оборачивается съ ругательствомъ къ уличнымъ мальчишкамъ, которые дразнятъ его (Р. Архивъ 1866 г., ст. 243). Профессоръ Московскаго университета Г. И. Фишеръ, бывшій въ Нижнемъ-Новгородѣ вмѣстѣ съ Пушкинымъ, положилъ эти стихи на ноты, которыя и приложены къ № 16-му Вѣстника Европы за 1815 годъ.

LIII (*стр. 77*). Это посланіе, написанное во вкусѣ Грессе, было сочинено въ Нижнемъ-Новгородѣ, куда Пушкинъ ѣздилъ въ 1814 году. Въ немъ авторъ упоминаетъ, между прочимъ, объ Аристархѣ-гонителѣ, то есть, о М. В. Милоновѣ, который осмѣивалъ Василія Львовича въ своихъ сатирахъ (см. Соч. К. Н. Батюшкова, т. III, стр. 185).

— (*стр. 78*). Пѣвецъ милыхъ ларъ — Батюшковъ, написавшій въ 1811 году стихотвореніе «Мои пенаты», которое самъ авторъ сближалъ съ піесой Грессе: «La Chartreuse».

LIV (*стр. 78*). Маргарита Аполлоновна Волкова (1786 † 1859), приводя это стихотвореніе въ письмѣ къ В. И. Ланской отъ 23-го февраля 1814 г., замѣчаетъ: «Ты, конечно отгадываешь, что это Пушкинъ жалуется, что слишкомъ рано появился на свѣтъ Божій. Меня особенно насмѣшилъ куплетъ о танцахъ, потому что я нарочно, елико возможно, ускорила темпъ въ экоссезѣ, танцуя съ Пушкинымъ на балѣ у Вяземскихъ. Бѣдняжка такъ запыхался, до того усталъ, что мнѣ жалко было на него смотрѣть.

LIX (*стр. 80*). Эти куплеты напечатаны еще въ «Маякѣ» 1842 г., т. I, и въ Сборникѣ студентовъ Петербургскаго университета, вып. I, С.-Пб. 1857.

LX (*стр. 80*). Упоминаемые Пушкинымъ стихи Карамзина—«Освобожденіе Европы и слава Александра I», напечатанные въ 1814 году въ Москвѣ и Петербургѣ.

— (*стр. 82*). Ѳедоръ Ѳедоровичъ Кокошкинъ, управлявшій впослѣдствіи московскимъ театромъ и предсѣдательствовавшій въ Обществѣ любителей россійской словесности, былъ любитель литературы и записной театралъ.

LXVI (*стр. 84*). Эта піеса была напечатана въ Москвѣ отдѣльной брошюрой въ 1815 году и въ собранія стихотвореній Пушкина не вошла.

LXVII (*стр. 85*). Гашпаръ — герой комической поэмы кн. Шаховскаго: «Расхищенныя Шубы». Этимъ именемъ Арзамасцы прозвали самого автора, котораго Пушкинъ осмѣялъ въ «Опасномъ Сосѣдѣ».

LXIX (*стр. 87*). Графъ Толстой — Ѳедоръ Ивановичъ, прозванный Американцемъ, о которомъ любопытныя свѣдѣнія сообщаются въ VIII томѣ сочиненій кн. П. А. Вяземскаго.

— Князь Гагаринъ — Сергѣй Ивановичъ, впослѣдствіи членъ Государственнаго Совѣта, извѣстный агрономъ. Былъ женатъ на Варварѣ Михайловнѣ Пушкиной, сестрѣ Алексѣя Михайловича Пушкина.

— Ржевскій — Павелъ Алексѣевичъ, сынъ извѣстнаго масона и писателя А. А. Ржевскаго.

— Вѣра Ѳедоровна Вяземская — жена кн. П. А. Вяземскаго.

LXX (*стр. 88*). Почтенный Лафонтенъ — И. И. Дмитріевъ.

— Пушкинъ — Алексѣй Михайловичъ.

LXXV (*стр. 91*). Стихи эти были напечатаны въ 1819 году, въ Москвѣ, отдѣльной брошюрой и не вошли въ собранія стихотвореній Пушкина.

— Княгиня Н. П. Голицына (la princesse moustache), рожденная гр. Чернышова, была замужемъ за кн. Владиміромъ Борисовичемъ Голицынымъ.

LXXVII (*стр. 92*). Анжелика Каталани (1779 † 1849), знаменитая пѣвица, посѣтила Петербургъ и Москву въ 1820 году. На послѣднемъ концертѣ, 25-го іюля, Пушкинъ поднесъ ей свое четверостишіе.

LXXXVII (*стр. 94*). Это стихотвореніе было написано Пушкинымъ на экземплярѣ его сочиненій, изданныхъ въ 1822 году и поднесенныхъ кн. Шаликову.

XCIV (*стр. 96*). Князь Сергѣй Алексѣевичъ Голицынъ скончался въ 1824 году.

XCVII (*стр. 97*). Піеса эта написана на смерть Анны Львовны Пушкиной, сестры Василія Львовича, скончавшейся въ ноябрѣ 1824 года.

XCVIII (*стр. 98*). Въ 1824 году, Александръ Ивановичъ Тургеневъ, съ паденіемъ министерства кн. Голицына, вышелъ въ отставку и уѣхалъ за границу.

C (*стр. 99*). Эта элегія, предназначавшаяся для альманаха «Звѣздочка», была напечатана въ «Литературномъ Музеумѣ» на 1827 годъ.

CI (*стр. 100*). Эта пѣсня была напечатана въ «Альбомѣ сѣверныхъ музъ» на 1828 г., безъ имени переводчика. Также предназначалась для «Звѣздочки», изданіе которой не состоялось по случаю ареста А. А. Бестужева и К. Ѳ. Рылѣева.

CVI (*стр. 101*). Трагедія Софокла «Филоктетъ» была переведена съ греческаго И. И. Мартыновымъ и напечатана въ 1825 году.

CXIV (*стр. 104*). Коппъ — содержатель ресторана.

— А. М. Пушкинъ, имѣя сценическій талантъ, участвовалъ въ любительскихъ спектакляхъ.

CXVII (*стр. 110*). Калибанъ — дѣйствующее лицо въ драмѣ Шекспира «Буря». Извѣстно, что романтики высоко цѣнили Шекспира.

CXVIII (*стр. 113*). Тацитъ нашъ — Карамзинъ.

CXIX (*стр. 113*). Кумъ — кн. П. И. Шаликовъ.

CXXIII (*стр. 115*). Лабомель — французскій критикъ, извѣстный по нападкамъ на него Вольтера. Въ слѣдующихъ строкахъ Пушкинъ намекаетъ на Н. А. Полевого, враждебно относившагося къ А. С. Пушкину. Посланіе къ А. С. Пушкину — послѣднее произведеніе Василія Львовича, какъ значится въ автографѣ И. П. Библіотеки. Оно было препровождено авторомъ къ племяннику при слѣдующей запискѣ: «Je vous envoye mon êpitre avec des corrections que je viens d'y faire. Dites-moi, mon cher Alexandre, si vous en êtes content? Je veux, que cette êpitre soit digne d'être adressée à un charmant poète comme vous et nargue des imbécilles et des envieux».

III. Записки въ стихахъ къ князю П. И. Шаликову.

1 (*стр. 116*). Θедоръ Θедоровичъ Кокошкинъ съ 1823 по 1831 г. управлялъ московскими театрами и съ 1827 по 1830 годъ предсѣдательствовалъ въ Обществѣ любителей россійской словесности.

— Филлисъ-Андріе — французская пѣвица; съ 1802 г. находилась на петербургской сценѣ, но посѣщала иногда и Москву.

— Жанъ Парижскій — комическая опера, которая въ 1819 г. была переведена съ французскаго кн. Шаликовымъ.

2 (*стр. 116*). Наташа — дочь кн. Шаликова.

3 (*стр. 116*). Упоминаемый журналъ — «Дамскій Журналъ», издававшійся Шаликовымъ въ 1823—1833 гг.

4 (*стр. 117*). Сонцовъ — Матвѣй Михайловичъ, мужъ Елизаветы Львовны, сестры Василія Львовича.

5 (*стр. 117*). Упоминаемыя газеты — «Московскія Вѣдомости», редакторомъ которыхъ съ 1812 г. былъ кн. Шаликовъ.

— Вельможа и поэтъ — И. И. Дмитріевъ.

6 (*стр. 117*). Люблинскій житель — Александръ Александровичъ Писаревъ, боевой генералъ и писатель. Съ 1825 по 1830 г. былъ попечителемъ Московскаго университета и предсѣдателемъ Общества любителей россійской словесности. Люблино — его помѣстье, въ семи верстахъ отъ Москвы.

12 (*стр. 119*). Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій постоянно и жестоко осмѣивалъ Шаликова въ своихъ эпиграммахъ и шуточныхъ стихотвореніяхъ. Къ Н. А. Полевому Шаликовъ враждебно относился потому, что въ «Московскомъ Телеграфѣ», который издавался Полевымъ, видѣлъ соперника «Дамскому Журналу». По этому случаю, книжки послѣдняго наполнялись грубыми, неприличными выходками, направленными не только на журналъ Полевого, но и на личность его.

17 (*стр. 120*). Бомбаецъ—сокращенное прозвище «Московскаго Телеграфа», который былъ осмѣянъ Воейковымъ подъ именемъ англійскаго журнала «Бомбайская Каланча» («Славянинъ» 1828 г., ч. VIII, № 42, стр. 108). Подъ «Лгуномъ» разумѣется журналъ «Галатея», въ 1829—1839 гг. издававшійся С. Е. Раичемъ, въ которомъ Шаликовъ также видѣлъ своего литературнаго соперника и журналъ его называлъ въ печати «журналомъ ошибокъ и вранья» («Дамскій Журналъ» 1829 г., ч. XXVII, № 29, стр. 43).

20 (*стр. 121*). Говорится, вѣроятно, о князѣ Д. Д. Циціановѣ, съ которымъ Шаликовъ былъ очень близокъ.

24 (*стр. 122*). Макаровъ — Михаилъ Николаевичъ, одинъ изъ плодовитѣйшихъ московскихъ литераторовъ, сотрудникъ «Дамскаго Журнала».

— Глѣбовыхъ было двое: Александръ Петровичъ и братъ его Дмитрій Петровичъ († 1843), заурядный стихотворецъ, сотрудничавшій, между прочимъ, въ журналѣ Шаликова.

26 (*стр. 122*). Атеней — журналъ, издававшійся въ 1828—1830 гг. профессоромъ Московскаго университета М. Г. Павловымъ.

39 (*стр. 125*). Курбатовы — Петръ Александровичъ, директоръ Московскаго университетскаго благороднаго пансіона, и Александръ Дмитріевичъ, упоминаемый Пушкинымъ въ предпослѣдней запискѣ.

43 (*стр. 125*). Нашъ Лафонтенъ — И. И. Дмитріевъ.

53 (*стр. 127*). Измайловъ — Владиміръ Васильевичъ, писатель карамзинской школы.

58 (*стр. 128*). По поводу этого экспромпта Шаликовъ замѣчаетъ: «Поэтъ увидѣлъ эту сцену изъ окна и тотчасъ написалъ сіи стихи при гостяхъ, бывшихъ на этотъ разъ у поэта».

«Записки» Пушкина были напечатаны въ Москвѣ отдѣльною книжкою въ 1834 году, съ слѣдующимъ предисловіемъ издателя, кн. П. И. Шаликова: «В. Л. Пушкинъ пріобрѣлъ извѣстность поэта, любовь читателей, ласки свѣта и дружбу короткихъ знакомцевъ: вотъ мысли, побудившія меня издать сіи записки, не важныя по своему содержанію, относящіяся единственно ко мнѣ, но пріятныя для воспоминаній о человѣкѣ, который своимъ житейскимъ простосердечіемъ уподоблялся Лафонтену болѣе, нежели кто-либо изъ нашихъ баснописцевъ. Какъ же не желать, чтобъ сохранилось все, что ни относится къ дарованію и характеру подобнаго автора! Не скрываю и собственныхъ чувствъ: для меня лестны его записки, имѣющія въ глазахъ моихъ еще и ту цѣну, что онѣ — суть экспромпты; къ нимъ присовокупляю и нѣкоторые изъ своихъ отвѣтовъ».

Въ настоящемъ изданіи эти отвѣты опускаются, но число записокъ Пушкина пополнено еще четырьмя (60, 61, 62, 63), напечатанными въ «Дамскомъ Журналѣ» 1825—1827 гг. (ч. XI, XIII, XX) и въ «Русской Старинѣ» 1888 г. (т. LVII). Изъ содержанія записокъ Пушкина видно, что стихотворная переписка друзей началась въ двадцатыхъ годахъ и продолжалась до самой смерти Василія Львовича.

ПРОЗА.

I (*стр. 130*). Было напечатано въ Москвѣ отдѣльной брошюрой въ 1811 году.

III (*стр. 141*). Мидасъ — Фригійскій царь, бывшій судьею на музыкальномъ состязаніи Пана съ Аполлономъ. Отдавъ предпочтеніе первому, онъ получилъ отъ Аполлона ослиныя уши.

— Великій патріархъ Халдеевъ — А. С. Шишковъ.

— Юноша съ кортикомъ — князь Сергѣй Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ, морякъ, пользовавшійся особеннымъ покровительствомъ Шишкова.

— Лирическое пѣснопѣніе — поэма кн. Шихматова «Петръ Великій», изданная въ 1810 году.

— (*стр. 142*). «Письма Скимнина» — сочиненіе Ѳ. П. Львова, изданное въ 1813 году. Львовъ былъ членомъ Бесѣды.

— «Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ» — сочиненіе Шишкова.

— «Тассовы Бдѣнія» переведены съ итальянскаго Шишковымъ.

— Трагедіи Расина: «Андромаха» и «Ифигенія» переведены гр. Хвостовымъ.

— «Гамлетъ» переведенъ С. И. Висковатовымъ.

— Трагедія Вольтера «Китайскій Сирота» переведена кн. Шаховскимъ.

— Прибавленіе къ прибавленіямъ — намекъ на Шишкова, кот
издавалъ обыкновенно различныя прибавленія къ своимъ сочиненія
— Палачъ Депрео и Расина — гр. Хвостовъ, который перевелъ,
жду прочимъ, «Науку о стихотворствѣ» Буало-Депрео.
— Секретарь Бесѣды — Соколовъ, однофамилецъ секретаря Ро
ской Академіи.
— (*стр. 143*). Толсточреватый комикъ — кн. Шаховской.
— Неутомимый риѳмоткачъ — гр. Хвостовъ, писавшій, между
чимъ, и нелѣпыя басни.—Стихотворенія, въ которыхъ мало глаголо
намекъ на оригинальное свойство стиха кн. Шихматова, который
бѣгалъ въ своихъ произведеніяхъ риѳмъ на глаголы.
— Называя членовъ Бесѣды сычами, Пушкинъ указываетъ эт
на свою басню «Сычи», въ которой изображена борьба просвѣщенія
невѣжествомъ.

ПИСЬМА.

I (*стр. 145*). Похвальное слово—Екатеринѣ II, напечатанное К
рамзинымъ въ 1802 г.
— Алопеусъ, Максимъ Максимовичъ (род. 1748 † 1822 г.) бы
дважды посломъ въ Пруссіи: въ 1790—1796 гг. и въ 1802—1808.
— (*стр. 146*). Упоминаемая басня — Соловей и Чижъ.
IV (*стр. 150*). Письмо это служитъ отвѣтомъ на стихотвореніе А.
Пушкина: «Желаніе», въ которомъ гр. Хвостовъ названъ «непокойным
стихотворцемъ.
— Ломоносовъ — Сергѣй Григорьевичъ, лицейскій товарищъ А.
Пушкина.
V (*стр. 150—151*). Въ «Сынѣ Отечества» 1816 г. (ч. XXX, № 2
и въ «Вѣстникѣ Европы» того же года (ч. LXXXVII, № 9) былъ на
печатанъ П. А. Катенинымъ вольный переводъ Бюргеровой «Леноры
подъ заглавіемъ «Ольга». По поводу этого перевода въ «Сынѣ Отече
ства» (ч. XXXI, № 27) появилась анонимная критическая статья, при
надлежавшая Гнѣдичу, который неодобрительно отозвался о перевод
Катенина. За послѣдняго вступился А. С. Грибоѣдовъ, напечатавші
въ «Сынѣ Отечества» (ч. XXXII, № 16) статью: «О разборѣ вольнаго
перевода Бюргеровой баллады: «Ленора». Въ этой статьѣ Грибоѣдовъ
осмѣялъ Гнѣдича, а мимоходомъ задѣлъ и Жуковскаго, который ещ
раньше Катенина переложилъ на русскій языкъ балладу Бюргера.
VI (*стр. 151*). Письмо это написано по поводу выхода замужъ родной племянницы Василія Львовича, Ольги Сергѣевны Пушкиной, за Николая Ивановича Павлищева.